Вѣстникъ
Западной Россіи
Историческая
истина
Отъ куда
пошла
земля
русская
и рече
Олегъ
Кіевъ
се буди
мати
градомъ
русскимъ
Вильна
1868.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція **„Вѣстника Западной Россіи“** едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуетъ на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленскаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА II.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.
Въ Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ въ зданіи Гимназіи противу Губернскаго Правленія.

1868.

Довволено Цензурою 20-го марта 1868 года. Вильна.

I.

№ 3.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Челобитная отъ русскихъ князей къ цареградскому патріарху о благословеніи на кіевскую митрополію избраннаго ими полотскаго архіепископа Іоны. 1488 г.

Иже по чину архіерея великаго Господа Бога Спасителя нашего Іисуса Христа пръвостоятельному и его всѣмъ (всимъ) ученикомъ и апостоломъ равно власть имущему, въ яже отпущати грѣхи истинному подателю, въсточныя христіанскія церкви обручителю и тоя и сыновъ ея по вселеннѣй правителю и въ таковыхъ свѣтлому свѣтилнику православному, и отъ настоящаго нынѣ вълненія богодухновеннѣ церковь и соборъ ея утѣшающому и кротко и правително къ тихому пристанищу приводящому и руцѣ живодателныхъ водъ источники нескудно вездѣ по вселенѣй всѣмъ изливающому, святѣйшому, и честнѣйшому, и благословенѣйшому, великому, житіемъ равноангел-

ному, господину господемъ и отцу отцемъ киръ имръ святѣйшому патріарху, великому архіерею Константиноградскому, о Господѣ радоватися!

Сынове послушанія ти князи Русскіи, живущіи подъ державою великого господаря, наяснѣйшого пана Казиміра короля Польского, и великого князя Литовскаго, и Русскаго, и иныхъ невымовныхъ земель владителя, иже держащіи вѣру православную Греческую, Богу помогающому, неоступно, и до смерти, челомбитіе главъ нашихъ съ всѣми чувствы тѣлъ нашихъ великому святителству твоему чрезъ посла нослали есмо. Вѣдомо да есть святителству твоему, яко предъ симъ въ мало мимошедшое время, Богу тако извольшу, отець нашь и учитель нашь, съ служебникъ святыни ти, добрепомянутый господинъ Симеонъ, митрополитъ Кіевскій, архіепископъ всеа Руси, житья отъиде, и престолъ митрополіи Кіевскія не мало вдовствуя бѣ; намъ же непрестанно прилежнымъ моленіемъ господаря нашего упросившимъ, да повелитъ его держава избрати годнаго настоятеля престолу Кіевскому и всея Руси; его же величеству нами умолену, тако повелѣвшу. И тако взысканію многу бывшу въ всихъ странахъ державы господаря нашего, и по многихъ временныхъ днѣхъ обрѣтохомъ мужа свята, достойна вѣры, умѣющаго въ разумныхъ правителя христьянству, въ писаніехъ сугубо наказаннаго, могущаго иныхъ позловати (пользовати), и противящимся закону нашему силного возбранителя и устъ таковѣмъ затыцателя, господина Іону, архіепископа Полоцкого. Оному же вышереченному архіепископу велико не хотящу и недостойна себе глаголющу, но повелѣніемъ господаря нашего и моленіемъ и прошеніемъ нашимъ, напередъ всего духовенства и посполства, едва умоленъ, волю приложи къ тому. Нынѣ же предреченый господинъ нашъ Іона архіепископъ, призволеніемъ господаря нашего короля его

державства и зъ листы его державы величества, послалъ къ святительству твоему, яко къ отцу отцемъ и подателю новсюду благословенія, посла своего мужа выбраннаго, честнаго господина Іосифа, архимандрита и настоятеля монастира Святыя Троицы, иже въ Слуцку, благословенія требуючи отъ святительства твоего, яко да вразумѣетъ святительство твое въ листѣхъ господаря нашего и въ рѣчахъ послѣ оного. Мы же вси, имже образомъ бѣ написанная и глаголанная, отъ мала и до велика весь сонмъ, сынове Русскіи, якоже предрекохомъ, сынове послушанія паствы твоея, православія уряду церкви Греческыя, молитву и прошеніе наше възсылаемъ святительству твоему, яко да учинитъ святыня твоя къ нашему утвержденію, ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да не умедлитъ отъ руки твоей мечь духовный отцу, нашему, имже оборонити насъ добро творящихъ, а злымъ изъпачала.... *) явлено о томъ самому величьству святыни твоей разумно, яко да видѣвшее дарованіе и благословеніе святителства твоего, вси но вселеннѣй державы господаря нашого, великаго князьства Литовскаго и Русскаго, усердно возрадуемся, хвалы въздавающи щедротамъ и милосердному благоутробію святительства вашего. Что ради самовидно обличне съслужебнику твоему, отцу нашому, невмѣстно преити тамо; но благоутробіемъ и смиреномудріемъ на краткое наше и неразумное написаніе вънми, святителю, и прошенія и моленія нашего, яко милостивый и щедрый отецъ, не презри, но пріими паче всѣхъ о Христѣ Іисусѣ о Господи нашомъ, Ему же слава съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. Аминь.

Изъ рукописи въ листъ, хранящейся въ библіотекѣ Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря и значащейся

---

*) Здѣсь пропускъ.

по каталогу подъ № 4. Рукопись содержитъ списки Псалтыри и нѣкоторыхъ другихъ книгъ Священнаго Писанія, сдѣланные съ изданія Скорины. Документъ составляетъ позднѣйшій списокъ съ первоначальнаго проэкта челобитной; нѣсколько сдѣланныхъ въ текстѣ пропусковъ переписчикъ надписалъ на сторонѣ; здѣсь эти вставки внесены въ текстъ.

2.

Дарственная запись Константина Ивановича, князя Острожскаго, Смолевичской Св. Николаевской церкви на три волоки земли съ огородами и сѣнокосами. 1507.

Въ имя светое а нераздѣльное Троицѣ Бога Отца и Сына Духа Светого аминь. Нѣхъ се то стане ку вѣчной памети аминь той речи, а ижъ вѣчне речи звыкли то люде бачніи письмомъ воровати а то на часы потомне зоставяти, абы то съ памети людской не выплынело, што уваживши я тое у себе добре, ижъ каждый чоловѣкъ, беручи добродѣйства одъ пана Бога наивышого, повинонъ тежъ оному дяковати и водлугъ наилѣпшого приможенья своего милуючи Его зо всего сердца своего хвалу Его светую помножати розшерати, абы на каждымъ мѣстѣ име Его вызнаване и увельбене было, хотечи той умыслъ и передъсевзятье мое до скутку привести и по собѣ на вѣкуистую наметку зоставить въ имя Его светое, бо што умыслиломъ выконывамъ просечи его светое милости, абы передъсевзятье до скутку привелъ и оно благословилъ и предъ маестатемъ его святымъ вдячъне принялъ и мнѣ грѣшному чоловѣкови ту на тымъ мизерномъ свѣтѣ, а потымъ и въ онымъ крулевствѣ своимъ небеснымъ милостивымъ быти рачилъ. Пре

то я Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышшый, чиню явно и сознаваю тымъ моимъ вѣчистымъ листомъ добровольнымъ записомъ усѣмъ посполите и кождому зособна, кому бы того потреба была вѣдати, нинѣйшымъ и напотымъ будучого вѣку людемъ, ижъ я помененый Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышшый, зъ доброй воли моей зажываючи въ тымъ, правъ свободъ и волностій шлехетскихъ водлугъ нашыхъ великого княжества Литовского описаныхъ, на честь и на хвалу пану Богу всемогучому въ Тройцы светой единому и благословеной Дѣвицы панне Марые, Матки Божой, збудовалемъ церковь въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ *), въ повѣтѣ Минскомъ лежачымъ, которую то церковь зъ ласки его светое добудовавши на.... отцы священники слуги Божіе мешкали при той церкве, и въ ней хвалу наивышшому обычаемъ христіянскимъ услугуючи набоженство порядкомъ церковнымъ одправовали, и зъ того наданья выхованье и оздобу церкви на хвалу Божую мѣли, на которую то церковь мою Смолевицкую заложенья светое Миколы тымъ листомъ и добровольнымъ записомъ моимъ на вѣчность и непорушне записуе, дае, даруе и фундуе въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ волоки двѣ грунту пашного зъ огородами сяножатьми во три змѣны, огородъ тое церкви надъ озеромъ морги два и домъ таже збудованый церковный для мѣшканья отцомъ священникомъ; сѣножать первая, называющаяся Черница **), другая Прехода, третья въ Калюзѣ, четвертая у речки Жежелки, пятая сѣножать въ Пресынку

---

*) Мѣстечко Смолевичи, прежде принадлежавшее къ Минскому уѣзду, въ настоящее время принадлежитъ къ уѣзду Борисовскому; оно находится въ 36 верстахъ отъ города Минска.

**) Черница, Прехода, Калюга, рѣчка Жежелка, Пресынокъ, Слобода Езерицкая, это—урочища, гдѣ была фундушевая земля. Онѣ сохранили такія же названія и до настоящаго времени.

третяя волока въ слободѣ Езерицкой также зъ сѣножатьми тымъ листомъ доброволнымъ записомъ моимъ на вѣчность и непорушне записуе и дае и даруе и фуидуе; даю волности отцомъ священникомъ, при той церкви будучимъ, въ имѣнью моимъ Смолевицкимъ на потребу ихъ власную въ млынѣ Смолевицкомъ молоть безъ мѣрки завше, при тымъ тежъ домъ церковный на плацу нашымъ и огородъ для... варива, то вѣчне зоставати маеть при церкви Божой. Которые то отцове свещенники мають люди научати и до хвалы Божой намовяти, абы нана Бога знали и ему яко напу и Створцы своему служили. Въ тымъ мають отцове священники упоминати а непослушныхъ водлугъ уставъ церковныхъ карати, и повинни они парафяне до тое церкве належачые своимъ отцомъ священникомъ во всемъ въ потребахъ церковныхъ допомогати, а по смерти моей мають о душѣ моей печаловати и въ церкви Божой молитвами своеми при хвалѣ Божой вспоминати. И то все яко се вышей tоме.... записуе дае и фундуе на вѣчне часы на тую церковь.... при той церкви повинни будуть отцове священники слуги церковные для спѣванья и одправованья набоженства, якожъ то наданье мое и та фундацыя вѣчными часы при той церквѣ помененой ненарушне и вѣчне трвати.... которую то церковь до владзы юрздычной его милости отца владыки Кіевского нодае, еднакъ жъ нодавцами тое церкви назначамъ и описуе държачыхъ имѣнья Смолевичи яко пановъ дѣдичныхъ по моей смерти позосталыхъ.... тотъ листъ мой добровольный записъ зъ речою въ нимъ описаною дае то церкви Божой и отцомъ священникомъ слугамъ Божимъ, которые въ ней будутъ на вѣчне часы пребывати, до которого я Константынъ князь Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышый печать свою приложилъ и рукою подписалъ. А при томъ за очевистою прозьбою моею ихъ милости

люди зацные земяне того повѣту, которые того будучи свѣтками печати свое приложили и руки подписали, а мяновите его милости: панъ Ежый Скуминъ Тишковичъ, его милость панъ Иванъ Стеткевичъ, его милость панъ Богданъ Ивановичъ Василевичъ, князь Соломерецкій. Писанъ въ Смоловичахъ. Подъ лѣты Божого Нароженья тысяча пятсотъ семого, мѣсеца Марта двадцать семого дня, индыкта десятого Константынъ Ивановичъ Князъ Острожскій, панъ Виленскій, гетманъ найвышшый. Богданъ Ивановичъ Василевичъ князь Соломерецкій рукою власною. Ежый Скуминъ Тишковичъ рукою власною. Иванъ Статкевичъ рукою власпою.

(Сборникъ докум.)

3.

Грамота короля Александра, данная по жалобѣ протопопа Харлампія подстаростему Ивану Шимбору, о перенесеніи церкви Рождества Богородицы изъ Бѣльскаго замка па другое годное мѣсто. 1507 г.

Александръ, Божіею милостію, великій король Польскій, князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомоитскій, Сѣверскій, Мазовецкій, Инфлянтскій и иныхъ. Войту и подстаростему нашому пану Ивану Шимбору. Жаловалъ намъ попъ замковый Бѣльскій Пречистенскій Харлампей, старшій протопопъ о томъ, что жъ дей онъ трудность маетъ, какъ приходить на утреню и на всякъ часъ: ворота замыкаютъ, а къ томужъ дей на праздники сего жъ горей. Матку Божью Рожество Ен люде душатся. Пакъ годъ тому назадъ какъ мы, господарь, будучи въ Бѣльску, разсмотрѣ-

ли, а къ тому и отецъ Васіянъ, владыка, къ намъ писалъ. Inожъ приказуемъ вашей милости, пане подстаростій, штобысь тую церковь Матки Божей Рожества Еи зъ того замку перенеслъ на мѣсто годное. ижъ бо дей зъ наданья княгини Вассы Михайловое, бабки нашое, создана есть, гдѣ жъ бо и тѣло еи положено предъ Богородицею, которое съ богомольемъ пренеси. Преди жъ сего отецъ Васіянъ владыка мѣстце нехай посветить, албо попы пошлетъ, иначей не сдѣлаешь. Писанъ у Ломжи. Подъ лѣты Божого Нароженья 1507, мѣсеца Апрѣля 17, индикта 10. Alexander Rex. Василей Горностай.

Доставлено изъ Бѣльска.

4.

Двѣ королевскія грамоты о пожалованіи церкви Св. Іоанна Богослова въ Витебскѣ земли на Плоской горѣ со льготами крестьянамъ, которые поселятся на ней. 1522 г.

I. Жикгимонтъ, Божою милостью, король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, княже Прусское, Жомоитскій и иныхъ. Воеводѣ Витебскому, маршалку нашому, пану Ивану Богдановичу Сапѣзѣ. Билъ намъ чоломъ попъ церкви Светого Ивана Богуслова зъ Витебска Аөанасей и просилъ въ насъ, абыхмо дали ему мѣстцо двумъ чоловѣкомъ па селидбу со огороды подлѣ церкви Светого Ивана Богуслова двумъ человѣкомъ на селидбу со огородцы Плоское горы ему дали. И ты бы тое мѣстцо казалъ ему завести и подати. Писанъ у Вильни, подъ лѣто Божого Нароженья 1522, мѣсеца іюля 31 дня, индикта 10. Копоть писаръ.

Внизу видны слѣды печати изъ краснаго воска. На

оборотѣ акта позднѣйшая польская помѣтка о его содержаніи. Ветхъ. Хранится въ архивѣ Витебскаго Успенскаго собора.

II. Жикгимонтъ, Божею милостью, король Польскій и великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ Воеводѣ Витебскому, маршалку нашому, пану Ивану Богдановичу Сопѣзѣ и иншымъ воеводамъ Витебскимъ, хто и напотомъ отъ насъ тотъ замокъ Витебскъ будетъ держати. Билъ намъ чоломъ священникъ нашъ и богомолецъ церкви Божей Светого Ивана Богослова зъ Витебска Офанасей и просилъ въ насъ землицы пустовщины, абыхмо дали къ церкви Божей мѣсто земли подлѣ церкви Божей Светого Ивана Богослова Плоское горы, нанервѣй почонъ отъ рѣки Видбы рвомъ Ярковымъ просто до великое дороги уличное, а тою дорогою великою къ старому острогу, а тымъ острогомъ старымъ у Видбу жъ рѣку. И мы есмо на него чоломбитье то вчинили, тую землю къ церкви Божей придали вѣчно и неподвижно, гдѣ жъ бы собѣ мѣлъ священникъ сколко чоловѣковъ посадить для церкви Божей, ижъ тая церковь Божая на поли стоить за мѣстомъ, а велми зъубожена отъ непріятелей нашихъ, Московского, и его милости, светого храма служачи, не мають чимъ ся поживить. И мы есмо, для упалости храма Божего, тую землю пустовщину придали есмо церкви Божей Светому Ивапу Богослову. И тежъ приказуемъ тобѣ, штобы еси тую землю казалъ завести и подать къ церкви Божей. Конечно маеть священникъ Аѳанасей и по немъ будучіе священницы, въ того светого храма Божего служачіи, и тую земли къ церкви Божей держати, а которыхъ людцей священницы на той земли посадять, ино тымъ людемъ церковнымъ не надобѣ знати ни которыхъ служебъ, ни подачокъ всякихъ, ни сторожи воротное городовое пе знати имъ съ того местца. Вси тыи пошлины и подачки и тежъ и

службы отставили есмо съ того местца тымъ людемъ церковнымъ на вѣчныи часы для церкви Божой. А кому будетъ дѣло до тыхъ людей церковныхъ, ино священницы маютъ сами тыи свои люди и рядити и ими справовати водлугъ данины нашое господарское. И приказуемъ тобѣ, пане Иване, абы еси того священника Аѳанасія и по немъ будучихъ священниковъ тое церкви Божей ото всякихъ кривдъ обаполныхъ боронилъ и не далъ ихъ кривдити никому ни въ чомъ конечно. Писанъ у Вильни, подъ лѣто Божего Нароженья 1522, мѣсеца іюля 31 день, индикта 10. Коноть писаръ.

Внизу видны слѣды восковой печати. На оборотѣ акта позднѣйшая польская помѣтка о содержаніи акта. Писанъ на поллистѣ. Ветхъ. Хранится въ архивѣ Витебскаго Успенскаго собора.

5.

Запись князя Василія Ивановича Соломерецкаго Покровскому Соломерецкому монастырю. 1540 г.

Се я князь Василей Ивановичь Соломирицкій приписую тыи люди, што есми купилъ у Вашенцовичь су 30 копа къ церкви Божей манастырю Покрову Пресвятой Богородицы въ Соломиричу, гдѣ родители мои лежать. А естли тыи люди мои выметъ...., ино за тую тридцать копъ грошей маютъ индѣ гдѣ люди купити и къ тому тежъ манастырю въ Соломиричи тыи люди привернути. А то все чиню тымъ собѣ память и родителемъ моимъ навѣчно. А не маетъ жадинъ сынъ мой тымъ манастыремъ расправляти, ани которымъ ся обычаемъ уступати, только жона моя Ганна. А по своемъ животѣ, маетъ жона

моя тотъ манастырь полецати у въ опеку съ тыхъ моихъ сыновъ одному которому нашому сыну, видячи водлѣ годности охотнѣйшого ку церкви Божей, на вѣчную память мнѣ и родителемъ моимъ. А естли бы некако хто съ того выступить, або будетъ перекажати, тотъ будетъ со мною судъ мѣти на второе пришествіе передъ Богомъ. А маютъ тыи люди вышеписаныи къ тому манастырю и съ подводами, и съ дякломъ, на которую колвекъ работу игуменъ повернеть; ани намѣстникъ Соломирецкій безъ бытности жоны моее, а, по животѣ жоны моее, сынъ нашъ, маючи тотъ манастырь у опецѣ, не маеть тыхъ винами карати людей; единъ игуменъ того монастыра маеть ими справовати, во всемъ судити и рядити и винами ихъ карати. А намѣстникъ нашъ у Соломиричи не маеть ихъ ни судити, ани радити и ни чимъ ся не уступати; бо и серебщизну игуменъ же на тыхъ людехъ маеть брати. А для всякого свѣдомья и вѣчное твердости, тое нашо приданье вышеписаное вписали есмо у Евангеліе напрестольное въ манастыри пашомъ Покрова Пресвятое Богородицы. А не маеть того приданья моего жона моя Ганна, ани дѣти наши ни которымъ обычаемъ рушити, хотя бы и тотъ Ивашенцевичъ тыи люди вышеписаныи выкупилъ борздо по животѣ моемъ. Ино нихто не маеть тыми пѣнезми тридцатма копами грошей користовати. Лечь ты пѣнези маютъ на вѣчныи часы церкви Божей служити манастырю нашому Покрова Пресвятое Богородицы въ Соломиричахъ. А хто тое нашо приданье отъ того манастыря рушить, рушь того самого Богъ и Пресвятая Богородица въ сій вѣкъ и въ будущій. Писанъ въ лѣто 7048, мѣсеца Марта 4 день, индикта 13.

Запись эта находится въ рукописномъ Евангеліи, хранящемся въ Богоявленскомъ Кутеинскомъ монастырѣ. Въ этомъ Евангеліи въ началѣ каждаго Евангелиста

сдѣлано живописное украшеніе въ видѣ сложной арабески, переплетенной по угламъ цвѣтами, заглавіе писано четырьмя красками и заглавная буква во всю страницу. Вышеприведенная запись помѣщена на двухъ сторонахъ чистаго листа передъ Евангеліемъ отъ Луки. Datum *переходитъ на первую страницу Евангелія отъ Луки. Подлинникъ ея писанъ съ титлами и сокращеніями.*

6.

Грамота Стефана Баторія, утверждающая уставъ и порядокъ цеха и братства шапошниковъ виленской Пречистенской церкви на Росѣ. 1582 г.

Лѣта Божего Нароженья 1588, въ четвергъ, мѣсеца Мая 5 дня.

Предъ славными паны бурмистры и радцы мѣста Виленского, на [тотъ часъ въ посполитомъ] собранью на ратуши будучими, пришедши учтивые люди закону Римского и Греческого мѣщане мѣста Виленского старшіе мистрове трохъ ремествъ, то есть шапочники, што шапки аксамитные и суконные шыють и робять, сермяжники и ноговичники, которіе до одного цеху, за вѣдомостью и позволеньемъ враду мѣстского первѣй, а потомъ за потвержденьемъ и привиліемъ его королевское милости нашого милостивого пана схадцки свое мають и вcѣ справы свое цеховые посполу у одномъ собранью своемъ отправують, сами зъ особъ своихъ и именемъ всее братьи своее молодшое мистровъ цеху ихъ шапочницкого явне есть оказали привилей свой цеховый отъ славное и светое памети короля его милости Стефана апан нашого зешлого, цеху ихъ сполному зъ ласки

его королевское милости на постановенье и потверженье цеху ихъ и змоцненье артыкуловъ ихъ цеховыхъ черезъ позволенье врадовое, имъ первый уфаленыхъ наданый, подъ датою року прошлого тисяча пять сотъ осмдесятъ второго, мѣсеца Мая первого дня, писаный на паркгаменѣ писмомъ рускимъ съ подписомъ руки его королевское милости и съ печатью привѣсистою великого князства Литовского. И просили, абы тотъ привилей его королевское милости, цеху ихъ наданый, врадъ мѣстскій Виленскій, до вѣдомости своее врадовое припустивши и его огледавши, для вшелякихъ пришлыхъ якихъ кольвекъ причинъ и припадковъ, абы напотомъ и завжды о немъ каждый, кому бы то вѣдати было належало, вѣдалъ, до книгъ врадовыхъ мѣстскихъ радецкихъ приняти и вписати позволили, ведлѣ способу и иншихъ цеховъ мѣстскихъ Виленскихъ упривиліеваныхъ. Которого привилію тымъ тромъ ремествомъ шапочъникомъ и сермяжникомъ и наговичникомъ на одинъ цехъ отъ его королевское милости имъ наданого, врадъ мѣстскій Виленскій, огледавши и передъ собою его прочитати казавши, до книгъ мѣстскихъ врадовыхъ радецкихъ вписати за прозбою ихъ допустили и позволили. А такъ ся въ собѣ слово отъ слова маеть: Стефанъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоицкій, Ифлянскій, княже Седмигородское и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы того нотреба была вѣдати, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ. Били намъ господару чоломъ подданные наши, мѣщане мѣста Виленского ремесла шапочницкого оксамитного, сермяжницкого и ноговичницкого, на имя Супронъ Стефановичъ, Кузма Остановичъ, Павелъ Яковлевичъ, Тимофей Григорьевичъ, Яковъ Давыдовичъ а Гарасимъ Мнхайловичъ, сами и именемъ всее братьи своее

ремеслъ помененыхъ, и покладали передъ нами на писмѣ порадокъ братства и цеху своего сполного тыхъ трехъ ремеслъ, которій имъ за прозбою ихъ и за позволеньемъ войта, бурмистровъ и всее рады мѣста Виленского подъ печатью мѣстскою выданъ есть, просечи насъ господара, абыхмо, то ку вѣдомости нашой припустивши, тое постановленье ихъ, нижей описаное, во всемъ при моцы зоставивши, привиліемъ нашимъ то имъ утвердили. А такъ, мы господаръ, съ повинности нашое межи иншими справами непослѣдней постерегаючи того, яко бы въ мѣстѣхъ панства нашого, звлаща въ тутошнемъ стóлечномъ мѣстѣ Виленскомъ панства великого князства Литовского, не только што доброго порядку уняти мѣло, але и овшемъ всякій добрій порадокъ ку славѣ нашой господарской и ку доброму речи посполитое безъ шкоды и нарушенья правъ и вольностей мѣстскихъ, ку оздобѣ ихъ становити и примножати могли, за чоломбитьемъ тыхъ подданыхъ нашихъ, велѣли есмо тое постановенье цеху ихъ сполного ремеслъ поменоныхъ, передъ нами покладаное, ку вѣчной памети и твердости тыхъ всихъ речей, въ немъ нижей описаныхъ, въ сесь пашъ привилей вписати, слово отъ слова такъ ся въ собѣ маетъ: Мы, войтъ, бурмистры и радцы мѣста Виленского. Чинимъ явно тымъ нашимъ листомъ всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы тс належало вѣдать, нинѣшнимъ и нанотомъ будучимъ, ижъ, будучи намъ въ звыкломъ собранью нашомъ на ратушу въ радѣ мѣстской, пришедши передъ насъ учтивые люди ремесла шапочницкаго, што шапки аксамитные робять, и тежъ сермяжники и ноговичники, мистрове и мѣщапе Виленскіе, съ пилностью просили насъ, абыхмы имъ тыхъ трехъ ремествъ, для учтивости и порадку мѣстского, у въ одномъ мѣстцу и сполныхъ схадкахъ братство и цехъ прикладомъ иншихъ цеховъ мѣстскихъ упривиліеваныхъ

мѣти допустили и позволили, якожъ и артыкулы тому своему цеху потребные сами собѣ за намовою всее братьи своее сполне списавши предъ нами на писмѣ оказали. Которыхъ тыхъ артыкуловъ мы врядъ мѣстскій вычитавши и добре ихъ зрозумѣвши, ижъ всей речи посполитой мѣстской и иншимъ цехомъ и обывателемъ мѣсткимъ не есть на жадной переказѣ и шкодѣ, а тому ихъ братству и цеху есть потребный и пристойный, за полною намовою тымъ вышей менованымъ мужомъ и мѣщаномъ Виленскимъ троимъ реместникомъ, серможникомъ, то есть шапочникомъ, серможникомъ и ноговичникомъ, вси посполу одинъ цехъ и брацтво и схацки сполные мѣти и тыхъ всихъ артыкуловъ, которіе передъ нами показовали, вживати зъ впрхности враду нашого мѣстского въ томъ мѣстѣ Виленскомъ есмо допустили, якожъ и симъ листомъ нашимъ имъ допущаемъ и вживати имъ самимъ и нотомству ихъ на вѣчные часы позволяемъ, и тые артыкулы братству и цеху ихъ уфаленые и потвержоные на писмѣ за печатью мѣсткою врадовою до цеху ихъ выдать есмо казали, которіе такъ ся въ собѣ слово отъ слова маютъ: Артыкулы потребные цеху шапочничкому. Напервѣй, ведлѣ звычаю и порадку въ иншихъ цеховъ мѣста Виленского, вся братья, то есть шапочники и серможники и ноговичники, изшедшися въ домъ свой братскій, на сполную схацку вчиненый, въ каждый рокъ на часъ первый, то есть на день светого Юрья, свято урочистое, которое бываетъ въ мѣсецу Апрѣлю по веснѣ, за сполною намовою маютъ съ посродку себе выбрати старшихъ чотырохъ мужовъ людей добрыхъ, статечныхъ, осѣлыхъ и вѣры годныхъ, въ тыхъ ремеслахъ добре вмѣетныхъ, то есть двухъ шапочниковъ, а третего зъ ремесла серможницкого, а четвертого зъ ремесла ноговичницкого, которіе тые чотыри мужи обраные маютъ быть въ томъ ихъ цеху и брат-

ствѣ старостими черезъ цѣлый рокъ, порядковъ и добрихъ звычаевъ и пожитковъ цеховыхъ и братскихъ съ пилностью догледати и перестерегати мають, подъ присегами своими. И въ тыхъ же чотырохъ старость скринька цеховая братская, то есть въ старшого скринька, а у трехъ молодшихъ ключи въ схованью и иншіе вшелякіе справы и речи цеховые въ завѣдованію быть мають и тыежъ старостове, на рокъ обраные..... въ кождый рокъ, кгды рокъ будетъ приходить всей братьи цеховой въ дому братскомъ со всихъ справъ своихъ и пожитковъ братскихъ и и цеховыхъ личбу и скутечную вѣдомость вчинить и дать мають и будутъ новинни. Артыкулъ 2. Для потребъ братскихъ и цеховыхъ вся братья старшая и молодшая за обосланіемъ тыхъ рочныхъ до дому братского до сполной намовы повинни будутъ въ цехахъ пильновать въ каждую двѣ недѣли, то есть въ каждомъ мѣсецы разъ, до которыхъ схачокъ вси старшіе и молодшіе братья цеховые мають ся сходить, вси трезвы и седѣти на мѣстцахъ своихъ учтиве и пристойне и о томъ розмовлять, о што будутъ обосланы, а не о чомъ иншомъ. И каждый пришодши маетъ дати по полгрошу до скрыньки цеховое. Артыкулъ 3. А естли бы тежъ для якое потребы его королевской милости нашого милостивого пана, або мѣстское, тогды на росказанье пановъ бурмистровъ и радецъ, не ждучи тыхъ двухъ недѣль, до дому братского вся братья цеховая обосланые сходитися, и о томъ, што отъ пановъ бурмистровъ будетъ наказано, розмавяти мають. Артыкулъ 4. А естли бы тежъ до посполитое цеховое схацки братья до того цеху вписные старшіе або молодшіе колько ихъ, альбо и одинъ которій зъ нихъ обосланый не пришолъ, каковый кождый зъ нихъ маетъ быти каранъ виною братскою, то есть за первое непристье свое маеть дати вины до скриньки цеховое три гроши Литовскихъ, а за второе непристье

свое маеть дати шесть грошей, а за третій разъ двадцать грошей, а за четвертый разъ яко непослушный, окромъ вшелякого отпусту, маеть дати камень воску, што на немъ старостове рочные пильне отправити и до скриньки цеховое маютъ взяти неотпустне о соромоту. А вѣдь же каждого брата старшого и молодшого отъ таковыхъ винъ вымовить и вольнымъ вчинить причина слушная, то есть хороба обложная, або веселье въ дому, або смерть жоны, дитяти и пріятеля. Артыкулъ 5. Тежъ до каждыхъ схажокъ цеховыхъ вси братья старшіе и молодшіе безъ брони сходитися маютъ, посварковъ або словъ неучтивыхъ одинъ другому задавати не маютъ, а естли бы тежъ которій братъ пьянъ або съ бронею до цеху пришолъ, або на которого брата слова неучтивые началъ примавять и лаять, таковый за первымъ разомъ маетъ дати вины до скриньки дванадцать грошей, а за вторимъ разомъ гривну, то есть сорокъ осмъ грошей Литовскихъ, а за третимъ разомъ неотпустне камень воску и седѣнье маетъ принять на ратушу двѣ недѣли, яко непослушный и упорный, до которого седѣнья маетъ быти обосланъ мѣстскими слугами отъ ихъ милости пановъ бурмистровъ и радецъ, за обжалованьемъ старость рочныхъ. Артыкулъ 6. Тежъ естли бы свовольный а упорный братъ цеховый, которій же кольвекъ старшій або молодшій при сходцѣ цеховой, для упору своего, зваду началъ, и которого брата чимъ же кольвекъ ранилъ або образилъ, тогды старостове рочные таковаго свовольного брата заразъ мѣстскими слугами або цеклярми поймавши, до везенья мѣсткого до ратуша маютъ дати осудити, и тамъ же на ратуши панове бурмистрове и радцы таковаго выступноко брата за то маютъ карать седѣньемъ и виною, ведлѣ узнанья своего, которыхъ винъ половица маетъ быть паномъ бурмистромъ и радцомъ и половица до скриньки цеховое. Артыкулъ 7. Ста-

роста роковый самъ который зъ нихъ старшій, або молодшій, кгды бы ся въ томъ братствѣ и цеху непристойне справовалъ и заховалъ, што было надъ пристойность цеховую, и ку шкодѣ того цеху або скриньки братское, теды вся братья цеховая таковаго старосту, за вѣдомостью враду мѣстского бурмистровского и радецкого, съ того мѣстца зложивши, а другого на то мѣстцо всадить маютъ. Артыкулъ 8. А для лѣпшого ихъ порядку того ихъ цеху шапочницкого, вси мистрове сами господари на ворстатѣ своемъ работниковъ то есть товаришовъ, которіе зъ мыта робять, не маютъ мѣти больши только товаришовъ двухъ, а хлопятъ зъ науки двухъ, которыхъ хлопятъ, кгды на ремество пріймовати будутъ, тогды на первой схадцѣ мистръ цеховый, которій до себѣ хлопца пріймуетъ, теды по выштью мѣсеца, маеть его до реестра цехового вписати и всей братьи оповѣдать, и вписного до скриньки маеть быть дано два гроши только. Артикулъ 9. Хлопятъ на таковое ремество вси мистрове цеховые не маютъ на большіе лѣта собѣ до службъ вытегивать, и брать только каждый съ нихъ хлопца выростка на навуку и выслугу маетъ взяти на чотыри лѣта. Артикулъ 10. Кгды хлопецъ лѣта свои вмовеные въ мистра своего цехового выслужить и ремества се навчить, теды панъ его маеть въ цеху то оповѣдать и до реестру дать вписать, а записаного маетъ быть до скриньки дано два гроши, и тотъ же хлопецъ, кгды зъ науки выйдетъ, тогды первый рокъ за товарища въ ого жъ мистра пана своего маетъ робить, а нѐ въ кого инппого: а мыта за работу его до року ему маеть быть дано небольши только копа грошей Литовскихъ, а потомъ отробивши рокъ въ мистра своего и заплату взявши, вольно будетъ тому товаришу его у иншихъ мистровъ цеховыхъ зъ мыта робить еще два годы. Артыкулъ 11. Мистрове цеховые вси старшіе и молодшіе не маютъ одинъ отъ

другого товариша ани учня отбавять до себе, а естли бы ся таковый мистръ оказалъ, естли бы товариша або учня отъ брата своего отбавить або надъ тую уставу братскую больши въ себе товаришовъ або хлопятъ мѣлъ, або хлопца до реестру вписать не далъ, або въ ремеслѣ якую ужъ переказу вчинилъ, а то бы на его явне было показано, таковый кождый за первымъ разомъ вины маеть дать до скриньки братское грошей дванадцать, а за вторымъ разомъ дати вины грошей двадцать чотыри, а за третимъ разомъ камень воску и седѣти маеть на ратуши двѣ недѣли. Артикулъ 12. Тежъ естли бы за мистра або за брата цехового товаришъ жаденъ которій зъ науки выйдеть, не маеть быть принятъ ажъ первѣй по выштью своемъ зъ науки въ тогожъ мистра своего на варстатѣ седечи зъ мыта цѣлый рокъ будетъ робить, а потомъ у иншихъ мистровъ два роки зъ мыта маеть робить, а потомъ право мѣстское на ратуши у пановъ бурмистровъ и пановъ радецъ принять и присягу мѣсту вчинить маеть. Артыкулъ 13. А ижъ въ тыхъ ремеслахъ того цеха шапочницкого, сермяжницкого майстеръ штукъ жадныхъ чинить и вендровать отъ мѣста до мѣста товаришомъ не есть потреба, кгды жъ тое ремество и безъ того быти можеть, тогды каждый того ремества товаришъ естли бы хотѣлъ мистромъ цеховымъ зостать и на себе робить, маеть первѣй на себе мѣстское принять право, а до скрыньки цеховое братское вкупу четыри копы грошей Литовскихъ маеть дати и всее братьи упросить, абы до цеху его собѣ за брата приняли и до реестру вписали, а колацыи жадные справованы быти не мають. Артыкулъ 14. Каждому таковому товаришу цеховому и иншимъ людямъ, до того ихъ цеху не вписаному, ремество ихъ шапочницкое, сермяжницкое и ноговицкое робить по мѣстѣ шинковать и продавать невольно, але врадъ мѣстскій за прозбою и жонданьемъ ихъ таковыхъ вы-

ступныхъ, естли бы ея оказать и реместву ихъ переказу явную чинить мѣли, маеть гамовать и таковымъ своволыннмъ людямъ не маеть допущать тое работы ихъ робить, и ихъ карать мають винами врадовыми, яко выступныхъ людей. Артыкулъ 15. Шапокъ мускихъ, невѣстьихъ, новыхъ, аксамитныхъ, едвабныхъ и конныхъ подшитыхъ футромъ и неподшитыхъ робить такъ тежъ и шатъ едвабныхъ и суконныхъ старихъ па шапки перешивать и перероблевать и кравцы и иншіе вшелякіе реместники не мають, которіе до цеху ихъ шапочницкого не вписные, подъ срокгимъ караньемъ и подъ виною врадовою. Артыкулъ 16. Мистрове цеховые и товариши и учни ихъ у продаванью своихъ товаровъ ремесныхъ на рынку и на каждомъ мѣстцу одинъ другому переказы чинити и купцовъ отбавляти и отзывати не мають, подъ винами вышейменоваными и описаными цеховными и врадовыми. Артикулъ 17. Крамари и крамници Виленскіе шапокъ невѣстьихъ подшитыхъ и неподшитыхъ на крамахъ своихъ и на локтяхъ продавати не мають тыхъ, которіе бы отъ кого иншого куповать, або сами робить мѣли; але отъ реместниковъ цеховыхъ купивши, на зыскъ продавать маетъ быть вольно. Артыкулъ 18. Тымъ же мистромъ цеховымъ до потшиться шапокъ музскихъ и женскихъ футра вшелакіе и бобри до шапокъ куповать вольно, такъ отъ гостей пріѣжджихъ, яко и отъ мѣщанъ только на работу свою властную а не на перекупъ. Артыкулъ 19. Гости, купцы, купчики пріѣжджые до мѣста Виленского суконъ сермяжныхъ и полотна но возомъ на ринку шинковаты не мають, але на господѣ съ комори продавати и шинковать на локоть фунтомъ, вагою,.... альбо хто жъ кольвекъ домовое роботы сукна або полотна до мѣста Виленского привезъ, то вольно имъ на ринку зъ воза продавати и шинковати на локоть. Артыкулъ 20. Старостове

рочные и вся братья цеховая каждый самъ отъ себе маеть того съ пильностью дозирать, абы братъ который цеховый мѣстскій...... и суконъ сермяжныхъ въ купчовъ пріѣждчихъ не закуповалъ, але абы вся братья, ведлѣ премноженья, а звлаща люди вбогіе, хто кольвекъ што преможеть, собѣ вольно купилъ, а естли бы то на которого мистра цехового было переведено и досвѣтчоно, естли бы хто перекуповалъ, таковый каждый маеть быть отъ враду мѣстского и отъ братьи цеховое каранъ винами вышей описаными. Артыкулъ 21. Естли бы которій братъ цеховый умеръ, теды, по смерти его, жонѣ его тое ремество съ товаришами и учнями вольно робить и уживать только до року и до шести недѣль, а не далѣй, а потомъ маеть быти отъ враду отъ цеху ей то заборонено. Артыкулъ 22. Тежъ естли бы вдова пошла за мужъ за вдовца, або за товариша того жъ цеху и тотъ товаришъ естли бы не былъ уписный до цеху, тогды таковый товаришъ вдову, што вдову поймеіть, вписного до скриньки цеховое маеть дать только двѣ копѣ грошей и право мѣстское принять, яко иншая братья. Артыкулъ 23. На хованье брата умерлого вся братья маеть быть обослана отъ старостъ рочныхъ, а естли бы которій братъ обосланій не былъ на похованью брата вмерлого, таковый вины маеть дать до скриньки три гроши Литовскихъ. Артыкулъ 24. А ижъ въ тыхъ ремествахъ вся братьи вписная есть послушенства до Церкви хрестіанского закону Грецкого, тогды олтарь и богомольство свое и приходъ свой мають мѣти до церкви *Светое Пречистое*, на предмѣстью Виленскомъ на Росѣ, на которій олтарь и на иншіе потребы церковные и на попа, ведлѣ намовы и постановенья, которое межи собою вчинять, съ тое скриньки цеховое и братское мають накладати и давати, такъ тежъ и на шпиталь. Артыкулъ 25. А до потребъ господарскихъ

и мѣстскихъ, кгды иншіе цехове мѣстскіе, ведл порадковъ своихъ звыклыхъ, на спотыканье его королевское милости въ поле, або на сторожу мѣстску выходити будуть, тогды тотъ цехъ шапочницкій з цехомъ швецкимъ и зъ своимъ прапоромъ ходити и мѣстце мѣти мають. Артыкуль 26. Каждый мистр того цеху, которій ново мистромъ зостанеть, до рок и до шести недѣль на тое ремество учня и товариш пріймовать до себе не маеть, подъ виною цехово полкопы грошей Литовскихъ; а по выштью року и шести недѣль, вольно ему на науку приняты одного учня и товариша тежъ одного и небольшъ, и то каждый мистръ кгды учня пріймовать будетъ, теды его по принятью до себе въ чотырохъ недѣляхъ маетъ дати до реестру цехового вписати, а больши въ себе надъ тою чотыри недѣли невписного не маетъ держати надъ виною двадцать грошей литовскихъ, а кгды ся учень въ того мистра вывчить, теды оповѣдного до скриньки цеховое тотъ учень маетъ дати шесть грошей. Артыкулъ 26. Естьли бы тежъ вдова по которомъ мистру цеховомъ зосталая пошла за товариша або за учня того жъ ремества и цеху и того ремества вживать хотѣли, тогды тотъ товаришъ або учень, што вдову поиметъ, также яко и иншіе право мѣстское на ратуши принявши до скриньки цеховое чотыри копы грошей литовскихъ маетъ дати.—Артыкулъ 28. А сынове мистровскіе естьли бы по смерти отцовской, або и за живота отца своего оженившися, мистромъ цеховымъ зостать и на своемъ варстатѣ тое ремество робить которій съ нихъ хотѣлъ, теды до скриньки братское не маетъ большъ дать только дванадцать грошей Литовскихъ.— Артикулъ 29, Тежъ естли бы которій мистръ цеховый або и товарищъ тогожъ ремества и цеху, взгаржаючи братьею своею цеховою, а тыхъ артыкуловъ и всего цеху послушнымъ быти и до

схажокъ цеховыхъ за обосланьемъ отъ старшихъ приходити не хотѣлъ, або естлибы покутне зъ дому подъ правомъ мѣстскимъ лежачого подъ присутъ замковый выпровадившися и бискупій и якійкольвекъ иншій, поддавшися ку шкодѣ того цеху ремество робить хотѣлъ, таковому каждому непослушному а упорному съ цеху маетъ быть заказано, абы жаденъ хлопецъ ани учень ани товаришъ у него не робилъ, и на ринку до торгованья не маетъ быть припущонъ и за помочью враду мѣстского маетъ быть грабенъ и каранъ седѣньемъ и виною, ведлѣ узнанья врадового. Артыкулъ 30. Естли бы тежъ которому брату цеховому албо комужъ кольвекъ потреба якая вказывала цехъ обослать, тогды за тое обосланье до скриньки братское не маеть быти дано большъ только гроши три, а слугамъ цеховымъ, которіе обходить будутъ, гроши два; а вѣдь же естли бы въ потребѣ якой комужъ кольвекъ вызалезокъ цеховый здалъ се быть неслушный, теды тотъ, хто цеху обосланья потребовалъ, маеть ся съ тою справою, которую въ цеху мѣти будеть, отозвать на ратушу до пановъ бурмистровъ и радецъ и тамъ же на ратушу разсправу и розсудокъ отъ враду мѣстского собѣ одержать и приняти маеть. Артыкулъ 31. Тежъ на торгъ зъ речами або товаромъ продажнымъ каждый мистръ отъ себе не маетъ посылать хлопятъ, только по одному, и въ продажи тыхъ своихъ товаровъ, такъ тежъ и у пріймованью роботы и челяди або учневъ своихъ, одинъ другому не маетъ чинить жадное перекозы и шкоды подъ виною цеховою полкопы грошей Литовскихъ.— Надъ то все тотъ цехъ преречоный съ тыхъ винъ цеховыхъ имъ иншихъ грошей, которіе до скриньки ихъ цеховое и братское приходити будутъ, мають и повинни будутъ, ку потребѣ и оздобѣ речипосполитое мѣстское, зброи и ручницы куповать и барвы и иншіе речи, цеху належачіе, справовать, и въ томъ же цеху

и братствѣ своемъ ховать приспораючи и прибавляючи въ каждой рокъ ведлѣ премноженья цехового што быти можеть. Писанъ у Вильни. Лѣта отъ Нароженья Сына Божого Пана и Збавителя нашого тисеча пять сотъ осмдесятъ второго, въ четвергъ, четвертое недѣли по Великодню, мѣсеца Мая десятого дня. У того постановенья ихъ печать мѣста Виленского и подписъ руки писарское тыми словы: Иванъ Андреевичъ Куянъ, писаръ мѣста Виленского, властная рука. Которое постановенье и порядокъ цеху и братства сполного шапочницкого аксамитного и сукенного ремесла, ноговичницкого и сермяжного, передъ нами покладаного и въ сесь нашъ привилей вписаного, мы, господарь, ни въ чомъ непарушаючи, во всихъ пунктѣхъ и артыкулѣхъ при моцы оставили есмо, и симъ привилеемъ нашимъ то имъ вѣчне утвержаемъ. Ку тому тежъ просили насъ господара вышейописаные подданые наши мѣщане цеху того сами и отъ всее иншое братьи своее, абыхмо имъ тую вольность, которая въ постановенью ихъ описано не было, прикладомъ иншихъ цеховъ, отъ насъ упривилѣеваныхъ надали, ижъ бы имъ въ каждый рокъ чотыри разы празники свои, то есть первый на день Светого Юрья Вешнего, другій на день светого Яна, третій на день Нароженья Пречистое Светое, а четвертый на Громницы (Срѣтеніе) вольно мѣти и медъ розсытивши, водлугъ потребы братское, на каждое таковое свято по три дни тотъ медъ сытивши межи собою выпить, а воскъ зъ розсыченья того меду оборочати на свѣчи до церкви Светое Пречистое на Росѣ и тежъ на похованье умерлыхъ, и абы есмо ихъ отъ плаченья капщизны, чопового и отъ медницъ вызволили а тотъ домъ братства ихъ отъ стоянья всякого гостя вольнымъ учинили, ижъ бы они тымъ снадней всякіе справы свои, братству ихъ належачіе, безъ переказы справовати могли. Въ чомъ мы, господарь, прозбу

ихъ видечи быть слушную, позволили есмо и симъ привильемъ нашимъ вольность имъ даемъ, ижъ они маютъ въ каждый годъ по чотыры разы на празники вышейпомененые ку потребѣ братству медъ сытити, и на каждое таковое свято медъ розсытивши по три дни межи собою пити и воскъ зъ розсыченья таковаго меду маютъ оборочать на свѣчи до Светое Пречистое на Росѣ, и тежъ на пахованье умерлыхъ, отъ котораго розсыченья меду на празники менованые не маютъ они капщизны, чопового и отъ медницы давати и платити не будутъ повинни вѣчными часы, а особливе тотъ домъ братскій, лежачій на Росѣ, недалеко отъ церкви Светое Пречистое на предмѣстью подлѣ дому Хомы Роского, до которого се они въ потребахъ братскихъ сходять и праздники мѣваютъ, отъ станья всякихъ гостей, такъ при бытности нашой господарской въ тутошнемъ мѣстѣ Виленскомъ, якъ и безъ бытности нашое, вольнымъ чинимъ и вѣчне симъ привильемъ нашимъ вызволяемъ и на твердость тыхъ всихъ речей и вольностей, тому цеху и братсвту шапочницкому, сермижницкому и ноговичницкому отъ насъ имъ наданого, дали есмо сесь нашъ привилей съ подписомъ руки нашое господарское, до которого и печать нашу привѣсити есмо велѣли. Написанъ у Вильни. Лѣта Божьего нароженья 1582, мѣсеца Мая 21 дня. Въ того привилею подпись руки его королевской милости Латинскими словы есть написано: Stephanus Rex, и подпись руки писара его королевской милости Русскими словы: Венцлавъ Агрипа, писаръ. А по вписанью того привилея его королевской милости до книгъ врадовыхъ вышейпомененному цеху шапочницкому, сермяжницкому и ноговичницкому выданъ есть.

Внизу видны слѣды печати. Писанъ на пергаминѣ большаго формата. Хранится въ библіотекѣ Литовской Духовной Семинаріи.

7.

Увязчій (вводный) листъ дворянина Годебскаго епископу Полотскому Аѳанасію Терлецкому, на владѣніе имѣніями архіепископіи, съ инвентаремъ. 1588 г.

I. Я, Ѳедоръ Кгодебскій, дворянинъ его королевское милости, сознаваю тымъ моимъ увяждчымъ листомъ, ижъ, за посланьемъ и листовнымъ росказаньемъ его королевское милости пана моего милостивого, на поданье имѣней, добръ владычеству Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому належачыхъ, велебному въ Бозѣ его милости архіепископу владыцѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому киръ Афтанасію Терлецкому, за данною оному отъ короля его милости, тогды въ року теперешнемъ тисяча пятьсотъ осмъдесятъ осмомъ, мѣсеца декабря третего дня, будучы мнѣ тутъ у Полоцку, въ замку вышнемъ Полоцкомъ, у дому намѣстника Полоцкого, пана Якуба Семашка, пры отправованью на онъ часъ рочковъ кгродскихъ, а маючы пры собѣ возного земли Полоцькое, именемъ Деменьтея Прокоповича, отъ тогожъ пана Якуба Семашка, намѣстника Полоцького, зъ уряду прыданого, и сторону шляхту людей добрыхъ, и напервѣй показываломъ передъ паномъ намѣстникомъ и передъ немало людьми добрыми шляхтою, обывательми воеводства Полоцького, которые на тотъ часъ при врадѣ были, прывилей данину его королевское милости, на тую архіепископію Полоцькую верхопомененному его милости архіепископу даный. Показываломъ тежъ два листы его королевское милости, то есть: одинъ листъ до всихъ обывателей воеводства Полоцького, а другій листъ до его милости пана воеводы Полоцького писаные, въ которыхъ писати его королевская милость росказати рачылъ (изволилъ), абы такъ ихъ милость,

ланове обыватели земли Полоцькое, яко тежъ и его милость панъ воевода, о томъ ведаючы воли его королевское милости, въ томъ противни не были. Подаломъ тежъ до пана наместника листъ отвористый отъ его милости пана воеводы Полоцького до него писаный, въ которомъ его милость писать росказати рачылъ, абы онъ вси именья и пожитки, владычеству Полоцькому належачые, такъ, яко то зошлый архіепископъ Полоцькій, небожчыкъ (покойный) отецъ Өеофанъ Богданъ держалъ, черезъ мене, посланца его королевское милости, тому архіепископу теперешнему отцу Афтанасію Терлецкому въ моцъ и вжыванье подавати не заборанялъ. Которые листы его королевское милости передъ урядомъ и передъ всими паны шляхтою, которые на онъ часъ были, чытаны. А по прочытанью тыхъ листовъ, панъ наместникъ, не хотечы на онъ часъ чытать вслухъ передъ всими людьми листу пана воеводиного, до него писаного, взявшы его отъ мене, до дня третего на отказъ мне съ того листу, то есть, сегожъ месеца Декабра пятого дня, отложылъ. Ведь же я домагаломъ ся того, абы тотъ листъ его милости пана воеводинъ до книгъ кгродскихъ Полоцькихъ слова отъ слова вписанъ, а мне выписъ съ книгъ выданъ былъ. На што панъ наместникъ позволившы, тотъ листъ до книгъ кгродскихъ вписати казалъ, а мне выписъ подъ печатью его и съ подписомъ руки писара кгродского Полоцького, пана Миколая Подборского, одъ нихъ выданъ есть. И кгды тотъ пятый день месеца Декабра прыпалъ, тогды панъ наместникъ, не кончечы тое справы со мною, зложылъ ми еще рокъ до дня третего, сего месеца Декабра семого дня, давшы того прычыну, же дей безъ ознайменья ихъ милости пановъ шляхты, а меновите пану Есифу и пану Андрею.... Рыпиньскимъ, сыномъ владыки зошлого Полоцького, и иншымъ паномъ шляхте, которые сполне со мною церковъ Светое

Софеи печатовали: отказу и становенья скутечного (положительнаго), вашмостю пане Кгодебскій, чынити не могу, а такъ будь дей вашмость до того дня терпливымъ. А кгды тотъ день самый мѣсеца Декабра прыпалъ, домагаломъ ся у пана намѣстника, абы имѣнья и вси добра, къ владычеству Полоцькому прыслухаючые, въ воеводствѣ Полоцькомъ лежачые, тому, кому то належыть, черезъ мене подаваны были, и абы се онъ водлугъ листу его милости пана воеводиного заховуючы, воли его королевское милости ни въ чомъ противенъ не былъ. На то панъ намѣстникъ повѣдилъ: готовъ дей есми росказанью его милости пана моего досить чынити, ино же дей перьвѣй вашмость возми отъ мене зъ завѣданья церковъ Светое Софеи зъ скарбами церковными, тутъ у замку вышнемъ Полоцкомъ, тогды дей и вси имѣнья, владыцѣ належачые, вашмость подавати будешъ. А ямъ, ему на то отказъ чинечы, повѣдилъ тыми словы: кгды отецъ владыка не будетъ мѣть за поданьемъ отъ мене имѣней, съ которыхъ бы сторожа, водлугъ давного звычаю, той церкви зъ скарбами, которыхъ, яко маю вѣдомость, же есть много, быти мѣла, тогды пельза ми се то важить, абыхъ первѣй церковъ отъ вашмостя взялъ, а потомъ имѣнья; але нехай поѣду по тыхъ имѣньяхъ, подаючы ихъ его милости архіепископу, тамъ же взявшы певную вѣдомость о той сторожы, съ котораго села передъ тымъ до тое церкви належала, тогды, взявшы сторожовъ, а оттулъ *)....... Светое Софеи зъ скарбами зъ завѣданья отъ вашмостя вземшы, его милости архіепископу самому, або умоцованому его милости, подамъ; якожъ панъ намѣстникъ напервѣй самъ черезъ себе подалъ мнѣ дворъ владычный, въ замку вышнемъ Полоцкомъ, пры церкви Светое Софеи, который я зъ владзы пана намѣстниковой взявшы, бу-

*) „Зверпувши и тую церковь.“ Въ текстѣ выблекли чернила.

дованье въ немъ на особливый реестръ списалъ есми; а потомъ, прыдавшы мнѣ панъ намѣстникъ служебника своего Яна Миколаевича и того жъ возного Дементьея Прокоповича зъ ураду, до тыхъ именей ѣхати и его милости архіепископу самому, або умоцованому его милости, подавати позволилъ. А такъ я, заховуючыся водлугъ воли и листовного росказанья его королевское милости, а маючи пры себѣ того возного повѣтового зъ служебникомъ пана намѣстниковымъ, а земянина господарьского воеводства Полоцького пана Семашка Яцьковичу Телицу, и наперьвѣй въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ, мѣсеца Декабра осмого дня, у Четвергъ, прыѣхавшы до фольварку владычнего, до двора, называемого Струненьского, у мили отъ Полоцка лежачого, будованья въ немъ все и подданыхъ менoвите, также шкоды,........ раду Полоцкого, по зостью небожчыка владыки починеные, на особливый реестръ по достатку списалъ и сыну его милости архіепископа Полоцького, пану Богдану Терлецкому, за моцъю, ему отъ отца его данною, въ моцъ подалъ есми. А потомъ назавтрѣе у Пятницу, сего-жъ мѣсеца Декабра девятого дня, прыѣхавшы мнѣ до другого села владычнего, называемого Усвицы, подданыхъ всихъ меновите и шкоды ихъ на тотъ же реестръ списалъ и тому пану Богдану Тарлецькому подалъ есми. Того-жъ дня прыѣхавшы мнѣ до фольварку владычнего, называемого Теньченьского, а маючы пры собѣ того-жъ возного съ служебникомъ пана намѣстниковымъ и вжо двухъ шляхтичовъ. то есть: земянина господарьского воеводства Полоцького пана Григорья Шышку и того-жъ пана Семашка Телицу, будованье въ немъ все и подданыхъ меновите, также шкоды ихъ, на тотъ же реестръ списавшы, тому-жъ умоцованому подалъ есми; вѣдь же тамъ у дворцы на Тетчы обачывшы не мало людей, зачынивсешы ся имъ у свѣтлицѣ, и посланомъ

того возного и тыхъ двухъ шляхтичовъ, довѣдывавчы се о тыхъ людехъ, для чого тутъ, у тотъ дворецъ зъѣхавшы се, прыбываютъ, а и вспоминаючы тежъ оныхъ, абы вжо съ того дворца владычнего прочъ ѣхали, кгды-жъ вжо тотъ дворецъ его милости отцу владыцѣ Полоцькому подаломъ; которые, за наупомненьемъ возного, повѣдилъ одинъ зъ нихъ до возного, иже-имъ я естъ урядникъ Черсвяцкій Станиславъ Мерла, и за росказаньемъ его милости пана намѣстника Полоцького, пана Якуба Семашка, и пана Миколая Подборского, писара кгродского Полоцького, увезанья въ тотъ дворецъ бороню и не поступуе, а ижъ вжо тотъ дворецъ и люди списавшы на инвентаръ, подалемъ, а никто ми не боронилъ. . . . . . . то и самъ я мовилъ до нихъ, абы вжо тому дворцу Течьчы дали покой и съ тое свѣтлицы абы прочъ шли. А они тежъ, оповѣдавшы се возному и сторонѣ, вышедшы съ свѣтлицы, съ того дворца прочъ отъѣхали. А на третій день, того-жъ мѣсеца Декабря десятого дня, у Суботу, съ тымъ вознымъ и зъ стороною шляхтою верхопомененою, пры служебнику пана намѣстниковомъ, прыѣхавшы мнѣ до четвертого села владычнего, называемого Завечелья, подданныхъ всихъ меновите и шкоды ихъ на тотъ же реестръ списавшы, тому умоцованому подалъ есми, а того подаванья тыхъ фольварковъ и селъ, меновите Струньни зъ населицами и зо всими прылеглостями, Течьча, Усвицы и Завечелья мнѣ на онъ часъ нихто не боронилъ. Того-жъ дня прыѣхавшы мнѣ и до пятаго села владычнего, называемого Долецъ Великихъ и Весницка, тамъ служебникъ пана Ленарта Чарнавского, служебникъ его милости пана воеводы Полоцького, Станиславъ Боровскій, показавшы листъ отворыстый отъ пана своего, до него писаный, а маючы пры собѣ многихъ козаковъ Полоцькихъ съ розными бронями, до бою належачыми, именемъ пана своего мнѣ, посланцу короля его мило-

сти, спротивился и тыхъ селъ верхопомененыхъ умоцованому архіепископа Полоцкого подавати и подданыхъ на реестръ списовати мнѣ не допустилъ; завинившы тымъ подданымъ подъ стома копами грошей на пана воеводу Полоцкого, срокгo имъ грозилъ, абы мене, также и того, кому бымъ ихъ подавати мѣлъ, послушни не были, повѣдаючи, же дей панъ мой мнѣ тыхъ селъ, которые-я отъ него въ завѣданью своемъ маю, до горла боронити казалъ, и такъ дей того боронити буду. А затымъ я, освѣтчывшыся тымъ вознымъ и стороною шляхтою, людьми добрыми верхопоменеными, прочъ есми оттуль отъѣхалъ. А назавтрее у Недѣлю, сего-жъ мѣсеца Декабра одинадцатого дня, прыѣхавшы мнѣ до шостого имѣнья владычнего, называемого мѣстечка Воронеча, тамъ забѣгшы тотъ же верхопомененый Станиславъ Боровскій, тыми жъ словы именемъ пана своего мнѣ противилъ се и того имѣнья Воронеча умоцованому архіепископа Полоцького подавати и подданыхъ списывати мнѣ не допустилъ, завинившы тымъ подданымъ подъ тисечма копами грошей на папа воеводу Полоцкого, срокгo имъ грозилъ, абы мене и того, кому бымъ ихъ подавати мѣлъ, послушни не были, и повѣдилъ, ижъ дей и того имѣнья зъ росказанья пана моего моцно боронити буду. Яко жъ я оттуль, освѣтчывшыся вознымъ и стороною шляхтою, людьми добрыми верхопоменеными, прочъ есми отъѣхалъ. Того-жъ дня, прыѣхавши мнѣ до семого села владычнего, называемого Уличъ, тамъ забѣгшы тотъ же Станиславъ Боровскій, тыми жъ словы мовилъ и именемъ пана своего мнѣ спротивилъ се и того села Улича умоцованому архіепископа Полоцкого подавати и подданныхъ списывати мнѣ не допустилъ и повѣдилъ: не задавай дей вашмость, пане Кгодебскій, собѣ трудности и працы, абысь мѣлъ ѣздити до тыхъ селъ владычнихъ, меновите до Бѣлого,

до Каменя Хороброва, до Крынокъ, до Деготокъ, до Ходна и до Звоного, бо дей конечне маючы росказанье пана своего, тыхъ всихъ селъ моцно бороню и боронити буду. Што все я тымъ вознымъ и стороною шляхтою, людьми добрыми, освѣтчалъ. А ижъ я взяломъ того певную вѣдомость, же сторожа до церкви Светое Софеи зъ села Дольца и Весницка, которыхъ мнѣ подавати не допущоно и спротивено се, передъ тымъ здавна належала, съ тыхъ прычынъ, не маючы певное сторожы до тое церкви зъ скарбами, на сей часъ зъ завѣданья пана намѣстникового брати и ее отпечатовати, такъ-же скарбовъ списовати, важыти ся не смѣлъ есми. А потомъ, прыѣхавшы мнѣ тутъ до Полоцка, року тенерешнего осмдесятъ осмого, сего мѣсеца Декабра дванадцатого дня, у Понедѣлокъ, ходиломъ съ тымъ же вознымъ и съ тою стороною, людьми добрыми вышейпоменеными, до ратуша мѣста Полоцкого. Тамъ же кгды панъ Дмитръ Добрынскій, лентвойтъ Полоцкій, посполъ зъ бурмистрами, радцами и лавниками мѣста Полоцкого, яко дня судового на справахъ мѣстца свои засѣли, тогды, показавши я передъ ними листъ его королевское милости, пана моего милостивого, до мене писаный, домагаломъ ся, повѣдаючы тыми словы, ижъ маю того вѣдомость, же архіепископъ зошлый Полоцкій, отецъ Ѳеофанъ Богданъ, мѣлъ пляцы свои тутъ у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ у Плиговкахъ, на которыхъ пляцахъ люди побудовавшы се мѣшкають и повинность всякую зошлому владыцѣ полнивали; а такъ, хотечы я и то зъ рамени его королевское милости теперешнему архіепископу Полоцкому, его милости отцу Афтанасію Терлецкому, водлугъ листу его королевское милости, до мене писаного, подать; напоминаю и прошу васъ, абысте зъ владзы враду вашего тымъ мѣщаномъ всимъ передо мною стати казали, абымъ ихъ на реестръ списалъ и тому, кому то на-

лежить, подалъ. Тогды панъ лентвойтъ, обмовившы се зо всею радою мѣстскою, на тые слова мои отказъ чинечы, повѣдилъ тыми словы: не есть дей то у вѣдомости нашой, абы отецъ владыка зошлый мѣщане свои и пляцы тутъ у мѣстѣ Полоцькомъ на посадѣ Великомъ у Плиговкахъ за жывота своего мѣти мѣлъ; про то дей и теперь уступовать вашмостю не маемъ чого, бо дей не естъ есмо мощни мѣщанъ короля его милости ни........... заводить, але дей его королевская милость, вольно хотя и по........, мѣста Полоцкого кому хотечы отдать. Затымъ освѣтчывшыся я вознымъ і стороною, людьми добрыми, прочь есми зъ ратуша отшолъ. А тотъ прывилей и листы короля его милости до пановъ шляхты, обывателей земли Полоцкое, до его милости пана воеводы Полоцького и до мене дворанина господарского писаные, для подпору права его милости архіепископу Полоцькому, до рукъ сына его милости, верхопомененого пана Богдана Терлецького, отдалъ есми. И на томъ его милости отцу Афтанасію Терлецькому, архіепископу Полоцькому, черезъ сына его милости пана Богдана Терлецькего, далъ сесь мой увяжчый листъ, подъ моею печатью и подписомъ властное руки моее, такъ же подъ печатьми и подъ написаньемъ рукъ властныхъ возного повѣтового Деменьтея Прокоповича и тыхъ пановъ шляхты, которые въ той справѣ при мнѣ были и того суть добре свѣдоми, то есть: пана Грыгорья Шишки и пана Семашка Телицы. Писанъ у Полоцку. Лѣта по Нароженью Сына Божего тисеча пятьсотъ осмдесятъ осмого, мѣсеца Декабра трынадцатого дня, водлугъ нового календару.

Подписи сдѣланы по руски. Телица подписался красною вязью. Печати истерлись. Доставлена о. Юркевичем. Писанъ на двухъ листахъ. Весьма ветхъ.

II. Реестръ, альбо инвентаръ списанья добръ именей и селъ, владычеству Полоцкому прислухаючыхъ, у земли Полоцкой лежачихъ, которые я Өедоръ Кгодебскій, дворянинъ его королевское милости, велебному въ Бозѣ его милости архіепископу владыцѣ Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому, киръ Афтанасію Терлецкому, въ моцъ подалъ есми року теперешнего 1588, мѣсеца Декабра, розными днями.

То есть наперьвѣй дворъ владычній въ замку вышнемъ Полоцкомъ. Въ немъ будованья: свѣтлицы двѣ на подклѣтахъ напротивко себе, одна съ коморою, межы ними сѣнь, свѣтлица поземная, изба напротивко, межы ними сѣнь, свѣтлица на подъизбицы, напротивко клѣть на подклѣтѣ, межы ними сѣнь, спижарня на пивницы, стайня, броваръ старый, лазня, клѣточка малая.

Ку тому двору замковому фольварокъ у мили отъ Полоцка, прозывтемый на Струньни. Въ немъ будованье: свѣтлицы двѣ съ коморами напротивко себе, одна съ печью, а другая безъ печы, межы ними сѣнь непокрытая, изба челядная зъ сѣньми, одрына форостеная, соломою покрытая, у гумнѣ осѣть одна. Въ томъ фольварку и въ гумнѣ збожьяниякого молочоного и не молочоного и на поляхъ засѣяного, також ни якое маетности, кони и быдла въ оборѣ нѣтъ ничого.

Церковь передъ дворомъ новопостановленая, заложенья Светого Пророка Ильи.

Подданые прихожыя, до того фольварку прислухаючые, меновите па носелицахъ: старецъ Васко Якимовичъ — дымъ 1, Стасъ Михновичъ — дымъ 1, Петръ Яновичъ—дымъ 1, Савиная вдова, именемъ Овдотья—дымъ 1, Андрей съ Хары(то)номъ—дымъ 1, подданый церковный Иванъ Безносичъ—дымъ 1, Андрей Ильиничъ Барверъ—дымъ 1, Бояринъ на Бѣлѣ Водѣ, Иванъ Грышковичъ—дымъ 1.

Повинность съ тыхъ подданыхъ за рокъ тепереш-

ній осмдесять осмый, мѣсеца августа одинадцатого дня, черезъ врадника зошлого архіепископа Полоцкого Ѳеофана Богдана, черезъ Илью Туковича, выбраная, то есть: старецъ Васко Якимовичъ далъ грошей копъ 2, Стасъ Михновичъ далъ грошей копу 1, Петръ Яновичъ далъ грошей копу 1, Савиная вдова, именемъ Овдотья, дала грошей копу 1, Андрей съ Харытономъ дали грошей копу 1; чынить грошей копъ шесть.

По смерти отца владыки зошлого Ѳеофана Богдана, намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко съ тыхъ же подданыхъ взялъ, то есть: у старца Васка Якимовича грошей копъ 3, у Стася Михновича взялъ грошей копъ 2, у Петра Яновича взялъ грошей копъ 2, у Савиное удовы грошей копъ 2, у Андрея и въ Харытона грошей копъ 2; чынить грошей копъ одинадцать.

А надто надъ повинность тыхъ подданныхъ, служебникъ пана Ленарта Чарнавского, Станислявъ Боровскій, прымушаючы ихъ до роботы незвыклое, о шкоду прыправовалъ, то есть, черезъ шесть недѣль наймуючы роботниковъ, на кождую недѣлю по десети грошей даючы, на роботу до него посылали, въ чомъ они, кождый зъ нихъ, шкодують собѣ по конѣ грошей Литовскихъ; чынить грошей копъ пять.

Фольварокъ на Тетъчы: въ немъ будованья, то есть: свѣтлица новая зъ сѣньми, свѣтлочокъ старыхъ также зъ сѣньми двѣ, одна безъ печы; клѣтей старыхъ двѣ; изба челядная зъ сѣньми непокрытыми; стайня безъ воротъ, соломою покрытая; лазня; гумно, въ которомъ будованья большъ нѣтъ; только осѣтъ одна. Въ томъ фольварку и въ гумнѣ збожья ни якого молочоного и не молочоного и на поляхъ засѣяного, также ни якое маетности, коней и быдла въ оборѣ нѣтъ ничого.

Церковъ передъ дворомъ заложенья Светого пророка Ильи; въ ней книгъ розныхъ личбою семъ; евангеліо серебромъ оправное, позлотисто.

По смерти отца владыки зошлого въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ зостало збожья пашни дворное у гумнѣ не молочоного, то есть: жыта копъ двадцать, пшеницы копъ полтрети, ярицы копъ тры, ечменю копъ полторы, овса полкопы. Съ того вымолочоно, за росказаньемъ пана намѣстниковымъ, жыта бочокъ Полоцкихъ десеть, пшеницы осминокъ пять, ярицы бочка одна, ечменю осминокъ чотыри.

Подданые прыхожые, ку тому фольварку прислухаючые: Старецъ, на име Охромей Демидовичъ Краско—дымъ 1, Андрей Олексѣевичъ—дымъ 1, Лаврынъ Юрьковичъ—дымъ 1, Ходоръ Семеновичъ—дымъ 1, Васко Семеновичъ—дымъ — 1, Ониско Готовчичъ—дымъ 1, Софронъ Бородавичъ—дымъ 1, Нестеръ Антиповичъ Бурый — дымъ 1, Олексѣй Петровичъ—дымх 1, Крапъ Семеновичъ—дымъ 1, Иванъ Яковлевичъ—дымъ 1, Иванъ Шершневичъ—дымъ 1, Матеей Ивановичъ Сопко—дымъ 1, Матеей Ламачъ — дымъ 1, Бирна Латышъ — дымъ 1, Янко Белышевичъ—дымъ 1, Янко на Веркудѣ—дымъ 1, Курыло на Веркудѣ—дымъ 1, Никипоръ Провада—огородникъ 1.

Повиность съ тыхъ подданыхъ намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко, черезъ служебника своего Ивапа Поповку, выбралъ, то есть, зо всего села огуломъ взялъ доли мѣрою Полоцкою зо всякого збожа, а меновите: Жита бочокъ 23. Ярицы бочокъ 9 и полъ. Пшеницы бочокъ 5. Ечменю бочокъ 7 и полъ. Гречихи бочокъ 5. Гороху бочка 1 и осминокъ 5. Коноцель сѣменныхъ бочка 1.

Всего того збожья чинить бочокъ сорокъ семъ и осминокъ двѣ, которое все збожье, такъ пашни дворное, яко и дольное, панъ намѣстникъ, нѣтъ вѣдома, гдѣ обернулъ.

Къ тому фолварку Тетчонскому село Уевица; въ немъ люди прихожые, меновите: Старецъ, на име Васко Ивановичъ Плѣшко — дымъ 1, Карпъ Тимоее-

евичъ—дымъ 1, Грыдько Ивановичъ Плѣшко—дымъ 1, Купрыянъ Омельяновичъ—дымъ 1, Охромей Марковичъ—дымъ 1, Конашъ Ивановичъ—дымъ 1, Кононъ Илимятичъ—дымъ 1, Денисъ Науковичъ—дымъ 1, Яковъ Левоновичъ Тараль—дымъ 1, Иванъ Левоновичъ Тараль—дымъ 1.

Повинность съ тыхъ подданыхъ за рокъ теперешній осмдесятъ осмый черезъ пана Марка Рыпинского, сына отца Владыки зошлого, еще пры животѣ отца его выбраная, то есть: у Старца Васка Ивановича Плѣшка взялъ грошей 80, у Карпа Тимоѳеевича взялъ грошей копъ 2 и грошей 10, у Грыдька Ивановича Плѣшка взялъ грошей копъ 2, у Купрыяна Омельяновича взялъ грошей 50, у Охромея Марковича взялъ грошей копъ 2, у Конаша Ивановича взялъ грошей 100, у Дениса Наумовича взялъ грошей копу 1, у Якова Левоновича Таралярошей копъ полторы, у Ивана Левоновича Таралятеля грошей копъ полторы; сумою чынить грошей копъ четырнадцать.

По смерти небожчыка отца владыки зошлого Ѳеофана Богдана, намѣстникъ Полоцкій панъ Якубъ Семашко знову съ тыхъ подданыхъ повинность въ року теперешнемъ осмдесятъ осмомъ выбиралъ, а меновите: у старца Васка Ивановича Плѣшка взялъ грошей 80, у Карпа Тимоѳеевича взялъ грошей копъ 2 и грошей 10, у Грыдька Ивановича Плѣшка взялъ грошей копъ 2, у Купрыяна Омельяновича взялъ грошей 50, у Охромея Марковича взялъ грошей копъ 2, у Конаша Ивановича взялъ грошей 100, у Конона Климятинича взялъ грошей 24, у Дениса Наумовича взялъ грошей копу 1, у Якова Левоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы, у Ивана Леоновича Тараля взялъ грошей копъ полторы; сумою чынить грошей копъ четырнадцать и грошей 24.

Иванъ Ларыоповичъ Поповка, прыѣхавши до села

Усвицы.свовольне взялъ на тыхъ подданыхъ верхопомененыхъ зо всего села напервѣй грошей 72, жита мѣры Полоцкихъ—2, а въ тотъ часъ жито куповано въ торгу по сороку грошей; ечменю—полмѣры, который на тотъ часъ куповано мѣру по двадцать чотыры гроши; куровъ—20, а самаго Васка Плѣшка безвинне до везенья у ланцугъ (чѣпь) сажалъ, и зособна взялъ на немъ грошей 53.

Ку тому жъ двора Тетченскому село Завечелье; подданые того села, меновите: старецъ Сидоръ Ивановичъ—дымъ 1, Лука Кузминичъ—дымъ 1, Васко Даниловичъ—дымъ 1, Конопъ Карниловичъ—дымъ 1, Пилипъ Сопроновичъ — дымъ 1, Иванъ Купрыяновичъ—дымъ 1, Трухонъ Юдиничъ—дымъ 1, Иванъ Довыдовичъ—дымъ 1, Сидоръ Ходоровичъ—дымъ 1, ДемешкоХодоровичъ—дымъ 1,Грышко Корниловичъ—дымъ 1, Омельянъ Коноповичъ—дымъ 1, Карпъ Наплѣхъ—дымъ 1.

По смерти отца владыки зошлого Ѳеофана Богдана, въ року теперешнемъ осмдесять осмомъ, намѣстникъ Полоцкій Якубъ Семашка повинность съ тыхъ подданыхъ выбралъ; огуломъ зо всего села взялъ доли четвертое зо всякого збожья мѣрою Полоцкою, то есть:........

Шкоды тыхъ подданыхъ: напервѣй выбранъ серебщызны: взялъ панъ намѣстникъ зо всего того села отъ сохъ семнадцати по грошей трынадцати и по два пѣнези; того сумою чынить грошей копъ тры и грошей сорокъ чотыры, пѣнязи чотыры.

А потомъ—въ тый день съ тыхъ же подданыхъ, вмѣсто сторожовщызны, надъ звычай и повинность стародавную, взялъ грошей копъ двѣ и грошей чотыры; у старца Ивановича а у Луки Кузминича взялъ невинне овса бочки тры.

ЦЕРКВИ У ПОЛОЦКУ.

Церковъ соборная Светое Софѣи въ замку вышнемъ Полоцкомъ.

Добра, на прыдѣлы въ той церкви наданые:

къ прыдѣлу Светое Тройцы село въ Замшанѣхъ, наданое отъ великого князя Полоцкого Андрея; человѣки тры передѣ тымъ было;—

къ тому-жъ прыдѣлу село на Вшачы, наданное отъ великого князя Полоцкого Семена; въ томъ селѣ передъ тымъ было человѣковъ пять;—

къ тому-жъ прыдѣлу у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ было передъ тымъ дворищъ семъ, на которыхъ мѣщане мѣшкаючы, попу поземъ плачивали;—

ку придѣлу Всихъ Светыхъ село у Кушликахъ, наданье землнъ Полоцкихъ пановъ Корсаковъ; въ томъ селѣ передъ тымъ было человѣковъ семнадцать.

Церковъ Светого Спаса у мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ Великомъ.

Церковъ на томъ же посадѣ Рожества Хрыстова. Къ той церкви село на Рожтовскомъ, человѣковъ чотырнадцать, огородникъ одинъ; тое село на низъ рѣки Двины.

Церковъ Светого Козмы-Демъяна заложенья, въ мѣстѣ Полоцкомъ на посадѣ за Полотою.

Ку той церкви, водлугъ давного наданья, тенерешній свещенникъ Давидъ Петровичъ держить село на Начы, въ которомъ передъ тымъ было чоловѣковъ шесть; а иншое езоитомъ отдано.

Што тежъ, водлугъ писанья его королевское милости и тежъ водлугъ писанья его милости пана воеводы Полоцкого, упоминаломъ ся у пана Якуба Семашка намѣстника Полоцкого, абы вси доходы за рокъ теперешній осмдесятъ осмый зъ имѣней владычнихъ, за вѣдомостью его выбраные, черезъ мене его мило-

сти архіепископу Полоцкому отдалъ; на то панъ наместникъ повѣдилъ, ижъ то все, штокольвекъ зъ имѣней владычнихъ выбралъ, до пана воеводы Полоцкого, пана своего, отослалъ.

А при томъ подаванью тыхъ имѣней былъ на онъ часъ при мнѣ возный воеводства Полоцкого Дементей Проконовичъ, отъ пана намѣстника зъ ураду приданый; у фольварку Струньни и въ селѣ Усвицы былъ тежъ при мнѣ земянинъ господарскій воеводства Полоцкого панъ Семашко Телица; а у фольварку Тетчы и въ селѣ Завечелью были вжо при мнѣ съ тымъ вознымъ два шляхтичы: земянинъ господарскій того жъ воеводства Полоцкого панъ Григорей Шишка и тотъ же панъ Семашко Телица. Которого подаванья черезъ мене тыхъ добръ верхопомененыхъ, владычеству Полоцкому належачыхъ, на сесь реестръ все меновите и по достатку списавшы, его милости архіепископу Полоцкому киръ Афтанасію Терлецкому, черезъ сына его милости пана Богдана Терлецкого, подъ печатью и съ подписомъ руки моее властное, также подъ печатьми и подъ написаньемъ рукъ властныхъ того возного и тыхъ пановъ шляхты верхопомененыхъ, далъ есми. Писанъ у Полоцку. Лѣта по Нароженью Хрыста Сына Божьего 1588, мѣсеца Декабря 13 дня.

Подписи: Өедоръ Ивановичъ Кгодебскій, дворенинъ его королевской милости, властною рукою подписалъ. Дементей Прокоповичъ, возный, рукою властною. Семашекъ Телица, рукою властною подписалъ. Григорей Тишка, руку свою подписалъ.

Печати совершенно истерлись. Доставленъ Полотскимъ Благочиннымъ О. Юркевичемъ. Писанъ на трехъ листахъ четкою скорописью; нумерація обозначена числами славянскими. Весьма ветхъ.

II.

Австрійцы въ Галиціи. *)

Quel que soit le mode d'élection des représentants du pays, l'élement nobilaire y dominera infailliblimeat.... Le peuple polonais n'á de confiance que dans ses compatriotes, les Polonais; donc pour arriver à la pacification du pays, il faut que la Pologne soit gouvernée par des Polonais.

Ð. K. Schédo-Ferroti.

Защита уніатской церкви.—Желанія австрійскаго правительства. Противодѣйствіе полонизма. — Проявленіе великаго будованія.— Чарторыйскіе.— Бдительность австрійцевъ.—Герцогство Варшавское и прежніе польскіе порядки.—Австрійское правительство послѣ 1815 г.—Галиція въ 1831 г.

Религіозное угнетеніе населенія Галиціи также ослабло тотчасъ съ переходомъ подъ австрійскую власть. Русское духовенство было доведено польскимъ игомъ до отчаяннаго положенія нищеты и невѣжества. Часто уніатскіе священники не знали даже церковныхъ догматовъ. Они были лишены средствъ и училищъ для полученія хотя какого либо образованія. Марія Терезія дала первыя пособія этому плачевному состоянію русскаго духовенства. Она постановила на первый случай, чтобы дѣти русскихъ священниковъ Галиціи могли поступать въ духовную семинарію, прежде уже учрежденную для уніатовъ въ Венгріи. Уніатскому духовенству, имѣвшему самыя скудныя средства къ существованію, было назначено жалованье отъ казны; права духовенства русскаго были во всѣхъ отношеніяхъ сравнены съ правами духовенства римскаго, и послѣднему было строго предписано оказывать духовнымъ лицамъ уніатовъ должное уваженіе [1]). Въ Перемышлѣ древній русскій соборъ былъ издавна отнятъ и переданъ латинскому духовенству. Рус-

---

*) См. Кн. 1 Вѣст. Зап. Россіи.

[1]) Die poln. Rev. p. 18.

скіе возвели другой; но при оскудѣвшихъ средствахъ и этому храму ежедневно угрожало крушеніе. Императрица отпустила 40,000 гульденовъ для возведенія новаго уніатскаго собора [2]).

Но радикальныя преобразованія для быта галицкаго населенія послѣдовали при преемникѣ Маріи Терезіи—императорѣ Іосифѣ II (1780—1790). Русское духовенство было особенно ему обязано своимъ возвышеніемъ.

Императоръ былъ непримиримымъ противникомъ ультрамонтанства и клерикальной партіи. Іосифъ II, пишетъ Вутеръ [3]) надѣлалъ много хлопотъ р. католическому духовенству; онъ запретилъ своимъ епископамъ, безъ его позволенія, сноситься съ Римомъ; папскія буллы до приведенія въ исполненіе должны были предварительно пройти чрезъ его цензуру. Онъ запретилъ епископамъ ходатайствовать о дарованіи имъ папою, нѣкоторыхъ правъ (facultates quinquenales), а уполномочивалъ ихъ къ тому собственною властью, какъ напр. на разрѣшеніе браковъ въ извѣстной степени родства, на разводы и т. п. также на право разрѣшенія нѣкоторыхъ грѣховъ, принадлежащее папѣ (casus reservati summo pontifice). Многіе каноническіе законы, касающіеся семейной жизни и бракосочетаній, Іосифъ II собственною властью, частью умножилъ, а частью сократилъ, или ввелъ новые. Многія дѣла изъ вѣдѣнія духовнаго суда имъ были предоставлены суду гражданскому; даже самихъ ксендзовъ онъ подчинилъ гражданскому суду, отъ котораго они доселѣ были совершенно свободны. Онъ упразднилъ много монастырей обоего пола и даже своими постановленіями вмѣшивался въ церковную службу: онъ уничтожилъ процессіи, крестные ходы, торжественное хожденіе на богомолье и духовные братства. Чтобы воспитать клериковъ по своему, онъ основалъ такъ называемыя *генеральныя* семинаріи, совершенно независимыя отъ бискуповъ; каѳедры въ этихъ семинаріяхъ были розданы богословамъ и канонистамъ, которые были ему извѣстны тѣмъ, что раздѣляютъ его взгляды. Бискупы, архибискупъ вѣнскій, примасъ Венгріи и другіе подавали императору прошенія противъ этихъ его нововведеній, чрезъ посредство папскаго нунція при австрійскомъ дворѣ; но Іосифъ II пренебрегъ

---

[2]) p. 18. [3]) H. G. Wauters: Historiae ecclesiasticae. Lovanii 1888 T. III p. 315. Это свѣдѣніе мнѣ обязательно доставилъ И. Я. Козловскій.

просьбами и предостереженіями, а нѣкоторыхъ за то даже подвергъ взысканіямъ. Папа Пій VI въ 1782 г. самъ отправился въ Вѣну, чтобы вразумить Императора. Іосифъ II принялъ его съ большими почестями, много наобѣщалъ, мало сдѣлалъ, и съ своимъ совѣтникомъ графомъ *Кауницемъ* продолжалъ свои реформы по прежнему.

Съ уничтоженіемъ монастырей правительство могло распологать большими средствами. Іосифъ II, по уничтоженіи монастыря доминиканскихъ монаховъ во Львовѣ, отдалъ зданія монастыря со всѣми его обширными постройками и садомъ подъ уніатскую семинарію, назначилъ большія суммы для содержанія учителей и учениковъ, и ввелъ все преподаваніе на *русскомъ* языкѣ. Можно себѣ вообразить восторгъ населенія, пишетъ авторъ „польскихъ революцій" [1]) если вспомнимъ что его письма служили полякамъ предметомъ постоянныхъ издѣваній. Вслѣдъ за тѣмъ было учреждено при богословскомъ факультетѣ во Львовѣ особое отдѣленіе для уніатовъ, въ которомъ все преподаваніе было также на русскомъ языкѣ.

Имущество отъ р.-католическихъ монастырей и костеловъ было отобрано и его доходы были назначены для содержанія духовенства, одинаково латинскаго и уніатскаго. Для нихъ были учреждены двѣ консисторіи и правительство назначило суммы на ихъ содержаніе.

Императоръ Леопольдъ поддерживалъ всѣ учрежденія своего предшественника; а Францъ пошелъ далѣе. При немъ была возстановлена прежняя уніатская митрополія. Такими мѣрами было возстановлено образованіе въ средѣ уніатскаго духовенства и устроенъ безбѣдный его домашній бытъ; и русскіе священники были вполнѣ достойны этихъ правительственныхъ о нихъ заботъ. Самыя условія домашней жизни ставили русскаго священника въ другое положеніе, нежели безбрачнаго ксендза. Пастырь сельскаго населенія въ восточной Галиціи, по словамъ автора „Воспоминаній"—вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣлецъ; онъ постоянный образецъ для своей духовной паствы, какъ домохозяинъ и семьянинъ [2]). Нравственный бытъ русскаго духовенства, костеломъ прежде умышленно погру-

---

[1]) p. 18.

[2]) In dieser Beschaftigung wie in seiner Familie ein Muster von Wirthschaftlichkeit und Sittenreinceit für seine Gemeinde. p. 23.

жаемаго въ глубокое научное невѣжество, выработался среди гоненій и притѣсненій, когда дикому напору клерикальнаго латинства оно могло противупоставлять только чистоту христіанскихъ добродѣтелей и смиренія. Въ борьбѣ со вторгающимся могущественнымъ р.-католицизмомъ, православіе видѣло всю крайнюю необходимость ограждать свое духовенство отъ соблазнительныхъ вносимыхъ примѣровъ. „Если священникъ, сказано въ уставѣ львовскаго братства, не будетъ жить цѣло, мудрено и добродѣтельно, какъ подобаетъ священникамъ, а станетъ заниматься безчинствомъ и пьянствомъ, не радя о церковной службѣ, то братчики могутъ его удалить отъ должности и вмѣсто него поставить другаго“ [1]).

Прикрѣпить и привязать Галицію къ коронѣ Австріи было постоянною заботливостью ея монарховъ. Они не могли, при пестротѣ населенія австрійскихъ областей, онѣмечить Галицію. При сравнительной численности нѣмецкаго и галицкаго населеній, попытка ввести нѣмцевъ - земледѣльцевъ въ Галицію замерла въ началѣ; не болѣе удачна была и колонизація въ ней нѣмцевъ - землепашцевъ, предпринятая Іосифомъ II. Грубые колонисты швабы, по замѣчанію автора „Воспоминаній,“ въ самомъ невыгодномъ для себя свѣтѣ отличаются отъ туземнаго крестьянскаго сословія.

Галиція была драгоцѣнною областью въ составѣ Австрійской имперіи, богатая, плодородная, съ важнымъ особеннымъ источникомъ доходовъ отъ соляныхъ копей, съ покорнымъ, кроткимъ и смышленымъ населеніемъ. Это населеніе вносило превосходный элементъ въ составъ австрійской арміи. „Въ Галиціи русскій уступаетъ вообще поляку въ воспріимчивости и въ ловкости,—говоритъ авторъ „Воспоминаній,“—но превосходитъ его въ настойчивости, вѣрности, преданности и холодномъ, ничѣмъ не потрясаемомъ, мужествѣ. Въ австрійскихъ войскахъ русскій, равно какъ и полякъ, однимъ словомъ галичанинъ, пользуется славою лучшаго, терпѣливѣйшаго и надежнѣйшаго солдата. Фактъ рѣшенный, что русская армія никогда не претерпѣвала такаго пораженія, чтобы она была обращена въ бѣгство; отъ первыхъ схватокъ съ татарами и поляками до послѣдней крымской войны, въ случаѣ пораже-

---

[1]) Пам. Кіев. Ком. Т. III Ч. III § 6; Флеровъ стр. 184.

нія, всегда слѣдовало отступленіе съ сохраненіемъ полнаго порядка" 1).

Дѣйствія австрійскаго правительства въ Галиціи, въ человѣколюбивыхъ, имъ приводимыхъ въ исполненіе предначертаніяхъ, совершенно согласовались съ государственными требованіями и были тѣмъ успѣшнѣе, что имъ сочувствовали подданные остальныхъ областей Австрійской имперіи.

Правительство старалось привязать къ себѣ пріобрѣтенную область поднятіемъ нравственнаго состоянія населенія, его развитіемъ и улучшеніемъ его быта; но оно нашло въ этой области враждебный къ себѣ элементъ *польско-шляхетскій*. Этотъ элементъ, въ населеніи видя только рабочую силу и предаваясь ученіямъ польской справы, шелъ къ достиженію своихъ экономическихъ и политическихъ цѣлей путями совершенно обратными тѣмъ, по которымъ шло правительство.

Въ отношеніи къ правамъ исповѣданій и образованія духовенства полонизмъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы не допустить до уравненія русскаго духовенства съ р.-католическимъ. Но Императоръ Іосифъ II, по словамъ автора „Воспоминаній," не принималъ никакихъ возраженій и объясненій и, съ пламенною энергическою настойчивостью устраняя всѣ препоны, сравнилъ оба исповѣданія въ правахъ и преимуществахъ.

Введеніе правды въ судахъ и точнаго исполненія постановленій и законовъ имѣло свою темную сторону. Въ Галиціи паны всѣми силами старались поддержать старые порядки; они нравственно развращали и чиновниковъ-нѣмцевъ, которыми правительство расчитывало внести новый духъ, новое настроеніе въ среду мѣстныхъ служащихъ.

Паны были обязаны содержать при имѣніяхъ чиновниковъ, въ званіи *мандаторовъ*, производившихъ дѣла первой инстанціи, для дороваго суда и расправы. *Эти мандаторы* 2) обыкновенно при имѣніи исполняли и обязанность экономовъ. Паны подкупали также чиновниковъ высшихъ инстанцій и ставили

---

(1) Die Poln. Rev. p. 23.

(2) Ихъ въ шутку называли мартовскими философами (Maerzphilosophen), потому что въ эти должности обыкновенно поступали невыдержавшіе въ заведеніяхъ экзаменовъ, бывавшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ (изъ свѣдѣній сообщенныхъ изъ Австріи).

ихъ на свою сторону; они сыпали червонцы въ ихъ кошельки и для домашняго обихода снабжали ихъ сельскими продуктами 1). Всякія мѣры правительства не долго могли удерживаться въ первоначальномъ своемъ значеніи. Мало по малу паны, при вѣками развившемся взяточничествѣ, въ практическомъ примѣненіи постановленій водворяли прежнія беззаконія, и своеобразною польскою легальностью ставили ихъ подъ защиту коронныхъ чиновниковъ, втянутыхъ къ участію въ беззаконіяхъ.

Мѣры правительства для образованія простолюдина остались совершенно безплодными вслѣдствіе происковъ пановъ, которые, видя крестьянъ, защищаемыхъ административною властью, опасались ихъ образованія. Правительство, желая устранить отъ себя всякую тѣнь обращенія къ стѣснительнымъ мѣрамъ, соглашалось, чтобы обученіе не было обязательнымъ (2). Образованіе русскаго сельскаго населенія особенно не нравилось панамъ и они, пользуясь недостаточнымъ изученіемъ австрійцами духа населенія въ восточной Галиціи, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ напускали *тьму* и *мглу*. Правительство знало, что славянскій языкъ остался церковнымъ языкомъ русскаго богослуженія, и уподобляло его латинскому языку въ богослуженіи р.-католическомъ; потому, при учрежденіи уніатскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній правительство, внимая желаніямъ русскаго духовенства, постановило преподаваніе на языкѣ уніатской церкви. Этимъ путемъ въ духовныя заведенія съ славянскимъ языкомъ вошла кириллица и русская рѣчь. Въ народныхъ же школахъ дѣло было поведено иначе; по польскимъ разъясненіямъ правительство почитало, что языкъ русскаго населенія Галиціи есть нарѣчіе польскаго языка, и потому польскій языкъ съ латинскою его азбукою былъ принятъ для школъ Галиціи. Для русскаго простолюдина было достаточно одной мысли, что въ *школѣ учатъ* по польски и литерамъ не церковныхъ его книгъ, чтобы не посылать туда сына. Сельскія школы потому стали предметомъ одинаковой ненависти, какъ землевладѣльца, такъ и земледѣльца, и обратились въ мертвую букву.

Передъ первымъ раздѣломъ Австрія, какъ держава р.-ка-

(1) Die poln. Rev. p. 10.
(2) Schulzwang gab es in Galizien keinen. p. 20.

толическая, надѣялась, что при государственномъ разложеніи, къ которому шла Рѣчь-Посполитая, поляки, направляемые своимъ духовенствомъ, отъ русскихъ и пруссаковъ бросятся въ объятія священной Римской Имперіи. Марія Терезія потому открыто заявляла, что ею присоединенныя области были ей навязаны. Австрія не приняла участія во второмъ раздѣлѣ; но была за то вознаграждена при послѣднемъ. Австрія, какъ сумма разноплеменныхъ областей, за недостаткомъ собственнаго преобладающаго кореннаго населенія, расчитывала поставить привыкшихъ къ крамоламъ пановъ и шляхту между двухъ огней, между сословіемъ крестьянъ и магнатами. Заботы правительства, внушаемыя человѣколюбіемъ, просвѣщеніемъ и политикою, дѣйствительно повели къ тому, что населеніе предалось австрійскому правительству и оно дорожитъ нынѣшнею властью. Съ магнатами вышло иначе; ласкаемые въ Вѣнѣ, они долго, до 1848 года только мистифировали правительство и обошли даже самаго князя *Меттерниха*. Въ Польшѣ шляхта не допускала своими конституціями ни пожалованій, ни ношенія какихъ либо титуловъ; но, по обычному теченію польскихъ дѣлъ, Польша изобиловала титулованными фамиліями, особенно графскими, и нѣкоторые даже назвали свои владѣнія графствами, а далѣе уже сами себя величали *графами*. Польскіе магнаты легко пріобрѣтали въ Вѣнѣ титулы князей и графовъ Священной Римской имперіи, потому что австрійское правительство тѣмъ самымъ обращало ихъ въ добровольныхъ подданныхъ императора. Время послѣ перваго раздѣла особенно было обильно раздачею титуловъ въ Вѣнѣ; а послѣ окончательнаго раздѣла Австрія признала личными графами бывшихъ польскихъ сенаторовъ. (1) Польскіе магнаты постоянно были привѣтливо встрѣчаемы въ Вѣнѣ, и австрійская столица стала любимымъ ихъ зимнимъ пребываніемъ. Князь Адамъ-Казиміръ *Чарторыйскій* былъ въ 1782 г. назначенъ начальникомъ галицкой гвардіи (2).

Чарторыйскіе переѣхали, предъ послѣднимъ раздѣломъ, въ свое галицкое имѣніе, Сѣняву; Пулавы были разорены. Пребываніе въ Галиціи отразилось тѣмъ, что тамошніе паны-

(1) По сообщенному разысканію.
(2) Julian Ursin Niemcewicz „Pamiętniki Czasów moich.“ Paryż. 1847. p. 70.

явились первыми сотрудниками къ *великому будованію* въ 1796 году. На превращающихся туманныхъ картинахъ, рисуемыхъ событіями того времени, начинають выясняться личности вождей, приступившихъ къ устройству массы для *польской справы*. На одной изъ нихъ (1795 г.) видимъ пановъ въ своемъ общественномъ быту. Они почитаютъ дѣло Польши поконченнымъ; безъ заднихъ мыслей о приготовленіи средствъ къ новому возстанію, они продолжаютъ прежній образъ жизни, только въ рамкахъ общественнаго порядка наложенныхъ австрійскимъ правительствомъ, и роскошно веселятся на львовскихъ контрактахъ. Среди пиршествъ въ яркоосвѣщенныхъ салонахъ являются магнатскія личности примирителями внутреннихъ ссоръ и руководителями общественнаго мнѣнія. Князю *Понинскому* необходимость указываетъ оправдать, что онъ никогда не переставалъ быть *польскимъ патріотомъ*.

Другая картина (1796—1797) переноситъ насъ въ Придунайскія княжества. При неустроенныхъ еще работахъ *великаго будованія*, Ксаверій *Домбровскій* съ нагнанною туда ватагою, которая должна была служить пушечнымъ мясомъ, не получая дальнѣйшихъ распоряженій, собирается дѣйствовать на собственную руку и расчитываетъ, со вторженіемъ въ Галицію, по примѣру рѣзни въ Варшавѣ и Вильнѣ 1794 года, найдти во Львовѣ соучастниковъ въ учащейся молодежи, въ панскихъ дворовыхъ, въ городскихъ ремесленникахъ и въ преступникахъ, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ. Трагическая попытка *Дениски* была первымъ разыграннымъ *фарсомъ*.

Въ третьей картинѣ (того же времени) видимъ завязывающуюся польскую дѣятельность: *великое будованіе* принимаетъ осязательныя формы, зодчіе пытаются въ Парижѣ привести французское правительство къ принятію вооруженнаго участія въ польской справѣ, а въ Краковѣ (6 января 1796 г.) составляютъ *актъ возстанія,* для увлеченія польскимъ патріотизмомъ и для вербовки сторонниковъ на многочисленныхъ предстоящихъ крещенскихъ контрактахъ. Послѣ львовскаго съѣзда шлютъ въ западную Россію тайнаго эмиссара *Гедройця* проповѣдывать польскій патріотизмъ и въ Константинополь отправляютъ четырехъ депутатовъ, двухъ отъ Галиціи—князя *Яблоновскаго* и *Рымкевича*, и двухъ отъ Польши—*Шумлянскаго* и *Блю-*

ia (1), съ извѣстіемъ, что многочисленныя подписи утвердили *актъ къ возстанію*, скрѣпленный обоими депутатами отъ Галиціи (2). Французская директорія приказала переименовать его въ *актъ конфедераціи* (3).

Въ четвертой картинѣ (1708—1800) зодчіе *великаго будованія* организируютъ сѣть для *польской справы* и въ разставленныя западни ловятъ сотрудниковъ. *Θаддей Чацкій*, ретивый сторонникъ *Чарторыйскихъ*, со времени еще пулавскихъ съѣздовъ великаго сейма завязываетъ польско-патріотическія общества, подъ фирмою *литературнаго* и *торговаго*. Рядомъ съ домашней работою, зодчіе, послѣ дипломатическихъ неудачь, ищутъ заслужить милость французскаго правительства и гонятъ тысячами увлеченныхъ и навербованныхъ бѣдняковъ въ легіоны. Въ западной Россіи является изъ Галиціи доминиканскій монахъ, для приглашенія мѣстныхъ латинскихъ монастырей къ принатію участія въ вербованіи. Надъ подземною, *кротовою* работою, подъѣдающею жизненные корни страны, на поверхности подымаются заключенія и ссылки; за ними на Западѣ кровавыя битвы, въ которыхъ гибнутъ мистифируемые сыны небывалой *польской ойчизны*, во имя ксендзо-шляхетской идеи. Зодчіе нанизываютъ изъ французскихъ бюллетеней подвиги поляковъ, чтобы убѣдить Францію, что она обязана прійдти на помощь творцамъ конституціи 3 Мая; а вдали за океаномъ уже виднѣется Сан-Доминго. Австрія хватаетъ бѣгущихъ домой изъ легіоновъ и въ свои полки отсылаетъ *дезертировъ*.

По словамъ записокъ Каетана *Кожмяна* (4), приводимыхъ здѣсь въ извлеченіяхъ, „послѣ усмиренія революціи 1794 г., послѣ *запалу* надеждъ и опасеній наступили съ занятіемъ австрійскими войсками части Польши, называемой *Западною Галиціею*, *гробовая затишь*, *скорбь и печаль*. Люблинскій подкоморжій графъ *Длускій* тщетно подавалъ австрійскому императору *меморіалъ*, съ просьбою сохранить имя Польши для части отошедшей къ Австріи, сохранить въ ней языкъ и администра-

---

(1) Angeberg. Receuil. p. 118.
(2) Бывшаго подскарбія *Чарторыйскихъ*.
(3) Oginski, T. II, p. 153, 137.
(4) Pamiętniki Kajetana Koźmiana (1780—1815). Poznań 1858 Oddział I, XIII: Wspomnienia z czasów rządu Austryackiego. Рус. В. въ 1865, познакомилъ съ ними русскихъ читателей.

цію (языкъ и уряды). На австрійское правительство надѣялись: съ его вѣдома устроивалось возстаніе и держались совѣты въ Вѣнѣ и Дрезденѣ; Австрія ничего не получила по сейму (второму раздѣлу), потому не могла быть довольною сосѣдями; относительно же поляковъ не имѣла никакихъ поводовъ ихъ преслѣдовать. Но надежды разлетѣлись при первыхъ шагахъ австрійцевъ. Польскіе эскадроны и роты, избѣгая мести русскихъ, искали спасенія въ предѣлахъ Австріи; но тамъ они были разоружены, кони и оружіе были забраны, а люди угрозами, иногда и побоями, были вынуждены вступать въ ряды австрійскихъ войскъ. Съ офицеровъ снимали чины и *наряжали ихъ въ штиблеты* простыхъ рядовыхъ. Стало очевиднымъ, что мы стали подданными менѣе кроткаго правительства—стали рабами. Что сказать напр. о новомъ правительствѣ, которое вѣшало схваченныхъ изъ отряда *Дениски*, и палками заставило уважаемаго (слушнего) обывателя *Рациборовскаго* (2) признать себя виновнымъ въ сношеніяхъ съ тѣмъ же *Денискою*. Кто зналъ императора Франца и высшихъ сановниковъ въ Вѣнѣ, тотъ понималъ, что подобныя преслѣдованія правительства, удалявшія отъ него сердца новыхъ подданныхъ, были дѣломъ австрійскихъ чиновниковъ-демократовъ. Они вводили правительство въ заблужденіе *ложными доносами* объ угрожающей опасности, съ намѣреніями выслужиться." Такъ, на пользу *польской справы*, писалъ въ эмиграціи (въ 1848 году) свои записки старикъ Каетанъ *Кожмянъ*, литераторъ, до 1831 года польскій чиновникъ, который съ юности (съ 1785 г.) былъ горячимъ поклонникомъ *Чарторыйскихъ*, поэтъ; всегда ласкаемый въ Пулавахъ. *Кожмянъ* въ 1848 г. не расчитывалъ, что настаетъ время для разъясненія польскихъ мистификацій,

---

(1) p. 242. Изъ записокъ *Огинскаго* (T. II p. 259) видно, что этотъ *Рациборовскій* былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей англо-краковскаго возстанія и былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ свѣдущій, усердный и патріотъ. „Графъ *Дзялынскій*, продолжаетъ *Огинскій*, не скрывалъ трудности предпріятія (собрать въ своемъ имѣніи Яблоновѣ вождей, въ томъ числѣ и *Рациборовскаго*), потому что крайни были бдительность и строгость австрійцевъ въ Галиціи; графъ *Дзялынскій* однако обошелъ ихъ, пославъ къ каждому довѣреннаго человѣка, съ изустнымъ приглашеніемъ." *Рациборовскій* дѣйствительно прибылъ и былъ въ числѣ поставившихъ планъ для будущихъ дѣйствій, (p. 261) гл. XIV стр. 42.

и что *великое будованіе*, было уже *наканунѣ* своего перехода во второй фазисъ.

Въ запискахъ *Кожмяна* мы встрѣчаемъ еще нѣсколько знаменательныхъ строчекъ относительно Галиціи. Изъ нихъ видно, что, съ паденіемъ Польши, началось пробужденіе между тамошними ополяченными русскими, которые являются въ видѣ *отъмечивающихся поляковъ*, *анти-поляковъ въ восточной Галиціи* (отмѣчоныхъ поляковъ — анты-поляковъ въ Галиціи-всходней). Эти, по его словамъ, въ своей средѣ имѣя много бывшихъ сторонниковъ тарговицкой конфедераціи, *интригами* попадали особенно на мѣсто судей и окружныхъ коммиссаровъ австрійской администраціи (1). Этому примѣру слѣдовали и кровные поляки; одинъ изъ нихъ, *Стржаковскій*, дошелъ до того, что высказалъ, что „если бы видѣлъ, что въ немъ осталась хоть одна польская *жила*, то велѣлъ бы ее вырвать" (2). Польское общественное мнѣніе послѣ раскрытыхъ польскихъ продѣлокъ никакъ не могло водвориться въ Галиціи. „Поляки въ Галиціи, пишетъ *Кожмянъ*, не могли принимать участія въ пробужденіи умственной польской жизни, участвовать въ учено-литературныхъ занятіяхъ поляковъ въ Пруссіи и Россіи. Въ краѣ не было дозволено никакихъ газетъ, кромѣ нѣмецкихъ. Масса туземцевъ только догадывалась о какихъ - то дѣлахъ, при внезапныхъ арестованіяхъ Игнатія *Потоцкаго*, маршала *Малаховскаго*, *Пирамовича* и *Закржевскаго*" (3).

Первенствующая роль *Чарторыйскихъ* въ темныхъ работахъ *великаго будованія* начинаетъ выясняться уже на первыхъ порахъ. *Чарторыйскіе* въ 1793 году предъ началомъ Костюшкинскаго возмущенія, изъ Дрездена переѣхали въ Вѣну (4), время революціи провели въ Галиціи въ Сенявахъ, а на зиму съ 1795 на 1796 переѣхали въ Краковъ. Пулавы быстро отстроивались послѣ разоренія — туда *Чарторыйскіе* и перемѣстили свое пребываніе. Австрійцы, послѣ выкинутаго фарса *Деписки*, перемѣнили систему и стали зорко слѣдить за всѣми польскими оборотами, а вступившій на прусскій престолъ,

(1) Koźmian T. II p. 264.
(2) p. 248.
(3) p. 250. *Пирамовичъ* былъ экс-іезуитъ, изъ близкихъ приверженцевъ *Чарторыйскаго*. (Niemcewicz).
(4) Ч. I, стр. 339.

молодой король Фридрихъ Вильгельмъ III своими милостями и привѣтливостью явился утѣшителемъ польской скорби (1).

Рождающееся *великое будованіе* перемѣщалось съ *Чарторыйскими:* возстаніе 1794 года устроивалось въ Дрезденѣ и въ Вѣнѣ, пишетъ *Кожмянъ;* 6 января 1796 г. въ Краковѣ составился актъ возстанія, пишетъ *Огинскій*. *Чарторыйскіе* въ 1798 году переѣзжаютъ въ Пулавы, и подпольная дѣятельность оживилась *въ Варшавѣ*, а въ Галиціи стала замирать. *Чарторыйскіе*, верховные мастера *великаго будованія*, ловко укрываются четырьмя слоями сотрудниковъ. Взглянемъ на Галицію, которая стала первымъ театромъ дѣйствій.

На сцену являются: графы *Вьлегорскій* и *Ржевускій*—примирителями, графъ *Дзялынскій*—высшимъ руководителемъ, графы Игнатій *Потоцкій* и *Малаховскій*—мѣстными дѣятелями для сношенія съ эмигрантами. Графиня Констанція *Замойская*, сестра князя Адама Казиміра *Чарторыйскаго*, отличается своею ревностью къ поддержанію еще Костюшкинскаго возстанія, а ея сынъ Александръ не щадилъ денежныхъ средствъ на формированіе польскихъ легіоновъ. За магнатами идутъ менѣе ясневельможные сотрудники, магнаты избираютъ личности, найденныя пригодными во время охоты за популярностью магнатовъ, особенно охоты *Чарторыйскихъ*, которыхъ выработанная ловкость постоянно выясняется изъ польскихъ мемуаровъ того времени (2). Этимъ сотрудникамъ, пяти членамъ краковскаго подпольнаго комитета, предоставлена работа, которая оставляетъ слѣды, уже уловимые для слѣдственныхъ коммиссій, составляя такъ сказать переходъ къ нисшей степени, которой назначается уже нести свою голову для польской справы; они же сносятся съ *довудцами*-вождями вербуемыхъ для пушечнаго мяса мятежей. Наконецъ идетъ послѣдній слой работниковъ—рядовыхъ въ шайкахъ. Эти составляютъ послѣднюю оболочку *великаго будованія*, ихъ дѣйствія

---

(1) Kozmian T. I p. 243. Oginski: Memoires T. II. Kozmian T. II p. 45.

(2) Въ запискахъ Кожмяна находимъ, что *Оржимайло*, какъ мы выше видѣли, одинъ изъ главныхъ дѣятелей 1796 и 1797 г. въ Галиціи, былъ небогатый панъ, прежде адвокатъ, который, по милости князя Адама Казиміра *Чарторыйскаго*, былъ Лятычевскимъ подстаростою, и на сеймѣ 1788 года принадлежалъ къ его приверженцамъ (Kozmian T. II p. 43).

уже никакъ не могутъ быть затаенными—а они-то, при тьмѣ и мглѣ и становились первыми отвѣтчиками предъ слѣдственными коммиссіями. При подобномъ устройствѣ работъ *великаго будованія* и, при безпрерывно обрывающихся нитяхъ въ показаніяхъ слѣдственныя коммиссіи не могли добраться до центра, при тьмѣ и мглѣ работники низшихъ степеней могли легко увертываться отъ подробныхъ показаній, такъ какъ и слѣдственныя коммиссіи имъ вѣрили, что всякій работникъ *великаго будованія* знаетъ только дѣло *будованія* и того, кто его самаго посвятилъ, остальныхъ же знаетъ только подъ псевдонимами или вовсе не знаетъ. Какая же судьба постигла участниковъ? Перехваченныя депеши *Нарбута* оставили князя Адама Казиміра *Чарторыйскаго*, при его связяхъ въ Вѣнѣ, только въ подозрѣніи; графы *Малаховскій* и *Потоцкій* были арестованы; но при недостаткѣ уликъ оправдались и были освобождены; членъ тайнаго краковскаго комитета *Рацидоровскій*, подъ палками, собственнымъ признаніемъ выяснилъ при бывшихъ въ рукахъ правительства явныхъ уликахъ свою подпольную дѣятельность на субсидіяхъ придунайскимъ выходцамъ. *Довудцы*, опасаясь что обнаруженная страшня можетъ привести къ выдачѣ ихъ турецкимъ правительствомъ, по требованію Австріи, спаслись бѣгствомъ въРоссію, а шаечники приговорены военнымъ судомъ и повѣшены.

Полонизмъ расчитывалъ, что давнія слѣдственныя дѣла навсегда останутся въ архивахъ, и за нихъ не возьмутся для разъясненія позднѣйшихъ событій; онъ расчитывалъ что давнія сочиненія ревнителей польской справы съ обозначеніемъ иногда дѣятелей начальными буквами или съ сокращеніемъ [1]), останутся вполнѣ понятными только въ польскомъ мірѣ. При подобныхъ расчетахъ, полвѣка спустя, преданный сотрудникъ *Чарторыйскаго* берется польскими аргументами напустить новый запасъ *тьмы и мглы*; онъ выставилъ виновниками вражды поляковъ къ австрійскому правительству австрійскихъ чиновниковъ и являющуюся въ восточной Галиціи анти-польскую партію, которую онъ признаетъ постыдною для полонизма (на нашъ

---

[1]) Въ запискахъ *Огинскаго* встрѣчаемъ многихъ дѣятелей, обозначенныхъ начальными буквами; но въ концѣ находится алфавитный указатель съ полными фамиліями; *Кожмянъ* сокращаетъ фамиліи, а фамиліи имъ означенныя начальною буквою, выписаны сполна въ оглавленіи.

ветьдъ) [1]. Австрійская мѣстная администрація якобы нарушила добрыя намѣренія австрійскаго правительства и разрушила преданность поляковъ къ австрійскому престолу [2]. Сочиняя басни о заговорахъ; у *Кожмяна*, *Рацибоуовскій* [3]—уважаемый обыватель, а шайка *Деницки*,—отрядъ прежнихъ польскихъ войскъ, который (въ 1797 году!) искалъ укрыться и переходилъ изъ Подольской губерніи въ Буковину [4].

Въ слѣдующей главѣ найдемъ водвореніе работъ великаго будованія въ предѣлахъ Пруссіи. Съ отбытіемъ же *Чарторыйскихъ* изъ Кракова „при строгихъ мѣрахъ австрійскаго правительства, Галиція была какъ бы обречена на смерть, пишетъ *Кожмянъ*, она представляла видъ костенѣющаго трупа мертвеца."

Австрійское правительство крутыми распоряженіями спасало жителей отъ повторенія фарсовъ и отъ заразы полонизмомъ, для подпольной дѣятельности котораго, зодчіе *великаго будованія*, добыли таки отъ прусскаго правительства разрѣшеніе самыхъ благовидныхъ и благонамѣренныхъ польскихъ учрежденій. Магнаты и паны старались имѣть обширныя связи (обширне звіонзки) съ австрійскими властями затаивая польско - патріотическія мечты. Также глубоко затаивались онѣ и въ средѣ польскаго духовенства, не смотря на оживленіе ихъ путями римской духовной іерархіи, съ тѣхъ поръ какъ въ 1798 г. высшее духовенство въ Пруссіи съ гнезненскимъ архибискупомъ во главѣ, съ появленіемъ *Чарторыйскихъ* въ Пулавахъ, примкнуло къ *земному будованію*. Польское духовенство хотѣло было прикрыть свои козни для возбужденія простолюдиновъ въ Галиціи религіознымъ покровомъ, провозглашая Божію Матерь—*Королевою Польскою;* но австрійскимъ правительствомъ было издано „*строгое запрещеніе называть Пресвятую Дѣву—польскою*

---

[1]) Т. II. р 248.

[2]) По правиламъ *великаго будованія* ревнители польской справы обязаны были возбуждать правительства противъ мѣстныхъ ими учреждаемыхъ администрацій, указывая, что ихъ озлобленіе и алчность служили къ разрушенію влеченій преданности поляковъ къ трону. *Кожмянъ* при этомъ случаѣ увлекся до того, что даже отзывался безъ обычныхъ польскихъ прилагательныхъ (la grande impératrice) объ императрицѣ Екатеринѣ.

[3]) Онъ назвалъ его *Рациборскимъ* [4]) р. 242.

королевою съ угрозою кары тѣмъ, кто будетъ ей въ этомъ (pod tem godłem) *смысль приносить молитвы* [1])"

Во время австрійской кампаніи 1805 года Галиція осталась совершенно спокойною.

Положеніе дѣлъ измѣнилось съ появленіемъ въ 1806 году герцогства Варшавскаго; тогда подпольная дѣятельность въ герцогствѣ уже сдѣлалась явною, и австрійская администрація не могла задержать напора проповѣдей полонизма извнѣ, при которомъ ободрились и *затаившіеся мѣстные польскіе патріоты*. Въ 1809 году снова возгорѣлась война между Франціею и Австріею; въ ея предѣлы вступили польскія войска подъ начальствомъ князя *Понятовскаго*; а въ восточную Галицію вступили русскіе, какъ союзники Наполеона. Польскія войска были радостно встрѣчены; польскія дамы съ балконовъ и оконъ махали платками, бросали букетами [2]), магнаты для усиленія войскъ набирали и выставляли на свой счетъ полки, роты, эскадроны [3]); чиновники, поляки, (за немногими исключеніями) сообщали о всѣхъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ австрійскихъ войскъ, даже хватали австрійскіе разъѣзды и препровождали ихъ въ войска *Понятовскаго* какъ плѣнниковъ. По мѣрѣ очищенія страны австрійцами, поляки учреждали свое временное правительство первоначально въ Климонтовичахъ, имѣніи графа Игнатія *Потоцкаго* [4]), а потомъ перенесли его во Львовъ и подчинили центральному правительству въ Варшавѣ. Скоро произошелъ разладъ.

Первымъ къ тому поводомъ было то, что *Понятовскій* потребовалъ изъ Варшавы интенданта для устройства продовольствія вступившимъ русскимъ войскамъ. Назначенъ былъ *Рембаминскій*, который, прибывъ въ Люблинъ, занялъ самый обширный домъ на площади, устроился со всѣми для себя удобствами, велѣлъ городу себѣ выплачивать по 10 червонцевъ въ сутки, началъ распоряжаться съ неограниченною властью и постоянно давалъ чувствовать притязанія герцогства Варшав-

---

[1]) Koźmian T. II p. 262.
[2]) Koźmian T. I p. [3]) T. II p. 10.
[4]) Такъ Константинъ *Чарторыйскій*, меньшой сынъ князя Адама Казиміра, и его двоюродный братъ *Замойскій* выставили каждый по одному полку; *Малаховскій* и *Подгородецкій* снарядили по эскадрону.

скаго на господствованіе (претензіи ксенства Варшавскіего до приможенитуры, до старшенства и до высшосци надпровинціон Галиційскон) [1]). Оставшіеся чиновники-нѣмцы бѣжали.

За тѣмъ явились новыя причины къ неудовольствію. Предсѣдателемъ управленія въ Галицію былъ назначенъ графъ *Замойскій*, племянникъ князя *Чарторыйскаго*. Въ управленіи засѣдали два нѣкогда бывшіе адвоката *Гржимайло* и *Венленскій*, котораго братъ былъ въ Варшавѣ министромъ. *Гржимайло*, хотя былъ креатура *Чарторыйскаго*, но во время составленія въ 1796 г. краковскаго *акта возстанія*, ласкаемый и превозносимый графомъ *Дзялынскимъ*, послѣ первенствующей роли, которую ему тогда, въ опасное время было дозволено разыгрывать въ подпольномъ мірѣ *великаго будованія*, теперь вовсе не былъ доволенъ второстепенною ролью. *Гржимайло* не хотѣлъ понять что магнаты, какъ развѣнчанные претенденты, питали польскую справу. А потому графъ *Замойскій* и былъ поставленъ въ главѣ правительства Познани, а графы Игнатій *Потоцкій* и *Матусевичъ* были отправлены депутатами къ Наполеону; а онъ, бывшій адвокатъ, хотя и польскій патріотъ вовсе не принадлежалъ къ той породѣ, которая одна давала право занимать въ Польшѣ бывшія должности. Впрочемъ и самъ *Гржимайло* „занимался болѣе пирами и праздниками, чѣмъ дѣломъ; онъ искалъ популярности, и за тѣмъ съ *Венленскимъ* отправился въ Варшаву, гдѣ они выдавали себя за *делегатовъ* или уполномоченныхъ отъ галиційскихъ обывателей“, какъ пишетъ *Кожмянъ* [2]). „Братъ *Венленскаго*, пишетъ онъ далѣе, какъ министръ, имѣлъ доступъ до государственнаго совѣта въ Варшавѣ, коего предсѣдателемъ былъ графъ Станиславъ *Потоцкій*, который по женѣ не былъ пріятелемъ *Замойскому*, почему былъ пріятелемъ *Сташицу*, врагу *Замойскаго*, и начатая интрига пошла легко и успѣшно,“ (интрига ктурон укнули латво и спѣшне имъ се поводла). Такъ по старому порядку Рѣчи Посполитой пошли дѣла въ возстановленномъ герцогствѣ Варшавскомъ.

По умиротвореніи Европы въ 1815 году, Австрія, возвративъ Галицію, энергически приступила не только къ возобновленію введенныхъ ею прежде порядковъ, но по этому пути пошла далѣе. Временное властвованіе Россіи въ Тарнополь-

[1]) Т. II р. 8.
[2]) Т. р. 22. [3]) р. 45.

ской области указало австрійскому правительству на одно новое обстоятельство, которое князь Меттернихъ не оставилъ безъ вниманія. Когда граница между Подоліею и Галиціею стала свободна, то много жителей, особенно женщинъ, вопреки вѣковыхъ ученій объ уніи и о Римѣ, видя въ Кіевѣ русскія святыни, направлялись туда на богомолье, и ужъ не довольствовались пограничною Почаевскою лаврою. Австрійское правительство хотѣло галицкою уніатскою митрополіею ослабить въ народныхъ понятіяхъ значеніе митрополіи кіевской." Въ 1817 году, не смотря на всѣ доводы и противудѣйствія мѣстнаго латинскаго духовенства, греко-уніатскій митрополитъ былъ учрежденъ въ Галиціи и императоръ Францъ I прослушалъ цѣлую божественную службу въ уніатскомъ соборѣ во Львовѣ. Восторгъ русскихъ галичанъ былъ неописанный, замѣчаетъ авторъ „Воспоминаній", когда, послѣ 500 лѣтъ, они снова увидѣли государя въ стѣнахъ русскаго храма своего, присутствовавшаго при богослуженіи, которое для р. католиковъ служило предметомъ издѣваній и презрѣнія.

Послѣ всѣхъ выходокъ полонизма, въ смутное время наполеоновскихъ войнъ, австрійское правительство всего настойчивѣе заботилось, чтобы явно обнаружившемуся враждебному шляхетскому элементу противупоставить другой, болѣе надежный— элементъ сельскаго населенія.

Князь *Меттернихъ* предвидѣлъ послѣдствія возстановленія Царства Польскаго и возстановленія польской національности. На вѣнскомъ конгрессѣ, противудѣйствуя *Чарторыйскому*, онъ старался отговорить отъ подобныхъ мѣръ императора Александра Павловича; но польскій патріотъ одержалъ верхъ надъ австрійскимъ дипломатомъ. Когда полонизмъ, поддерживаемый властью и закономъ, быстро воспрянулъ въ Царствѣ Польскомъ, которое стало очагомъ крамольной дѣятельности, въ то время *Меттернихъ* сильнѣе, заботливѣе и настойчивѣе сталъ выживать польскую національность изъ Галиціи.

По возстановленіи общаго мира въ Европѣ, первымъ губернаторомъ, назначеннымъ въ Галицію, былъ баронъ *Гауэръ*, съ рѣшительностью взявшійся за мѣстныя дѣла; но существеннымъ дѣятелемъ былъ назначенный земскимъ президентомъ (Landes-President) баронъ *Кригъ*. Мѣнялись губернаторы; но баронъ *Кригъ* около 30 лѣтъ оставался на своемъ мѣстѣ и былъ довѣреннымъ сотрудникомъ всѣхъ, послѣдовательно назначае-

мыхъ губернаторовъ и въ князѣ *Меттернихѣ* находятъ неизмѣннаго покровителя и опору.

Баронъ *Кригъ* неуклонно проводилъ одну и туже мысль — раздѣлять изъ населенія слои, доступные крамолѣ, и ослаблять ихъ; онъ далъ то направленіе теченію дѣлъ, которое оказало положительное свое вліяніе на послѣдовавшія событія. Доселѣ австрійское правительство смотрѣло на населеніе Галиціи сквозь польскія очки. Баронъ *Кригъ* самъ началъ изучать населеніе.

Австрійское правительство, лаская магнатовъ и возвышая нравственныя силы простолюдиновъ, для противодѣйствія развитію вліянія полонизма изъ сосѣдняго царства, пользовалось тѣмъ, что высшее дворянство воспитывалось на французскомъ языкѣ, и водворило нѣмецкій языкъ, какъ языкъ преподаванія въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; польскому языку учили, какъ языку иностранному. Въ Галиціи началось положительное онѣмеченіе вліятельныхъ классовъ особенно въ томъ слоѣ, которое считало себя туземнымъ и ополячившимся подъ польскимъ правительствомъ. Правительственныя мѣры содѣйствовали этому онѣмеченію въ томъ отношеніи, что баронъ *Кригъ*, во время своего тридцатилѣтняго управленія близко изучивъ связи и вѣтви панскихъ домовъ, зорко слѣдилъ за домашнимъ бытомъ, и на государственной службѣ подвигались только тѣ, которые дѣйствительно изгоняли полонизмъ вмѣстѣ съ языкомъ отъ домашняго очага. *Полякъ не могъ подняться выше капитанскаго чина, служа въ войскахъ.* Религія не служила оттѣнкомъ отъ австрійцевъ и всѣ, безъ заднихъ мыслей дѣйствительно переходившіе въ лагерь новаго отечества, не только въ своихъ фамиліяхъ стали выкидывать шипящія буквы; но даже *Замойскіе* обращались въ Zollich'овъ. Несмотря ни на какія усилія сторонниковъ полонизма удержать польскія географическія названія, австрійское правительство съ назойливою настойчивостью водворило нѣмецкія названія въ языкѣ офиціяльномъ, а въ восточной Галиціи народъ и понынѣ не называетъ мѣстностей иначе, какъ старыми именами. Поляки много бы дали за то, чтобы въ названіи главнаго города Львова (Lemberg), пригодная для стремленія полонизма гибкость русскаго языка допустила бы хоть одну шипящую букву [1]).

---

[1]) Изъ замѣтокъ, полученныхъ изъ Австріи.

Баронъ *Кригъ* относительно сословій систематически возвышалъ крестьянина для ослабленія шляхетства, и русское населеніе предпочиталъ польскому для ослабленія полонизма. Отрывъ остатки давней русинской народности, онъ сталъ ее усиливать; по словамъ автора „Воспоминаній," она должна была для Австріи, неимѣющей собственной преобладающей національности, навсегда сохранить Галицію отъ всякихъ русскихъ и польскихъ притязаній. Для этой цѣли *Кригъ* хотѣлъ искусственно создавать особую *галицко-русскую* національность, онъ сталъ особенно заботиться о развитіи въ русскомъ племени врожденной смышлености, помощью образованія и созданія особаго галицко-русскаго письменнаго языка. „Всѣ усилія барона *Крига*, пишетъ авторъ „Воспоминаній," разбились однако объ упорную оппозицію дворянства, отстоявшаго за польскимъ языкомъ исключительное право быть языкомъ для преподаванія. Только въ 1844 году измѣнились обстоятельства, когда извѣстный *Куземскій* взялъ дѣло въ свои руки. Онъ наэлектризовалъ консисторію, и достигъ наконецъ того, что убѣдилъ и всѣ власти. Послѣ многовѣковаго изгнанія, языкъ населенія былъ введенъ и въ его школы. Такъ возникла галицко-русская грамотность, благодаря ревности *Куземскаго* и горячему участію барона *Крига*. *Кригъ*, въ истинныхъ интересахъ Галиціи, какъ австрійской области, такъ и въ интересахъ австрійскаго монарха, оказалъ величайшія заслуги династіи, постоянно и во всякихъ обстоятельствахъ давая предпочтеніе крестьянину и русскому предъ шляхтичемъ и полякомъ 1).

„Австрійское правительство доселѣ мало заботилось о мѣстномъ языкѣ и держало его на заднемъ планѣ, болѣе по невѣдѣнію, нежели по системѣ. Подобное положеніе дѣла привело бы окончательно къ тому, что галицкіе русскіе кинулись бы въ объятія великоруссовъ. Чѣмъ болѣе они находили преградъ въ своихъ стремленіяхъ въ обработкѣ своего роднаго языка, тѣмъ болѣе въ нихъ созрѣвала мысль, что лучше имъ вовсе отказаться отъ своихъ усилій, и вмѣсто того, чтобы разработывать свой языкъ до литературнаго совершенства новаго языка, лучше обратиться къ родственному

1) Baron Krieg wirkte überall im wahren Interesse des Landes, wie des Monarchen, in dem er den Bauern und die Ruthenen, dem Adel und Polen bei jeder Gelegenheit vorzog. p. 21.

великорусскому. Бури 1848 года привели къ равноправности національностей, и русскіе галичане принялись за работу съ цѣлью грамматически и ороографически упрочить свой языкъ какъ самостоятельный, и къ обособленію его, какъ отъ польскаго, такъ равно и отъ великорусскаго.

„Въ 1819 году явилась первая галицко-русская азбука въ печати. Въ тридцатыхъ годахъ при польскомъ вліяніи, одинъ туземный литераторъ явился съ предложеніемъ принять польскую ороографію; но оно было точно также отринуто, какъ знаменитое нападеніе (der famose Angriff) министерства *Туна* на русскія письмена (1). Кто хотя нѣсколько знакомъ съ славянскими языками, тотъ не можетъ не поздравить галичанъ съ сохраненіемъ *кириллицы*, которая одна соотвѣтствуетъ словянскимъ звукамъ чеховъ, словаковъ, поляковъ, словенцевъ, кроатовъ.....“

„Въ тридцатыхъ годахъ, когда нѣкоторые галицко-русскіе литераторы выказали разнообразную дѣятельность въ своей литературѣ, тогда это обстоятельство возбудило вниманіе поляковъ, и изъ числа ихъ нѣсколько человѣкъ бросились сочинять и собирать народныя галицко-русскія стихотворенія съ цѣлью поглотить усилія туземцевъ писателей (2); но неудача постигла и эти попытки. „Пока стоитъ свѣтъ, русскій не будетъ братомъ поляка,“ говоритъ пословица, и событія 1846 и 1848 года доказали, что русскіе галичане постепенно все болѣе привязывались къ австрійской монархіи и австрійской династіи“ (3).

При переустройствѣ Галиціи, барону *Кригу* предстояли большія затрудненія для образованія мѣстной администраціи, соотвѣтствующей цѣли. Австрійское правительство въ этомъ отношеніи силою обстоятельствъ далеко не поставило себя въ такія выгодныя условія, въ какія стала Пруссія. При пестротѣ національностей въ Австрійской имперіи, она пріобрѣтала еще новую—въ области, которая была отдѣлена отъ кореннаго нѣмецкаго населенія; а въ то же время въ Пруссіи,

---

(1) Для введенія даже въ церковныя книги.

(2) Die p. Rev. p. 22.

(3) Wacław z Oleska: „Pieśni polskie i russkie ludu Galicyjskiego“ we Lwowie 1833; Z. Paula: „Pieśni ludu russkiego w Galicyi. Lwow, 1840.

округлившейся последнимъ раздѣломъ, нѣмцы охватывали польскія земли и тотчасъ устремлялись поверхъ павшихъ границъ Рѣчи Посполитой. Австрія, лишенная преобладающаго населенія, долго не отказывалась отъ надежды притянуть къ себѣ польскія влiятельныя сословія кротостью и милостями, а потому избѣгала мѣръ, на которыя поляки могли бы отвѣчать громкими воплями. Поляки въ Галиціи долго молчали о правахъ, данныхъ крестьянамъ, объ устройствѣ униатскаго духовенства, потому что ихъ жалобы изобличали бы, что ихъ возгласы о либерализмѣ, прогрессѣ, правосудіи были только одними громкими фразами. Австрійское правительство обходило вопросъ землевладѣнія; потому сплошная масса вліятельнаго сословія пановъ оставалась спокойною, и администрація вербовалась изъ туземцевъ. Послѣ 1815 г. правительство старалось влить новую жизненную струю въ чиновничество Галиціи назначеніемъ нѣсколькихъ личностей изъ другихъ областей; но оно не могло прійдти къ тѣмъ результатамъ, какихъ достигала Пруссія. Тамъ во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ правительство не только водворяло германскій элементъ широкими льготами, но оно заботилось и о его зажиточности. Кромѣ того, помимо большаго содержанія, которымъ, со временъ Фридриха Великаго, отличалась Пруссія, въ числѣ прусскихъ служащихъ было и множество людей съ собственнымъ состояніемъ. Различіе въ матеріальныхъ средствахъ отражалось въ невыгодную сторону, при сравненіи съ австрійскою администраціею. Неимущіе служащіе нѣмцы, прибывшіе на службу въ Галицію, встрѣчали тамъ взяточничество, веденное на широкую руку, и чиновники *на низшихъ* должностяхъ поддавались искушеніямъ панской щедрости, въ то время какъ въ Пруссіи домашняя семейная нужда служащихъ не стучалась въ дверь, не вела къ нравственному паденію. Въ Познани прусское общество ярко высказывало свой нравственный перевѣсъ надъ польскимъ.

Деморализація проникала въ среду нѣмцевъ, прибывающихъ въ Галицію; подобное положеніе дѣлъ потворствовало всѣмъ шляхетскимъ домогательствамъ и вредило правительству въ глазахъ населенія, которое терпѣло отъ разнообразной, ему причиняемой кривды. *Гауэръ и Кригъ* подали себѣ руку и принялись энергически за очищеніе администраціи. Въ ихъ рукахъ было одно средство — притянуть на службу въ Галицію

людей образованныхъ и создать изъ нихъ новую служащую среду, съ другимъ настроеніемъ, другаго закала. Баронъ *Кригъ* неутомимо разыскивалъ и привлекалъ въ край людей достойныхъ, отдѣлывался отъ особенно рекомендуемыхъ польскими магнатами, покровительствуемыхъ въ Вѣнѣ, и безъ всякаго милосердія и сожалѣнія изгонялъ взяточниковъ. „Эти недостойные слуги государства, пишетъ авторъ „Воспоминаній," въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ, занимавшихъ высшія должности, были удалены способами равнозначущими тяжкому наказанію." Призываніями и привлеченіями служащихъ изъ другихъ областей, въ особенности изъ развитой Богеміи (aus dem intelligenten Böhmen), составъ служащихъ очистился (die Beamtenschaft war purificirt), образовался новый составъ вполнѣ надежный, который могъ имѣть уже вліяніе и на высшія австрійскія сферы, что подняло его духъ, содѣйствовало преуспѣянію самаго дѣла и австрійскіе чиновники съ каждымъ годомъ становились болѣе ревнивы (eifersüchtich) къ своей чести и своему значенію; но съ образованными служащими усилился антагонизмъ между администраціею и поляками. 1831 годъ далъ благія послѣдствія настроенія администраціи къ справедливости и правдѣ тою преданностью населенія Галиціи къ правительству, которая еще разительнѣе выказалась во время слѣдующихъ мятежей. Но достоинство австрійской администраціи было создано *Кригомъ* и держалось его личными заботами; администрація не имѣла прочнаго корня. Въ 1848 году выбылъ *Кригъ*, настали новыя обстоятельства для Австріи и полонизмъ, пользуясь ими, вошелъ спустя нѣсколько лѣтъ въ свою прежнюю силу.

Въ 1830 году сбылось то, что въ 1815 году предвидѣлъ князь *Меттернихъ* на вѣнскомъ конгрессѣ, когда поляки предъ русскимъ правительствомъ іеремiадами воспѣвали свои несчастія и страданія временъ раздѣловъ Польши.

Мятежъ въ 1830 году вспыхнулъ въ Варшавѣ и шляхетство въ Галиціи встрепенулось. Австрійское правительство придвинуло войска, приняло самыя энергическія мѣры, дабы не дать разлиться мятежу далѣе, но скоро совершенно успокоилось, увидѣвъ грозное положеніе, принятое крестянами противъ готовимой крамолы. Лишь только вѣнскій кабинетъ убѣдился, что мятежъ въ Польшѣ не вовлечетъ Европу въ войну, то онъ уже видѣлъ и исходъ начатой борьбы. Австрія перемѣ-

ила тактику, не уклоняясь отъ своей давней цѣли постепеннаго уничтоженія силы и значенія шляхетскаго элемента, а сегда недальновидные паны тотчасъ попали въ западню.

Поляки ясно видѣли, что австрійское правительство стало мотрѣть сквозь пальцы на всѣ польскія снаряженія, и они риписали наружныя формы австрійскаго надзора вдоль границы дипломатическимъ хитростямъ противъ Россіи; изъ этого ключали, что дипломатическое искусство князя *Чарторыйскаю* увѣнчивается, и что Австрія не замедлитъ принять вооруженное участіе въ польской справѣ. Австрійцы съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли, какъ исчезавшіе изъ Галиціи оляки собирались въ рядахъ польской арміи, какъ Галиція чищалась отъ польско-патріотическихъ головъ.

Польская молодежь Галиціи спѣшила стать подъ польскія знамена, пишетъ авторъ „Воспоминаній", а поляки, оставав шіеся дома, были не менѣе дѣятельны къ поддержанію мятежа денежными сборами, закупкою лошадей, пороха, свинца, оружія, которые жиды тайно препровождали чрезъ границу; женщины готовили корпію, и своими презрительными насмѣшками преслѣдовали неувлекавшихся. Австрійское правительство учредило бдительный надзоръ за всею польскою границею, и служащіе исполняли строгія инструкціи съ тою ревностью и усердіемъ, которыми они въ то время отличались. Предъ многочисленными корчмами, которыя для разоренія населенія (zur Ruin des Bauers) паны сдавали въ аренду жидамъ, собирались большія нежели въ обычное время толпы крестьянъ и обсуживали современныя обстоятельства. Служащіе могли тогда ближе всмотрѣться въ воззрѣнія, вѣрованія, чувства и намѣренія крестьянскаго сословія. Австрійскіе чиновники, изъ недавно прибывшихъ въ страну, думали, что они попали въ среду мятежниковъ и каждаго крестьянина почитали достойнымъ быть отправленнымъ въ Шпильбергское или Куфштейнское заточеніе; но скоро разубѣждались, и иногда комическимъ образомъ. По всей Галиціи выяснялись вкоренившіяся въ крестьянинѣ нерасположеніе къ поляку-пану и ненависть ко всему, что только напоминало польское владычество и польскую національность. Еще много было стариковъ, которые живо помнили время за 60 лѣтъ бывшаго польскаго господства, страданія и свои собственныя и своихъ отцовъ, и — на крестьянскихъ сборищахъ послышались угрозы, которымъ чрезъ

15 лѣтъ суждено было осуществиться (1). Австрійскіе чиновники отъ своихъ вышепоставленныхъ скоро получили, подъ сурдинкою, намеки, чтобы они не принимали горячо къ сердцу дѣла объ охраненіи границы и не портили бы его излишнимъ усердіемъ (2). Одинъ молодой окружной начальникъ захватилъ двухъ паничей, своихъ львовскихъ хорошихъ пріятелей, пробиравшихся къ Вислѣ. Напрасно молили они его о пощадѣ, призывая всѣхъ святыхъ и во имя героинь ихъ общихъ закулисныхъ похожденій львовскаго театра. Служащій остался непоколебимъ и съ самодовольнымъ чувствомъ исполненнаго долга предсталъ предъ вслѣдъ за тѣмъ прибывшимъ начальникомъ. Велико было его разочарованіе, когда между четырехъ глазъ, онъ получилъ отъ своего старшаго вмѣсто похвалы головомойку... Паничамъ намекнули, что ночнымъ бѣгствомъ они могутъ избавиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Утромъ крестьянская изба, въ которой они были арестованы, оказалась пустою (3)...

„Въ Галиціи всѣ польскіе патріоты рѣшили поддерживать возстаніе всѣми своими силами; но разладъ въ Варшавѣ отражался и на Галиціи, смотря по получаемымъ вѣстямъ. Тутъ осуждали *Хлопицкаго*, тамъ бранили *Скржинецкаго*, одни превозносили *Чарторыйскаго* и въ немъ видѣли спасителя, другіе *Лелевеля*, историка и демократа, а потомъ поочередно проклинали то одного, то другаго. Сегодня ругали измѣнниками и шпіонами аристократовъ, а на другой день демократовъ; то тѣхъ, которые вели польскую дипломатію, то тѣхъ, которые требовали продолженія войны.“

Когда, послѣ ряда неудачь, штурмъ Варшавы привелъ мятежъ къ окончательной гибели, тогда бѣглецы являлись въ Галицію толпами, въ плачевномъ положеніи и искали въ ней убѣжища. Ихъ видъ возбуждалъ всеобщее соболѣзнованіе, какъ между ихъ единоплеменниками, такъ и въ средѣ австрійцевъ.

Австрійское правительство во время всего мятежа вполнѣ убѣдилось, что его система дѣйствій увѣнчалась успѣхомъ, что населеніе окрѣпло въ своемъ настроеніи, преданности къ правительству, и что его сила пріобрѣла такой перевѣсъ надъ крамольнымъ настроеніемъ пановъ, что австрійской власти

(1) Die poln. Rev. p. 4. (2) p. 8. (3) Die poln. Rev. p. 8.

нечего было опасаться въ будущемъ. Заботы правительства твердо за нимъ закрѣпили массу народа, и оно безбоязненно дозволило многимъ выходцамъ остаться въ Галиціи. Иные купили имѣнія и стали помѣщиками, а другіе арендаторами, учителями, наставниками, художниками. Многіе вовсе безъ занятій проживали у своихъ друзей или родныхъ. Австрійское правительство дорого поплатилось за то, что считая себя достаточно уже сильнымъ, подъ вліяніемъ человѣколюбивыхъ влеченій, сдѣлало уступку полонизму. Какъ отплатили ему поляки за дарованное убѣжище? „Они образовали, пишетъ авторъ „Воспоминаній,“—горючій матеріалъ для будущаго. Разсѣянные по всей странѣ, по городамъ и по усадьбамъ, они составили сѣть заговорщиковъ, которую эмиграція раскинула по цѣлой Галиціи“ 1).

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ДРЕВНИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВАХЪ ГОРОДА ВИЛЬНЫ.

Въ 1569 году, т. е. въ годъ прибытія въ сѣверо-западную Россію іезуитовъ, у православныхъ въ Вильнѣ была 21 церковь, онѣ же приходскія, три придѣла и три монастыря, у римско-католиковъ же одинъ костелъ соборный, шесть монастырей, семь монастырскихъ костеловъ и, что весьма замѣчательно, одинъ приходскій костелъ—св. Іоанна. Число р. католиковъ въ это время было крайне незначительно, такъ что въ 1536 году ксендзъ Іоаннъ Богемскій писалъ, что „въ литвѣ русскіе всѣ, а изъ литовцевъ большая часть исповѣдывали православную вѣру, остальные же (литовцы) язычники.“ 2) Даже и въ 1578 году польскій писатель Александръ Гвагнинъ свидѣтельствовалъ, что „хотя нѣкоторые изъ русскихъ дворянъ, подданныхъ польскаго короля, исповѣдывали лютеранскую и кальвинскую вѣру, но все народонаселеніе и большинство магнатовъ и дворянъ твердо держались своей древле-православной вѣры.“ 3) Между тѣмъ, спустя 50 лѣтъ,

---

1) Die poln. Rev. p. 13.

2) Mores, leges et ritus ominum gentium, 2-е изданіе. Фрибургъ (въ вел. кн. Баденскомъ.

3) Sarmatiae Europeae descriptio, въ соч. RespublicaMoscoviae et urbes Лейденъ 1580.

т. е. въ 1609 году православныхъ церквей въ Вильнѣ было только 12, 1) а въ 1799 году церковь Благовѣщенская оставалась при православныхъ, а Троицкая и Никольская при уніатахъ, остальныя же изъ древнихъ или обращены въ жилые дома, или же отъ нихъ остались только голыя стѣны. Исторія виленскихъ православныхъ церквей нынѣ достаточно разработана, а только церкви св. Анны, Варвары, Петра, Крестовоздвиженская и монастырь Вознесенскій извѣстны по одному названію.

Описаніемъ виленскихъ церквей успѣшно занимались архимандритъ Троицкаго монастыря Арсеній Хрулькевичъ, профессоръ бывшаго виленскаго университета Михаилъ Гомолицкій, Өеодоръ Нарбутъ и священникъ Антоній Пщолко. Хрулькевичемъ была приготовлена къ печати громадная рукопись свѣдѣній о введеніи христіанства въ сѣверо-западномъ краѣ, но, къ несчастью, авторъ, вскорѣ послѣ ея составленія, скончался и рукопись пропала. Михаилъ Гомолицкій вполнѣ былъ знакомъ съ названною пропавшею рукописью еще при жизни автора, и потому напечатанныя имъ въ польскомъ журналѣ „Wizerunki", редактированномъ извѣстнымъ ксендзомъ И. Шидловскимъ, свѣдѣнія о здѣшнихъ церквахъ надо считать на столько же принадлежащими ему (Гомолицкому), сколько и Хрулькевичу. У отца Антонія Пщолко не мало находится свѣдѣній по нашему вопросу въ „Русской Вильнѣ" и въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ при разныхъ церковныхъ праздникахъ. Нарбутъ, наконецъ, много пишетъ о нашемъ предметѣ въ „Исторіи литовскаго народа." Мы намѣрены поговорить о церквахъ, извѣстныхъ доселѣ по одному только названію.

ЦЕРКОВЬ СВ. АННЫ.

Въ бывшемъ бернардинскомъ огородѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нынѣшняго костела св. Франциска и Бернардина и костела св. Анны, находилась православная каменная церковь св. Анны. Нынѣ послѣ нея осталась значительная часть стѣнъ, въ которыхъ устроенъ бернардинами жилой домъ. Кѣмъ и когда церковь основана—неизвѣстно; но остатки стѣнъ свидѣтельствуютъ о ея глубокой древности. Объ ней упоминается въ описаніяхъ осады Вильны въ 1394 году; 2) значитъ она существовала прежде 1386 года, т. е.

1) Актъ передачи виленскихъ прав. церквей уніатскому митр. Поцѣю отъ 11 августа 1609 года. Подлинникъ писанъ порусски.—Wizerunki.

2) Нарбутъ.

прежде, чѣмъ Ягайло перешелъ въ латинство, такъ какъ послѣ этого года онъ, конечно, не позволилъ бы построить православную церковь въ чертѣ замка, ибо та мѣстность, гдѣ была церковь, до начала XV вѣка, находилась въ чертѣ нижняго замка. Послѣ 1469 года, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви св. Анны, построенъ польскимъ королемъ, Казиміромъ IV (Ягайловичемъ), запретившимъ, по наущенію своего сына, св. Казиміра, строить новыя и возобновлять старыя православныя церкви, 1) костелъ св. Франциска и Бернардина и монастырь для бернардиновъ которые, согласно своему призванію, сейчасъ же и начали разными эффектными обрядами и процессіями завлекать православныхъ въ свой костелъ и, наоборотъ, отвлекать ихъ отъ хожденія въ церковь. Даже старались было совратить въ латинство и самую великую княгиню литовскую Елену Іоанновну, не стѣсняясь нисколько предосудительностью средствъ, за что нерѣдко и жаловался на нихъ своему зятю, великому князю литовскому Александру Іоаннъ Васильевичъ III. 2) Но такъ какъ бернардинскія мѣры оказались безуспѣшны и церковь св. Анны выдержала невредимо всѣ ухищренія пропаганды, то папа Александръ VI, въ 1501 году, опредѣлилъ построить въ Вильнѣ и костелъ св. Анны. Достовѣрно извѣстно, что до 1501 года, костела св. Анны не было въ Вильнѣ; 3) а только послѣ названнаго года Анненскій костелъ (нынѣ существующій) впервые построенъ въ семъ городѣ, рядомъ съ православною церковью того же названія, сперва изъ дерева, а потомъ, по совѣту іезуитовъ, изъ камня, на средства короля Сигизмунда Августа; костелъ этотъ оконченъ передъ 1581 годомъ съ замѣчательнымъ великолѣпіемъ, въ готическомъ стилѣ. 4) Въ этомъ (1581) году, состоялось освященіе новаго костела и введено костельное братство: въ праздникѣ участвовали даже и епископы, въ томъ числѣ и величайшій врагъ православія—львовскій епископъ Соликовскій, учредитель сего братства. Согласно своему происхожденію, братчики св. Анны носили на шеѣ медали золотыя или серебрянныя, съ ношеніемъ которыхъ сопряжено прощеніе грѣховъ. 5) Кромѣ того, точно также рядомъ съ тою же церковью построенъ іезуитами и жилой

---

1) Breviarium romanum—Молитвенникъ ксендзовъ.
2) Нарбутъ.—кс. Пржіялговскій.
3) М. Балинскій.—Крашевскій,—гр. Ев. Тышкевичъ.
4) Тѣже.
5) Societas s. Annoe, Краковъ 1590 г. А. Киркоръ—Przechadzki po Wilnie.

домъ. 1) Такимъ образомъ, около 1581 года православная церковь св Анны была окружена, со стороны города, іезуитскимъ домомъ, костеломъ св. Анны, костеломъ св. Франциска и Бернардина и бернардинскимъ монастыремъ; съ противной же стороны, рѣкою Вилейкой и высокой непроходимой горою, такъ-называемой *Лысой*. Спрашивается: могла ли она существовать дольше, находясь въ такомъ сосѣдствѣ, при такой обстановкѣ?

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Домъ умалишенныхъ, находящійся между дворцомъ виленскихъ генералъ-губернаторовъ, р.-католическимъ соборомъ и игнатьевскими казармами въ Вильнѣ, и есть бывшая православная церковь Крестовоздвиженская. Она была каменная 2) и основана, если не далеко прежде, то уже ни какъ не позже, какъ въ концѣ XV вѣка, именно при Еленѣ Іоанновнѣ, заступницѣ православія въ Литвѣ. Чтобы подавить крестовоздвиженскую церковь, епископъ и виленскій капитулъ, въ соборномъ костелѣ, на мѣсто главнаго алтаря св. Станислава, поставили новый въ честь Воздвиженія Честнаго Креста и выхлопотали отъ папы Александра VI отпущеніе грѣховъ за молитву передъ симъ алтаремъ. Это было 13 мая 1501 года, а 11 сентября того же года опять присланы изъ Рима въ Вильну мощи святыхъ, по преимуществу тѣхъ, во имя коихъ тогда въ семъ городѣ процвѣтали православныя церкви, какъ: мощи Параскевы, Варвары, Николая, Космы и Даміяна, и что главное въ нашемъ вопросѣ—частичка Креста Господня. 3)

Такъ какъ частичка Креста Христова не привлекла народа въ костелъ болѣе прежняго и онъ постарому не переставалъ посѣщать Крестовоздвиженскую церковь, то виленскій капитулъ, въ 1503 г., счелъ нужнымъ ввести многіе новыя обряды, болѣе эффектные, касающіеся чествованія частички 4), которые, замѣчательно, въ первой половинѣ слѣдующаго XVII вѣка совершенно были оставлены ксендзами 5), потому что въ это время Крестовоздвиженская православная церковь уже не существовала. Кромѣ того, въ 1542 году, построенъ при р. католическомъ соборѣ придѣлъ Крестовоздви-

1) Нарбутъ.—Крашевскій.
2) Іезуитъ Свѣнцицкій, Theatrum s. Cazimiri, Вильна 1604 г.—Wizerunki.
3) Копія Буллы Reliquiarum въ актахъ виленскаго капитула.
4) Акты виленскаго р. католич. капитула отъ 30 мая 1503 г.
5) Тамъ же отъ 6 октября 1649 г.

женскій 1), (нынѣ обращенный въ складъ костельныхъ вещей) а черезъ годъ—и особо часовня возлѣ самой православной Крестовоздвиженской церкви. Вотъ какъ это было. Въ началѣ XVI вѣка виленскіе р. католическіе епископы начали жить въ своемъ дворцѣ, находившемся тамъ, гдѣ нынѣ дворецъ генералъ-губернаторовъ, при которомъ находился и садъ, простиравшійся до самой Крестовоздвиженской церкви. Епископъ Павелъ Ольшанскій, въ 1543 году, построилъ въ своемъ саду, насупротивъ церкви, часовню въ честь Воздвиженія Креста. Часовня была деревянная и существовала долго, упразднилась въ XVII вѣкѣ. 2) Въ 1574 г., одинъ изъ іезуитовъ былъ проповѣдникомъ, а другіе два духовниками въ виленскомъ соборномъ костелѣ, которые и присвоили себѣ православную церковь и при ней поселились, подъ предлогомъ, что имъ негдѣ жить. 3) Между тѣмъ, въ 1622 году, епископъ Евстафій Воловичъ началъ строить, оттуда въ нѣсколькихъ шагахъ, костелъ Игнатія Лойолы и монастырь для іезуитовъ, которые, съ своей стороны, костелъ Крестовоздвиженскій (бывшая церковь) въ 1635 году передали братчикамъ бонифратрамъ, которые въ стѣнахъ ея устроили домъ умалишенныхъ, а на ея мѣсто воздвигли костелъ новый, совершенно сходный съ прежде существовавшимъ и рядомъ съ нимъ. 4)

Это сдѣлано бонифратрами для окончательнаго упраздненія православной церкви; тѣмъ болѣе, что не только по конституціямъ 1609 и 1627 годовъ, но что главное—по конституціи того же 1635 г., святыни и фундуши православныхъ должны принадлежать православнымъ; значитъ не передѣлали бы ее въ домъ умалишенныхъ, бонифратрамъ пришлось бы ее возвратить православнымъ. 5) Здѣсь кстати замѣтить, что костелъ, построенный бонифратрами, освященъ во имя св. Іоанна Божія,—тѣмъ неменѣе, народъ и польскіе писатели не перестаютъ называть его и по нынѣ Крестовоздвиженскимъ.

ЦЕРКОВЬ СВ. ВАРВАРЫ.

Въ былыя времена, особенно въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, правый берегъ рѣки Виліи, гдѣ нынѣ предмѣстье Рыбаки, еврейское

1) Крашевскій.

2) Крашевскій, Гомолицкій. Акты в. р. капитула, отъ 11-го февраля 1615 года. Крашевскій. Wizerunki.

3) Wizerunki.—Кс. Пржіалговскій.

4) М. Балинскій—Гр. Крашевскій.— Ев. Тышкевичъ.

5) Volumina Legum.

кладбище и цитадель, былъ многолюдно населенъ и оживлен торговлей; здѣсь находились амбары товаровъ, сплавливаемыхъ п Виліи, здѣсь же находился и извѣстный стеклянный заводъ княз Мартина Палецкаго, равно и королевская псарня. 1) Точно там же находилась и православная церковь св. великомученицы Варвары; костела тамъ не было. 2) Въ 1534 году ксендзъ Вале ріанъ Протасевичъ купилъ три усадьбы, а король Сигизмундъ подарилъ ему на томъ предмѣстьи четвертую, съ цѣлью по строить тамъ домъ для новообращенныхъ, разумѣется изъ право славія въ латинство. Попавъ въ виленскіе епископы, Валеріан на свое мѣсто назначилъ викарнаго Альбинуса, который и жил въ сказанномъ домѣ „прозелитовъ." Вскорѣ усадьбы достались ви ленскому капитулу. Согласно прошенію, 6-го февраля 1577 года часть названной земли, принадлежавшей капитулу за рѣкой Виліей, отдана ректору виленской коллегіи, іезуиту Станиславу Варшевицкому, и извѣстному своимъ фанатизмомъ проповѣднику іезуиту Петру Скаргѣ, гдѣ и былъ построенъ домъ и основанъ садикъ, и гдѣ Скарга сочинялъ свои проповѣди и рѣчи противъ православія. 3) Вскорѣ послѣ этого, іезуиты завладѣли близь лежащею православною церковью св. Варвары и обратили ее въ костелъ. Когда съ 1655 по 1661 годъ войска Алексѣя Михайловича занимали Вильну и велѣно было возвратить православныя церкви, захваченныя уніатами и латинниками, то и въ названной церкви св. Варвары опять начали было служить православные 4) Само собою разумѣется, что послѣ выхода русскихъ войскъ изъ Вильны, эту церковь опять присвоили себѣ іезуиты. Въ 1702 году, войска Карла XII цѣлый мѣсяцъ стояли лагеремъ на сказанномъ правомъ берегу Виліи, грабили городъ, по преимуществу же іезуитовъ. 5) По всей вѣроятности въ это время палъ окончательно названный іезуитскій домъ, садикъ и, что главное, уничтожена и церковь св. Варвары. Здѣсь кстати замѣтить, что еще въ томъ же году, на названномъ предмѣстьи, гдѣ находилась церковь св.

1) Хроника Ривія,—Ѳ. Нарбутъ.—М. Балинскій.

2) Кс. Г. Браунъ.—Urbium praecipuarum theatrum. Кельнъ 1599. Планъ Вильны, написанный до 1623 года, и находившійся у Марциновскаго—Крашевскій.

3) Акты виленскаго капитула.—Ревизія виленскаго соборнаго костела съ 1743 года.

4) Крашевскій.

5) Тотъ же.

Варвары, поселились монахи кармелиты-босые (костелъ ихъ назывался св. Іосифа), въ слѣдующемъ же (1703) году, немножко подальше, на Снипишкахъ,—іезуиты, (костелъ которыхъ построенъ во имя св. Рафаила).

ЦЕРКОВЬ СВ. ПЕТРА.

Церковь св. Петра, кіевскаго святителя находилась тамъ, гдѣ нынѣ домъ, первый отъ Острыхъ воротъ, принадлежащій собору литовскихъ митрополитовъ. Она была деревянная, небольшая и, какъ намъ кажется, построена около 1345 г., потому что въ это время учрежденъ праздникъ названному святому и основана св. Троицкая церковь, которой она принадлежала и надъ Острыми воротами находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Это послѣднее обстоятельство имѣло, по нашему мнѣнію, болѣе всего вліянія на постройку сей церкви, такъ какъ народъ собирался при Острыхъ воротахъ и желалъ отслужить церковныя службы возлѣ чудотворной иконы. Поэтому, мы видимъ, что какъ только кармелиты босые, поселившіеся здѣсь въ 1626 году, чрезъ улицу, упразднили ее, что случилось до 1633 года 1), то, желая хоть отчасти восполнить потерю ея, въ это же самое время Іоанномъ Тышкевичемъ построена, оттуда въ нѣсколькихъ шагахъ, часовня или, точнѣе, придѣлъ при св. Троицкой церкви, во имя Благовѣщенія или, что тоже, въ честь Островоротной иконы Пр. Богород. 2)

ВОЗНЕСЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Сей монастырь находился между церковью Пречистыя Богородицы и Спасскимъ мостомъ, именно тамъ, гдѣ нынѣ домъ Андрѣевскаго. 3)

Когда и кѣмъ построенъ—неизвѣстно. Намъ кажется, что монастырь построенъ вмѣстѣ съ церковью Пречистыя Богородицы, иначе—бывшею митрополіею западной Россіи, которая крайне древная по своему основанію: по всей вѣроятности, она или, можетъ быть, церковь Спасителя, основана въ концѣ XII вѣка или же въ самомъ началѣ XIII; а только около 1350 года, на томъ же самомъ мѣстѣ построена церковь новая, громадная, Пречистыя

---

1) Дѣло объ обмежеваніи св.-Троицкой горы съ 1633 года, находящееся въ Св. Троицкомъ архивѣ.—Wizerunki.

2) Wizerunki.

3) Акты виленскаго капитула отъ 26 октября 1590 года.

Богородицы вел. кн. лит. Ольгердомъ и его второй супругою Іуліаніей, урожденной княжной тверскою. 1)

Въ 1595 году іезуиты напали на митрополію и близь лежащій монастырь и, за владѣвъ ими, не отдавали ихъ до тѣхъ поръ, пока священники и монахи не приняли уніи. 2) Въ 1664 году, виленская митрополія, значитъ вмѣстѣ съ нею Спасская церковь и Вознесенскій монастырь, отданы архіепископу полоцкому Гаврілу Колендѣ. Митрополитъ принялся всѣми мѣрами подавлять православныхъ; тѣмъ болѣе, что они пособили русскимъ войскамъ Алексѣя Михайловича взять Вильну: для вящшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, 29-го августа 1668 года митрополиту дана королевская грамота, въ силу которой ему позволено безразлично отнимать церкви, монастыри, фундуши (имущества) отъ православныхъ, ни сколько не обращая вниманія на то, что онѣ недавно признаны закономъ за православными. 3) Поднято ужаснѣйшее гоненіе на православныхъ; но виленскій магистратъ не отдавалъ Колендѣ православныхъ святынь и ихъ фундушей. Начался всѣмъ извѣстный процессъ митрополита съ виленскимъ магистратомъ, продолжавшійся съ 1668 по 1672 годъ и стоившій Колендѣ жизни. 4) Во время его наряжена коммиссія такъ называемая Королевская для осмотра виленскихъ церквей и ихъ фундушей, дѣйствовавшая по указаніямъ Коленды и въ духѣ польщизны. Въ 1671 году, названною коммиссіей древняя православная чудотворная Островоротная икона Богородицы отдана кармелитамъ-босымъ костела св. Терезіи 5), церковь св. Петра и Павла на Зарѣчьи закрыта, въ церкви же Спасской и въ монастырѣ Вознесенскомъ устроенъ госпиталь, 6) который въ послѣдствіи (послѣ 1800 года) перешелъ въ частную собственность;— нынѣ домъ Андрѣевскаго.

Жегота.

---

1) Дубинскій, сборникъ правъ и привиллегій г. Вильны. Вильна 1778.—И. Даниловичъ, Tygodnik Petersburski.

2) Wizerunki. Запись имѣнія Ваки въ пользу митрополіи Станислава Сапѣги, отъ 1 мая 1600 и отъ 20 мая 1602 г.

3) И. Кульчинскій—Specimen ecleniae Ruthenicae, Парижъ 1859 г. (перепечатка).

4) Тоже Кульчинскій. Wizerunki.

5) Исторія Остробрамской иконы въ Русск. Вѣстникѣ за 1867 г.

6) Wizerunki.—Пщолко.

ВѢРОТЕРПИМОСТЬ ПАПЪ.

(Историческій очеркъ).

Довольно вѣрное средство заставить противника молчать состоитъ въ томъ, чтобъ ему выдернуть языкъ. Лучше, если, сверхъ того, ему отрубить и руки, чтобы онъ не могъ ни говорить, ни писать. Но самое вѣрное средство положить конецъ всякимъ пререканіямъ—это повѣсить или сжечь противника.

Правило іезуитской морали.

Западная церковь, вслѣдствіе различныхъ политическихъ обстоятельствъ, получила особенное іерархическое устройство, значительно отличающее ее отъ другихъ церквей. Самое характеристическое отличіе его состоитъ въ томъ, что въ главѣ этой церкви поставилъ себя папа, соединяющій въ своей особѣ и духовную и свѣтскую власти и стремящійся къ неограниченному владычеству надъ всѣмъ христіанствомъ. Притязанія его далеко превосходятъ притязанія всякаго другаго деспота-восточнаго или западнаго; потому что обыкновенные монархи довольствуются тѣмъ, если подданные поступаютъ сообразно волѣ государя, а его апостольское святѣйшество желалъ и требовалъ, чтобы западные христіане не только „поступали," но и „думали" такъ, какъ ему угодно. И дѣйствительно, въ западномъ христіанствѣ все вращалось около папы, его приговоры считались закономъ для всѣхъ. Онъ былъ для церкви не только главою или средоточіемъ, но какимъ-то олицетвореніемъ ея, и какъ Людовикъ XIV, говорилъ: „государство—это я", съ такимъ же точно правомъ и папа могъ сказать: „церковь—это я". Соотвѣтственно такому воззрѣнію и всякое оскорбленіе папы, всякое отрицаніе его свѣтской власти трактовалось какъ оскорбленіе церкви, какъ нападки на религію,—и папы не пропускали ни одного случая—объявлять еретикомъ, отступникомъ отъ вѣры каждаго, кто заслужилъ ихъ проклятія по чисто-политическимъ причинамъ. Такъ они дѣйствовали во всѣ времена своего неограниченнаго владычества, такъ они дѣйствуютъ и нынѣ, постоянно отождествляя понятія о папствѣ съ понятіемъ о христіанствѣ. Какъ легко, послѣ этого, впасть въ ересь!

Не смотря однакожъ на то, что папы издавна облекли себя такимъ чрезвычайнымъ могуществомъ, что даже величайшіе

монархи трепетали передъ ними; не смотря на то, что вѣрные слуги папъ, разсѣянные по всему міру, подвергали строгому суду всякаго, кто хотьбы сколько нибудь провинился предъ папствомъ или римскимъ католичествомъ или даже подозрѣваемъ былъ въ этомъ грѣхѣ,—не смотря на все это, даже во времена наибольшаго процвѣтанія папской деспотіи, являлись мыслители, отваживавшіеся колебать эту страшную твердыню и нападавшіе не только на ученіе римскаго католичества, но и на самыя основанія римской іерархіи. Казалось бы, представленіе папскаго всемогущества, страхъ проклятія и соединенныхъ съ нимъ ужасныхъ послѣдствій должны были удерживать міръ отъ поступковъ, даже отъ мыслей, могущихъ возбудить гнѣвъ Рима; но вышло на оборотъ, и тутъ-то оправдалось извѣстное замѣчаніе, что туго натянутыя струны—лопаются.

Нападенія такъ называемыхъ еретиковъ на римскую церковь и на ея ученіе начинаются, сколько извѣстно изъ исторіи, съ девятаго и десятаго вѣка, то есть со времени отпаденія церкви римской отъ церкви вселенской или точнѣе—съ эпохи вполнѣ опредѣлившагося властолюбія папскаго. Они направлены были главнымъ образомъ на нѣкоторые церковные обряды. Особенно расплодился корень ереси въ верхней Италіи и въ южной Франціи, хотя прозябаніе его совершалось втайнѣ. Но, въ чемъ состояли ученіе и правила тогдашнихъ еретиковъ, объ этомъ молчатъ современные лѣтописцы, и только встрѣчаемъ общую оговорку въ родѣ слѣдующей: „До свѣдѣнія церкви дошло, что въ такой-то странѣ такіе-то или многіе не раздѣляютъ правой вѣры римскихъ-католиковъ.“ Такихъ людей обыкновенно называли тогда „манихеями“, не потому, впрочемъ, чтобъ они слѣдовали ученію извѣстной подъ этимъ названіемъ гностической секты;—это былъ синонимъ еретика. Манихеемъ считался всякій, кто не согласовался съ римскимъ католичествомъ. Уже съ десятаго вѣка стали высказываться требованія, чтобы еретиковъ или манихеевъ казнить безъ всякаго суда и разбора. Впрочемъ, кажется, тогда еще поступали съ ними не такъ сурово, но въ одиннадцатомъ вѣкѣ заговорили уже въ другомъ тонѣ. Въ 1017 году, во времена папы Венедикта VIII, одинъ реймсскій пресвитеръ открылъ, что два священника въ этомъ городѣ, Стефанъ и Лизой—еретики, что у нихъ не мало и послѣдователей. Донесено было объ этомъ папѣ и французскому королю Роберту; оба они постановили: судить еретиковъ

на соборѣ, имѣвшемъ открыться въ Орманѣ. Стефанъ и Лизой, вмѣстѣ съ тринадцатью своими послѣдователями, потребованы на соборъ и должны были исповѣдать свою вѣру. Они сдѣлали это, какъ наивно разсказываетъ современный писатель Глаберъ Рудольфъ, съ такою ясностью и остроуміемъ, что собравшіеся епископы не въ состояніи были опровергнуть ихъ; однакожь всѣ эти пятнадцать публично сожжены на кострѣ, потому что не хотѣли обратиться.“ Это были первые извѣстные еретики, которые пострадали на кострѣ. Въ чемъ состояла ихъ ересь, этого акты орманскаго собора не объясняютъ, въ этихъ актахъ они называется просто манихеями, а потому и осуждаются на смерть.

Думать, что казнью этихъ пятнадцати нанесенъ былъ смертельный ударъ всему еретичеству, значило бы допустить большую ошибку, потому что уже въ 1025 году Герардъ, епископъ аррасскій долженъ былъ снова созвать соборъ, чтобы положить преграду усиливавшемуся еретичеству. Изъ извѣстій объ этой новой ереси видно, что послѣдователи ея заимствовали свое ученіе отъ какого-то Гангульфо, родомъ изъ Италіи, и почитали это ученіе древнѣйшимъ въ церкви, основаннымъ на библіи. Ни соборъ, ни епископъ, не занялись обличеніемъ ереси, но такъ какъ „новые еретики не утверждались въ католичествѣ,“ опредѣлено было сжечь ихъ на кострѣ, по примѣру вышеупомянутыхъ пятнадцати. Но и этою мѣрою не положенъ конецъ ереси; напротивъ, она распространялась все болѣе и болѣе, какъ показываетъ созванный въ 1069 г. соборъ въ Тулузѣ. На этомъ соборѣ нашли нужнымъ судить не только самихъ еретиковъ, но и тѣхъ, которые принимали ихъ у себя или защищали. Еретики эти, между прочимъ, нападали на безнравственность и ханжество тогдашняго духовенства. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, если епископы и папа всѣми силами старались подавить это ученіе, тѣмъ болѣе, что послѣдователи его уже образовали настоящую секту. Они раздѣлялись на два класса: такъ называемые credentes, т. е. вѣрующіе вообще, и perfecti или electi, т. е. совершенные или избранные, которые считали своею обязанностью проповѣдывать другимъ евангеліе и защищать свою вѣру. Подавить ересь было не такъ легко, какъ казалось сначала папамъ, потому что, если по мѣстамъ и сожигали десятокъ - другой еретиковъ, то perfecti взамѣнъ казненныхъ, своими проповѣдями пріобрѣтали вдесятеро больше новыхъ послѣдова-

телей. Ересь теперь получила собственное названіе,—прежнее же имя Манихеевъ было оставлено. Это новое названіе было „Вальденсы." О происхожденіи такого названія разсказывается слѣдующее: „Въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка, во времена папы Иннокентія II, въ городѣ Ліонѣ жилъ одинъ богатый купецъ, по имени Петръ Вальдо или де-Вальдо, и для него однимъ католическимъ священникомъ, по имени Стефаномъ, переведены были евангеліе и значительная часть всей библіи. Петръ ревностно поучался въ чтеніи библіи и такъ проникся ея духомъ, что продалъ все свое имѣніе и деньги роздалъ нищимъ. Затѣмъ сталъ онъ проповѣдывать евангеліе и, разумѣется, скоро пришелъ въ столкновеніе съ римско-католическими священниками, почему былъ осужденъ и долженъ былъ бѣжать. Но не смотря на то, что священники вооружали противъ него всѣхъ и, что самъ папа требовалъ его къ отвѣту въ Римъ, Петръ не переставалъ проповѣдывать евангеліе, и къ нему стекалась тьма послѣдователей, которые, чтобы почтить его память, назывались по его имени Вальдо—„Вальденсами." Таково обыкновенное повѣствованіе о происхожденіи Вальденсовъ; но оно основано на чистой баснѣ, потому что не было никогда купца, прозывавшагося Вальдо, не было также и мѣстности во Франціи съ такимъ наименованіемъ. Происхожденіе сказки объясняется тѣмъ, что извѣстный историкъ Пильхдорфъ, издавшій въ тринадцатомъ вѣкѣ большое сочиненіе о Вальденсахъ, между значительнѣйшими членами ихъ именуетъ и извѣстнаго Петра, которому даетъ прозваніе „Waldensis." Отсюда читатели этого сочиненія заключили, что Петръ вальденскій былъ основателемъ секты Вальденсовъ, и съ поверхностію, съ какою обыкновенно обращались прежде съ фактами, тотчасъ составили повѣсть о Петрѣ Вальдо. Сущность дѣла въ томъ, что названіе Вальденсовъ извѣстно было уже въ одиннадцатомъ столѣтіи и что Пильхдорфъ за тѣмъ даетъ прозваніе Петру—Вальденскій потому, что онъ былъ выдающеюся личностью между Вальденсами. Короче сказать: Вальденсы первоначально назывались неВальденсами, но тогдашніе писатели называли ихъ попеременно: то Valenses, то Vaudois, то наконецъ Vadoys, смотря потому, на какомъ языкѣ писали—на латинскомъ, французскомъ или романскомъ. Всѣ эти названія происходятъ отъ слова Val или Vaux, означающаго „долина," и подъ Valenses разумѣли сначала жителей долинъ, т. е. обитателей піемонтскихъ, альпійскихъ

долинъ, куда проникло ученіе первыхъ еретиковъ и гдѣ держалось оно все время *).

Что же это были за Вальденсы, и въ чемъ состояло ихъ религіозное ученіе? Къ нимъ принадлежали, по крайней мѣрѣ въ началѣ, только самые бѣдные и мало образованные. Это были, какъ говорятъ, „простецы", и религіозное ученіе ихъ образовалось также просто. Тутъ и рѣчи не могло быть о теологической системѣ или выработавшемся догматѣ; вся ихъ ересь состояла сначала въ томъ лишь, что они имѣли у себя романскій переводъ библіи, которой они строго держались, и не имѣли другихъ претензій, какъ только быть „апостолическими" христіанами. По этому они отвергали все, что съ теченіемъ времени вошло въ римскую церковь; особенно же гнушались они римскаго клира, который жизнью своею представлялъ разительную противоположность тому идеалу пастыря, какой начертанъ въ евангеліи. Но преимущественно ненавистенъ имъ былъ глава клира, римскій папа, и они называли его нерѣдко вавилонскимъ вааломъ или антихристомъ. Понятно, какими глазами смотрѣли клирики на эту ересь, хотя послѣдователи ея жили въ горныхъ равнинахъ тихо и беззаботно и открыто не вступали съ римско-католиками въ борьбу. Когда же вальденское ученіе перешло за піемонтскія горы и распространилось по всей южной Франціи, такъ что его стали принимать даже дворяне и бароны, тогда досада клира достигла высшей степени и рѣшено было строжайшимъ образомъ преслѣдовать Вальденсовъ. Преслѣдованіе со стороны клира устремлено было преимущественно на такъ называемыхъ провозвѣстниковъ вѣры, т. е. на тѣхъ, которые осмѣливались открыто проповѣдывать ученіе евангелія, съ особеннымъ же негодованіемъ западная церковная исторія упоминаетъ объ именахъ Петра и Генриха Бруиса, нарицая ихъ ересіархами.

Въ началѣ XII вѣка они изъ Италіи перешли во Францію. Хотя ихъ признавали за бѣглыхъ монаховъ, въ сущности же это были вальденскіе perfecti, задачею которыхъ было болѣе и

*) Въ небольшомъ стихотвореніи: „La nobla Leyçon," относящемся къ концу XII вѣка, Вальденсы называются Vaudes. Названіе это, очевидно, имѣетъ такое же происхожденіе, какъ и французское Vaudois. Это лучше всего доказываетъ, что основателемъ упомянутой секты былъ не Петръ Вальденскій, жившій въ XII вѣкѣ.

болѣе распространять проповѣдь евангелія. О дѣятельности упомянутыхъ лицъ извѣстно очень мало; говорятъ только, что одинъ изъ нихъ, именно Петръ Бруисъ около 1120 года въ с. Жиллѣ былъ убитъ народомъ, который возбужденъ былъ противъ него священниками. Съ большею обстоятельностью разсказывается о Генрихѣ Бруисѣ; именно, что онъ совершенно открыто проповѣдывалъ свое ученіе въ Лозаннѣ, Моксѣ, Перигэ, Бордо, Архѣ, Пуатье и особенно въ Тулузѣ, что народъ считалъ его святымъ, и потому въ каждомъ городѣ или селеніи, куда онъ приходилъ, дѣлались ему торжественныя встрѣчи, процессіи, крестные ходы. При такихъ обстоятельствахъ, у него, конечно, не было недостатка въ слушателяхъ, народъ стекался во множествѣ уже для того, чтобы поглазѣть, нерѣдко въ толпу слушателей вмѣшивались и клирики, какъ съ ясностью говоритъ объ этомъ епископъ Гильдебертъ. Этотъ епископъ разсказываетъ, что среди различныхъ женщинъ, оплакивавшихъ свою прежнюю грѣховную жизнь, онъ видѣлъ нѣсколькихъ священниковъ, которые во время проповѣди Генриха Бруиса повергались на колѣна и вслухъ исповѣдывали свои грѣхи. Нѣкоторые изъ этихъ священниковъ заходили такъ далеко, что снимали одежду своего сана и открыто вступали въ еретическую секту. Все это не могло не встревожить епископа и онъ, послѣ проповѣди Генриха Бруиса, немедленно отправился въ Римъ, донести папѣ Евгенію III о плохомъ состояніи религіозныхъ дѣлъ въ южной Франціи. Папа тоже немедленно послалъ во Францію кардинала Албериха остійскаго, положить конецъ безчинству Вальденсовъ. Кардиналъ Алберихъ объѣзжалъ подозрѣваемые въ ереси города и мѣстности съ большою торжественностью, въ сопровожденіи множества одаренныхъ талантами краснорѣчія клириковъ, въ числѣ которыхъ находился и знаменитый аббатъ Бернардъ клервосскій, и старался дѣйствовать на народъ проповѣдями своихъ витій; самою главною, впрочемъ, заботою его было—схватить Генриха вмѣстѣ съ другими вальденскими проповѣдниками. Когда ему удалось сдѣлать это, онъ отослалъ ихъ въ Италію, гдѣ они должны были за свое проповѣдничество поплатиться жизнію или вѣчнымъ заточеніемъ. Это было въ 1148 году. Вскорѣ послѣ этого, въ томъ же самомъ году, папскій легатъ, взявъ напередъ отъ всѣхъ рыцарей и бароновъ южной Франціи клятву, что они пребудутъ вѣрны римской церкви и будутъ преслѣдовать еретиковъ, — возвратился въ Римъ, въ полномъ

убѣжденіи, что съ заточеніемъ еретическихъ учителей положенъ конецъ и самой ереси.

Но въ этомъ кардиналъ весьма ошибся, потому что, хотя вальденское ученіе главнымъ образомъ находило себѣ сочувствіе въ простомъ только народѣ, однакожъ вальденскія общины слишкомъ хорошо уже организовались, такъ что убыль нѣкольких „совершенныхъ" не могла разрушить самихъ общинъ, которыя болѣе и болѣе распространялись. Ужъ не причинило большаго вреда даже и то, что въ 1163 году папа Александръ III произнесъ на нихъ торжественное проклятіе и повелѣлъ князьямъ южной Франціи считать вальденсовъ еретиками, отринутыми отъ человѣческаго общества и конфисковать ихъ имущества. Ученіе ихъ проникло даже за предѣлы Франціи, такъ напр. въ городѣ Трирѣ открыты были въ это же время четыре еретика (два изъ священниковъ) и осуждены на смерть. Съ такою же строгостью поступали съ ними и въ Англіи, гдѣ, въ качествѣ вальденскаго проповѣдника, явился одинъ нѣмецъ, по имени Герольдъ, который пріобрѣлъ себѣ до тридцати послѣдователей. Самого Герольда осудили на смерть, а послѣдователи его были отлучены отъ церкви, имѣнія ихъ конфискованы и, наконецъ самихъ заклеймили раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы каждый гнушался ими, какъ отверженными. И въ Лотарингіи явились проповѣдники и пріобрѣли себѣ много послѣдователей особенно оттого, что въ ихъ рукахъ былъ переводъ евангелія на народное лотарингское нарѣчіе. Это послѣднее обстоятельство такъ раздражило папу Иннокентія III, что онъ велѣлъ сжечь еретическій переводъ *). Не менѣе плодоносную почву нашли еретическіе проповѣдники въ Нидерландахъ. Здѣсь упоминаютъ объ одномъ проповѣдникѣ, по имени Тамхелькѣ, который съ пламенною ревностью проповѣдывалъ противъ р. католическихъ священниковъ, за что, въ 1126 году осужденъ на смерть. Всего же болѣе раздражало папъ то, что дерзкое ученіе еретиковъ проникло даже въ Италію и въ Арнольдѣ бресчійскомъ нашло себѣ надежнаго защитника. Ар-

*) Извѣстно, что въ западной церкви запрещены всякіе переводы библіи. Первое такое запрещеніе сдѣлано было папою Григоріемъ VII, за тѣмъ оно, по разнымъ случаямъ, повторяемо было и другими папами. Какимъ разсчетомъ руководствовались папы, запрещая пользоваться библіею, объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

нольдъ, получившій свое прозваніе отъ города Бресчіи, въ которомъ онъ родился, еще въ ранней молодости познакомился съ вышеупомянутымъ Генрихомъ Бруисомъ, и въ 1139 году въ первый разъ выступилъ съ укоризнами противъ развращеннаго и предавшагося міру духовенства. Ученіе его въ скоромъ времени нашло себѣ послѣдователей и даже произвело революціонное движеніе противъ тамошняго епископа, у котораго смѣлый проповѣдникъ отважился оспоривать право на мірскія владѣнія. Изъ Бресчіи отправился Арнольдъ въ Римъ, чтобы и тамъ, пользуясь неурядицею по случаю двойственнаго папства (Анаклетъ II и Иннокентій II), проповѣдать евангеліе и вмѣстѣ съ религіозною свободою добыть и возстановленіе политической независимости римлянъ. Эта двойственная цѣль его проповѣди, въ которой онъ не только нападалъ на развращенность клира и испорченность церкви, но и мірскую высоту и могущество папства считалъ совершенно противорѣчащими духовному сану, и здѣсь доставила ему множество приверженцевъ. Весь народъ римскій присталъ къ нему, и Арнольду удалось пробудить въ немъ мысль, что гораздо лучше было бы предоставить управленіе вѣчнымъ городомъ „свѣтскимъ" властямъ, чѣмъ „духовнымъ." Въ 1139 году умеръ антипапа Анаклетъ, и такъ какъ чрезъ это Иннокентію II досталось безспорное единовластіе, то онъ, естественно, воспользовался имъ для того, чтобы поразить анаѳемою своего дерзкаго противника. Арнольда заключили въ тюрьму, его сочиненія были сожжены; однакожъ ему удалось бѣжать во Францію, гдѣ онъ сошелся съ знаменитымъ Абелярдомъ, тоже еретикомъ, хотя и не вальденскимъ. Такъ какъ и здѣсь онъ видѣлъ себя не безопаснымъ отъ папы, то бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ, начиная съ 1140 года, дѣйствовалъ на пользу вальденской вѣры частью въ Констанцѣ, частью въ Лозаннѣ и Цюрихѣ. Въ 1154 году, когда, по смерти Анастасія IV, взошелъ на папскій престолъ Адріанъ IV, римляне отправили къ Арнольду депутацію и приглашали его возвратиться въ ихъ городъ. Онъ послѣдовалъ приглашенію, и появленіе его здѣсь имѣло слѣдствіемъ то, что Римъ снова возсталъ и изгналъ папу. Не смотря на то, что Арнольдъ уже преданъ былъ проклятію, Адріанъ разразился на возмутителя вторичнымъ проклятіемъ, наложилъ интердиктъ на Римъ и немедленно обратился съ просьбою о помощи къ Фридриху Гогенштауфену. Римляне, съ своей стороны, отправили посольство къ императору и просили его, какъ

недавняго римскаго императора, сдѣлать семихолменный ихъ городъ метрополіею имперіи и постоянною резиденціею императора. Фридрихъ не зналъ на что рѣшиться, но наконецъ склонился на сторону папы, можетъ быть, изъ уваженія къ главѣ церкви, а вѣроятнѣе руководясь тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ Барбарусса смотрѣлъ на всѣ революціонныя движенія. Императоръ вошелъ въ ближайшіе переговоры съ Адріаномъ и, за обѣщаніе короновать императорскою короною, обязался не только подчинить опять римлянъ ихъ архипастырю, но и выдать Адріану самого виновника революціи, Арнольда бресчійскаго; это было въ 1155 году; лишь только увидѣлъ папа въ своей власти ненавистнаго еретика и бунтовщика, Арнольда, тотчасъ осудилъ его на сожженіе. Напрасно спѣшили римляне, узнавши о положеніи дѣла, спасти любимаго народнаго трибуна; они нашли только его пепелъ, потому что Адріанъ велѣлъ поторопиться исполненіемъ своего приговора. Такъ скончался Арнольдъ бресчійскій, можетъ быть, самый смѣлый изъ вальденскихъ проповѣдниковъ.

Но не смотря на то, что папы уже въ это время смерть и казнь начали считать лучшимъ средствомъ къ искорененію ереси, ересь однако распространялась все болѣе и болѣе, и вальденсы въ скоромъ времени, хотя и не всегда подъ этимъ названіемъ, появились въ большей половинѣ Европы. Въ Ліонѣ и окрестностяхъ ихъ назвали „добрые люди“ (boni homines) или „ліонскіе нищіе“ (pauperes de Lugduno), въ верхней Италіи они носили названіе „Генриціаны“ или „Петробрусіаны“ безъ сомнѣнія, въ память Генриха и Петра Бруисовъ; въ Ломбардіи они назывались „ломбардскими нищими или униженными“ (Humiliati), въ другихъ мѣстахъ „каѳарами“ т. е. чистыми, хотя имя это менѣе прилично было имъ, чѣмъ другой сектѣ, появившейся около этого времени. Эта новая секта была гностическая и имѣла происхожденіе восточное; на востокѣ послѣдователи ея назывались „Павликіанами“ за свою исключительную приверженность къ апостолу Павлу. Они всего болѣе распространились въ Арменіи и по горамъ Кавказскимъ. Въ девятомъ вѣкѣ они встрѣтили отъ византійскихъ императоровъ такое преслѣдованіе, что большая часть ихъ бѣжала въ Болгарію и въ другія провинціи, уже завоеванныя тогда магометанами; остальные же переселились на западъ и особенно въ верхнюю Италію. Здѣсь имъ удалось основать общины въ городахъ

Альби, Флоренціи, Сполетто, Вичецѣ, Банволю и Конкорецо, а нѣсколько позже они проникли и въ южную Францію. Такъ какъ здѣсь они нашли уже организовавшуюся еретическую секту, во многомъ съ ними согласовавшуюся (это секта вальденсовъ), то очень естественно, что они не только присоединились къ ней, но даже совершенно смѣшались. И тѣ и другіе (Павликіане и Вальденсы) отвергали все внѣшнее богослуженіе, всѣ обряды и церемоніи римской церкви. Тѣ и другіе основывались исключительно на Новомъ Завѣтѣ, какъ на единственномъ первоисточникѣ истины, не признавая ни преданія, ни буллъ, ни папства. Если они и расходились въ нѣкоторыхъ пунктахъ, напр. въ ученіи о таинствахъ, о твореніи міра и т. д., но главное въ томъ, что и тѣ и другіе отрицали римское католичество, хотѣли уничтожить папство. Такъ, къ концу двѣнадцатаго вѣка мы видимъ въ южной Франціи множество еретическихъ общинъ, въ которыхъ, какъ напр. въ Тулузѣ, въ Альби и Кагорѣ, Павликіане и Вальденсы были такъ перемѣшаны, что почти нельзя было однихъ отличить отъ другихъ, и потому-то р. католическая партія подъ именемъ „Каѳаровъ" разумѣла какъ Павликіанъ, такъ и Вальденсовъ, а равно и и всѣхъ еретиковъ тогдашняго времени. Хотя встрѣчаются и разныя другія названія, напр. Котереллы, Басколы, Брабантцы, Наварцы, Аррагонцы и т. д., но всѣ эти названія, заимствованныя отъ городовъ или мѣстностей, гдѣ еретики были многочисленнѣе, доказываютъ только, что ересь тогда далеко уже распространилась *), и поэтому неудивительно, если р. католики, и во главѣ ихъ папа, рѣшились наконецъ положить предѣлъ такому нестроенію. Заточеніе или сожженіе „отдѣльныхъ," хотя и главныхъ еретиковъ, что было въ ходу до сихъ поръ, не приводило къ цѣли, напротивъ, еретичество болѣе и болѣе утверждалось. Чтобъ избѣжать опасности быть побѣжденными, нужно было избрать другое средство, болѣе вѣрное; такимъ средствомъ было „повальное истребленіе еретиковъ." *(Окончаніе впредь)*.

---

*) Еретики назывались еще Сабатами, отъ испанскаго слова sabata, означающее сандаліи, потому что каѳарскіе проповѣдники, чтобы и внѣшностію уподобляться апостоламъ, имѣли обыкновеніе носить на ногахъ сандаліи. Множество названій, даваемыхъ еретикамъ, свидѣтельствуютъ, что р. католики вѣрно и точно не знали ученія своихъ противниковъ, потому что иначе они довольствовались бы однимъ названіемъ, болѣе характеристическимъ.

III.

Инсинуацiи „Вѣсти.“

Характеръ «Вѣсти» всякiй день принимаетъ болѣе и болѣе вредное направленiе для интересовъ русской вѣры и народности въ западномъ краѣ Россiи. Мы оставляемъ въ сторонѣ намѣренiя и теорiи *барской* газеты, касающiяся интересовъ сѣверо-восточной Россiи какъ потому, что это не наше дѣло, такъ и потому, что эта газета почти забыла свой общерусскiй характеръ и изъ газеты *барской* преобразилась, чуть ли не исключительно, въ газету *панскую*, въ покровительницу *угнетеннаго* въ краѣ полонизма. Снисхожденiю русской администрацiи, русскаго общества, позволявшимъ такъ открыто, съ такимъ возростающимъ ожесточенiемъ и такою ненаказанностiю продолжать «Вѣсти» адвокатуру польской «справы,» — поистиннѣ, нѣтъ предѣловъ. Самыя полезныя и необходимыя административныя мѣры, служащiя къ возрожденiю края, къ возвращенiю ему древлеисторической физiономiи и нерѣдко получившiя Высочайшую санкцiю, постоянно встрѣчаются «Вѣстью» неосновательнымъ обсужденiемъ и даже дерзкимъ осужденiемъ. Всѣ корреспонденцiи изъ западнаго края, какъ бы онѣ неосновательны и лживы ни были, находятъ въ «Вѣсти» самый радушный прiемъ и самое злорадостное поддакиванье, если только онѣ направлены къ униженiю, оклеветанiю русскихъ и пользѣ поляковъ. Всѣ, крѣпко стоящiе на стражѣ русскаго въ краѣ преобладанiя, всѣ опасные для латинопольской пропаганды, для польскаго «будованья» люди и корпорацiи осыпаются въ «Вѣсти» такою циническою бранью, какой нѣтъ примѣра ни въ какой прессѣ. Все, что люди благонамѣренные,

энергичные, разумные сѣютъ на здѣшней почвѣ, за чѣмъ такъ заботливо и умѣючи ухаживаютъ,—все это «Вѣсть» топчетъ, рветъ, усиливается заглушить своими плевелами. Частностей не указываемъ какъ потому, что онѣ у всѣхъ предъ глазами, такъ и потому, что онѣ, въ буквальномъ смыслѣ, неисчислимы. Нѣтъ ни одного № «Вѣсти», не загрязненнаго инсинуаціей, ложью, клеветой, вербовкой въ пользу своей задачи общественнаго мнѣнія, власти, извѣтомъ, потачкой, панской іеремiадой и другими въ этомъ родѣ образчиками публицистики. Приведши все вышесказанное къ одному знаменателю, по неволѣ задаешься вопросами: чѣмъ можно объяснить такое, можно сказать, святотатственное глумленіе «Вѣсти» надъ всѣмъ завѣтнымъ для насъ и святымъ? что это за «оппозиція» въ такой націи, гдѣ слава Богу, нѣтъ ни «правой», ни «лѣвой», стороны, а гдѣ есть только Центръ, къ которому должны сходиться гармонически, математически всѣ *радіусы* русскаго круга? не потому ли существуетъ это зло нравственное, почему существуетъ ядовитая змѣя, холера, засуха и всякое другое зло физическое? кто поддерживаетъ, кто сочувствуетъ открыто-враждебному направленію этой газеты? Впрочемъ, послѣдній вопросъ явился въ нашей бесѣдѣ съ «Вѣстью» только по требованію контекста: читатели и почитатели «Вѣсти», конечно, всѣ тѣ, чьи интересы она такъ геройски отстаиваетъ. Если польскіе землевладѣльцы одной Волынской губерніи выписывали въ прошломъ году этой газеты около 500 экземпляровъ; то всѣ девять западныхъ губерній составляли контингентъ друзей «Вѣсти» около 5000 [1]), которые, не смотря на плачь «Вѣсти» о нищетѣ своихъ кліентовъ, платили дань своему адвокату въ количествѣ около 50,000. А такъ какъ эти кліенты не ограничиваются однѣми девятью западными губерніями, а разсыпаны по всѣмъ десяти губерніямъ бывшаго царства польскаго и отчасти по всей Россіи; то мы затрудняемся опредѣлить подлинную цифру бюджета «Вѣсти», такъ выгодно ведущей свою адвокатуру.—Правда, въ послѣднее *время*, «Вѣсть» дол-

1) Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ втрое больше польскихъ помѣщиковъ, нежели въ юго-западныхъ.

жна дѣлиться своею добычею съ «Новымъ Временемъ», 1) но намъ отъ этого нисколько не легче.

Впрочемъ, не имѣя возможности и намѣренія слѣдить за всѣми декларадіями «Вѣсти», мы тѣмъ не менѣе обязаны остановить вниманіе свое и другихъ на главнѣйшихъ и любимѣйшихъ мотивахъ ея западно-русскихъ варіацій. Хотя клеветы на мировыя учрежденія, на разныхъ чиновниковъ, на самоуправленіе народа составляютъ обязательную чуть не для всякаго № «Вѣсти» тему; но мы проходимъ ее молчаніемъ какъ потому, что она носитъ на себѣ характеръ общей элегіи объ утраченномъ невозвратно благополучіи барства и крѣпостничества, такъ и потому, что эти клеветы всякій разъ были ниспровергнуты самыми категорическими и безспорными заявленіями, такъ равно и потому, что въ этихъ клеветахъ замѣчается слишкомъ гомеопатическая доза инсинуаціи политической—для того, чтобы на нее стоило обращать вниманіе въ настоящемъ случаѣ.

Всего болѣе сердобольная душа «Вѣсти» скорбитъ и возмущается при одномъ *воображеніи* о бѣдности, разореніи и угнетеніи своихъ кліентовъ. Тоска «Вѣсти» для насъ понятна: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, радоваться, когда страдаютъ друзья. Но намъ-то что за дѣло до отношеній «Вѣсти» къ своимъ кліентамъ и возбуждаемыхъ ими чувствъ. Тоска, какъ продуктъ сердца и воображенія, какъ чувство, весьма часто бываетъ чувствомъ безотчетнымъ, безпричиннымъ, неосновательнымъ. Нужно только обладать извѣстною степенью впечатлительности, раздраженіемъ нервовъ, женскою сентиментальностью, чтобъ оплакивать смерть мухи, впадать въ отчаяніе отъ царапины иглой и проч. Но «Вѣсть» завопитъ: тутъ страдаютъ не мухи, а люди, и при томъ цѣлое сословіе! Положимъ, что страдаютъ; но всякое ли страданіе дѣлаетъ для насъ обязательною печаль объ участи страдальца? Чтобы чувство состраданія было основательнымъ, нужно сперва безошибочно рѣшить вопросъ: кто страдаетъ, какъ и за что? Латинская пословица говоритъ: nemo laeditur nisi a semet

1) Съ этимъ, далеко не новымъ „Временемъ" мы надѣемся скоро познакомиться и познакомить.

ipso [1]); вольный, но вѣрный переводъ этого афоризма можетъ быть выраженъ русскою пословицей: мы сами причиною своихъ несчастій. Если бы мы даже не расширяли объема этихъ афоризмовъ до значенія, внушаемаго буквальнымъ ихъ смысломъ, все-таки мы не смѣли бы выгородить изъ этого объема страдальцевъ, оплакиваемыхъ «Вѣстью.« Рѣшаемъ поставленные выше вопросы. Кто страдаетъ? страдаютъ эксплуататоры земли русской, страдаютъ люди, всей душой, всѣмъ сердцемъ ненавидящіе все русское, православное, постоянно измышляющіе средства вредить намъ и не дѣлающіе теперь *физическаго* вреда потому только, почему не дѣлаетъ его связанный по рукамъ и ногамъ преступникъ, но не упускающіе ни малѣйшаго случая интриговать противъ насъ—и въ своей, и въ заграничной прессѣ, шушукаться съ «бѣглою полоніей», сѣять среди насъ разныя междоусобія и восторгаться какими-то надеждами и проч. Какъ страдаютъ? страдаютъ матеріальнымъ образомъ, страдаютъ тѣми лишеніями, устранить которыя значитъ усилить преобладаніе въ краѣ людей враждебныхъ преобладанію русскому, усилить средства вредить *намъ,* ассигновать фондъ для будущихъ возстаній. *Лишній* избытокъ часто располагаетъ къ злоупотребленію богатствомъ, къ вреднымъ соблазнамъ, увлеченіямъ и прихотямъ; а въ рукахъ панскихъ всегда ведетъ къ затѣямъ политическимъ, къ заготовленію средствъ—свергнуть съ себя «московское иго», востановить Польшу въ границахъ 1772 года; порукой опытъ. За что страдаютъ? за зложелательство Россіи, за вѣчныя противъ нея враждебныя затѣи, за муки и пытки, которыя тяготѣли надъ западной Россіей въ теченіи вѣковъ, за подстрекательство запада къ враждѣ съ Россіей, за открытыя возстанія противъ самаго гуманнаго правительства и т. подоб. Все это, скажетъ «Вѣсть» ,,дѣла давно минувшихъ дней''; всѣмъ этимъ бѣдствіямъ непричастно настоящее поколѣніе; послѣднее хочетъ мириться, но вы отталкиваете его отъ себя вашимъ недовѣріемъ, вашею ненавистью. Изворотъ весьма неу-

---

1) Есть еще латинскій афоризмъ положительный въ томъ же родѣ: quisque suae fortunae faber (всякій есть кузнецъ своей судьбы).

рачный! Последнему бѣдствію не прошло еще и половины ченской давности; творцы его не успѣли еще измѣниться даже тѣломъ, тѣмъ болѣе душею; могилы нашихъ мучениковъ за вѣру и отечество еще дымятся свѣжею кровью; новѣйшее поколѣніе только и живетъ и дышетъ надеждою на близость слѣдующаго да обливается слезами отъ fiasco минувшаго „повстанья." Не къ „Вѣсти", а къ польскимъ помѣщикамъ,—къ ихъ чести и совѣсти,—обращаемся мы и спрашиваемъ ихъ: многіе ли изъ нихъ могутъ, поднявъ руку къ небу, сказать *въ душѣ своей:* мы не участвовали ни въ инициативѣ, ни въ развитіи послѣдняго бунта, ни нравственно, ни матеріально, ни физически? Не многіе могутъ сказать это, не погрѣшивъ предъ Богомъ и своею совѣстью. При ихъ даже нейтралитетѣ,—не говоримъ преданности долгу и присягѣ,—не могло бы развиться возстаніе до такихъ грустно-широкихъ размѣровъ; ихъ безучастіе въ немъ, какъ безучастіе огромнаго большинства, парализовало бы самую попытку возстанія, въ самомъ ея зародышѣ; горсть болѣе чѣмъ они горячихъ и неосторожныхъ, подвергшихся послѣ законной отвѣтственности за открытое буйство, при всей своей необузданности, не посмѣлабъ и подумать *о войнѣ съ Россіей (!)*, еслибъ она не была *фактически* убѣждена въ такой либо другой ихъ солидарности съ нею, еслибъ она видѣла раздвоеніе силъ въ собственной своей средѣ, предвидѣла реакцію или хоть апатію къ бунту въ большинствѣ своихъ соотечественниковъ,—а главное, при ихъ безучастіи въ минувшемъ возстаніи, откуда бы взялся его 30 милліонный бюджетъ? Правительству очень хорошо извѣстны тѣ *весьма немногіе* изъ ихъ среды, которые относились безучастно и даже честно къ минувшей катастрофѣ, и которые, потому, выгорожены имъ отъ отвѣтственности предъ закономъ и отъ всѣхъ тѣхъ непріятностей, которыя достались имъ въ удѣлъ. Не всѣмъ, поэтому, къ лицу роль, «угнетенной невинности:» nemo laeditur nisi a samet ipso...

Но мы раскаялись въ нашемъ увлеченіи, мы желаемъ съ вами жить впредъ любовно и мирно,—заговорите вы. Полноте, господа! Пускай вѣритъ вамъ на „слово гонору"

„Вѣсть“, „Новое Время“ и кто либо другой, болѣющій сочувствіемъ къ вамъ либо легковѣріемъ, но мы вамъ не повѣримъ. Вы теперь каетесь потому, что больше пока дѣлать нечего, вы каетесь на словахъ, а въ глубинѣ духа строите противъ насъ новые ковы; вы мирны потому, что не можете бороться, что „справа“ ваша приняла дурной оборотъ, что своими объясненіями въ любви надѣетесь что либо выторговать у правосудія власти, незлобія Россіи. Да, говоря откровенно, мы и не хотѣли, и не успѣли, въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ, заслужить вашу любовь и дружбу въ такой степени, какъ вы увѣряете. Мы въ это время вынуждены были употреблять противъ васъ мѣры, далеко не располагающія къ тѣмъ чувствамъ, въ которыхъ вы объясняетесь и для которыхъ мы не находимъ основанія: мы укротили ваше „повстанье“; мы конфисковали и секвестровали имѣнія вашихъ друзей, родныхъ; мы обложили ваши помѣстья довольно чувствительнымъ процентнымъ сборомъ; мы приняли надлежащія мѣры противъ вашей религіозно-политической пропаганды на будущее время, мы—однимъ словомъ—поставили васъ и ваши надежды въ довольно стѣснительное положеніе; за чтожъ вы могли перемѣнить въ отношеніи къ намъ свои стародавнія, укоренявшіяся вѣками, чувства,—изъ неукротимыхъ враговъ преобразиться въ дружелюбныхъ и мирныхъ согражданъ, сосѣдей, когда мы не подали ни малѣйшаго повода къ такому крутому и безпричинному перевороту въ вашихъ симпатіяхъ? Да, господа, мы абсолютно не вѣримъ искренности вашихъ примирительныхъ и дружелюбныхъ увѣреній, какъ дѣйствію безъ причины, какъ явленію, не объясняемому ни исторіей, ни психологіей, ни ходомъ событій. Мы тогда повѣримъ искренности вашего примиренія, когда вы породнитесь съ нами душой и тѣломъ, когда вы сдѣлаетесь тѣмъ, кѣмъ было большинство вашихъ предковъ, когда вы de facto перестанете быть поляками—*папистами*. А до тѣхъ поръ, пока насъ будетъ раздѣлять эта религіозно-политическая пропасть, какъ можемъ повѣрить мы вашему дружелюбію, когда вы не представляете никакихъ фактическихъ, положительныхъ его доказательствъ, когда оно противорѣчитъ даже извѣстной вашей аксіомѣ: „до скончанія міра (пе

еводимъ порусски) не сдѣлается полякъ братомъ *москаля*.“?

Съ особеннымъ, заслуживающимъ лучшую участь, рвеіемъ «Вѣсть» занимается іеремiадой о 23% сборѣ, которымъ обложены имѣнія польскихъ землевладѣльцевъ. Эта іеремiада исчерпала свою тему до микроскопическихъ, можно сказать, инфузорій. Ловкій и усердный адвокатъ старается задѣть всѣ фибры сердца, всѣ отрасли политики, экономіи. Хлопоты его, точно, не напрасны: ударъ по карману, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ударъ по страсти къ революціямъ, — ударъ довольно чувствительный. Тутъ, вмѣстѣ съ интересами кліентовъ, страдаютъ посредственно и интересы адвоката: если, какъ увѣряетъ «Вѣсть», для взноса 23% сбора, панамъ приходится иногда продавать пріятное и даже необходимое; то имъ уже не совсѣмъ удобно бросать 10 рублей на выписку «Вѣсти». Горе, *сугубое* горе! Но, оставляя въ сторонѣ личный взглядъ на это горе «Вѣсти» и ея кліентовъ, посмотримъ на него съ тѣхъ же сторонъ, съ которыхъ смотритъ на него «Вѣсть», только взглядомъ болѣе здоровымъ и безпристрастнымъ.

Вѣсть усиливается доказать, что 23% сборъ не есть мѣра раціональная и цѣлесообразная—ни въ финансовомъ, ни въ политическомъ отношеніи. «Вѣсть» обязана говорить такъ по требованію своей профессіи, но во всякомъ случаѣ ея краснорѣчіе не выдержитъ самой поверхностной критики. Въ мотивахъ, которыми руководилась мысль, обложившая панскія имѣнія 23% сборомъ, элементъ финансовый такъ нераздѣльно соединенъ съ элементомъ политическимъ, что разсматривать ихъ отдѣльно почти невозможно. Поэтому просимъ снисхожденія у тѣхъ, кто замѣтитъ вторженіе одного изъ нихъ въ область другаго и постараемся, насколько то возможно, удовлетворить недавно употребленному слову: *почти*.

Коль скоро поступаетъ въ казну какой либо денежный сборъ, онъ уже составляетъ ея достояніе, капиталъ, приращеніе финансовъ націи. Стало быть 23% сборъ есть, вопреки увѣреніямъ «Вѣсти», съ одной стороны, мѣра финансовая. Это до того ясно, что тутъ оказываются излишними всякія мудреныя соображенія. Поступая на приходъ, казенные сборы идутъ, конечно, и въ расходъ.

Этотъ расходъ, какъ трата прихода на потребности общественныя, на нужды края или націи, есть расходъ далеко производительнѣе, необходимѣе и законнѣе всякаго расхода, производимаго частными лицами, которыя, пожалуй, могутъ употребить излишки своего достатка на сочиненіе хоть крошечнаго «повстанья». Западный край, состоя въ исключительномъ положеніи, требуетъ и особыхъ расходовъ, такъ сказать, двойнаго, въ сравненіи съ другими мѣстностями, бюджета, на удовлетвореніе двойныхъ его нуждъ. Въ этомъ краѣ, какъ окраинѣ Россіи, какъ воротахъ въ Россію, какъ въ области, умиротворенной только *снаружи,* — необходимо содержать относительно большую армію. Чиновники края, большинство которыхъ прибыло сюда изъ внутреннихъ губерній, для возмѣщенія людей, служившихъ большею частію по инструкціи «Польскаго катихизиса», естественнымъ образомъ, вовлекли правительство въ экстренные расходы на ихъ переселеніе, обзаведеніе, усиленіе ихъ контингента и средствъ, гарантирующихъ безбѣдное ихъ существованіе въ странѣ чужой, малопроизводительной и потому страдающей дороговизною жизненныхъ потребностей. Въ теченіи вѣковъ систематически угнетаемое и подавляемое, родное краю православіе требовало усиленныхъ средствъ къ его поднятію: къ возобновленію полуистлѣвшихъ, поруганныхъ, къ возстановленію уничтоженныхъ храмовъ православныхъ, къ превращенію сжимавшей сердце нищеты ихъ въ благолѣпіе, достойное святынь религіи господствующей, къ перестройкѣ, по разнымъ причинамъ, многихъ костеловъ въ церкви православныя, къ поднятію благосостоянія православнаго духовенства, отстоявшаго, вмѣстѣ съ народомъ, въ здѣшнемъ краѣ русскую вѣру и народность, ознаменовавшаго свою миссію подвигами исповѣдниковъ и мучениковъ и доведеннаго враждебною пропагандой до послѣдней степени нищеты и униженія. Вопіющая необходимость замѣнить польскую въ краѣ интеллигенцію русскою вызвала правительство на весьма значительные расходы, какихъ потребовало открытіе множества новыхъ и реформа прежнихъ народныхъ училищъ, со всѣми соприкосновенными къ этой мѣрѣ обстоятельствами. Содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній, по закону справедливости, должно бы, болѣе чѣмъ на по-

говину, относиться на долю привиллегированных здѣшних сословій, так как дѣтьми их переполнены гимназіи и прогимназіи и так как самое обиліе этих заведеній находится в связи с обиліем, или точнѣе— несоразмѣрным отношеніем привиллегированнаго сословія к непривиллегированному. Вот сколько крупных (не говорим о второстепенных) и неотложных расходов должно дѣлать русское правительство в здѣшнем краѣ, по случаю его исключительнаго и ненормальнаго положенія. А так как главною причиной этой исключительности и ненормальности края—*протеже* «Вѣсти», то весьма естественно требовать от них и восполненія хоть около четвертой (менѣе) части этих (экстренных) расходов, быть может и обременительных для нѣкоторых частных лиц, но за то полезных и неизбѣжных для общества, для края, для государства. А пользы общія, конечно, должны быть предпочитаемы пользам *нѣкоторых* недѣлимых.

Напрасно также «Вѣсть» усиливается ослабить политическое значеніе 23°|₀ сбора с польских имѣній; такое значеніе этого сбора очевидно и как нельзя больше цѣлесообразно. Если большинство польских землевладѣльцев присвоило себѣ когда то земли русскія незаконно, владѣли ими жестоко; если они из областей русских извлекали в свою безраздѣльную пользу весь их труд и производительность; если всѣ мысли и дѣйствія их были направлены к стушеванью в русской странѣ русской вѣры и народности; если они своими возстаніями разоряли край, вовлекали Россію в огромные расходы на подавленіе их бунтов, на реорганизацію страны,—то 23°|₀ сбор оказывается даже слишком слабым возмездіем историческим и юридическим для уничтоженія всѣх этих зол, для покрытія этих расходов. Напрасно, поэтому, «Вѣсть» вопіет: если это наказаніе, то гдѣ преступники? Стоит только ей сбросить с глаз то покрывало, которое мѣшает ей видѣть предметы в нормальном их видѣ и освѣщеніи, чтоб она увидѣла преступников. Они,—как это мы сказали и доказали выше,— составляют большинство обложенных теперь 23°/₀ сбором. Небудь они в большем или меньшем долгу

предъ Россіей, не было бы послѣдняго бунта, не было бъ его послѣдствій, въ томъ числѣ и того сбора, который такъ прискорбенъ для «Вѣсти» и ея кліентовъ, и которымъ, болѣе чѣмъ на половину, ослабляются силы враговъ и предотвращаются попытки къ повторенію прошедшаго.

Говоря о политической сторонѣ 23% сбора, мы не можемъ не натолкнуться на ту печальную картину, которую рисуетъ „Вѣсть", для возбужденія въ комъ слѣдуетъ состраданія къ *безвыходному* положенію польскихъ землевладѣльцевъ. По ея мнѣнію, имъ уже нечего продавать, поля ихъ не обработаны, не обсѣменены, они сами чуть не близки къ нищенской сумѣ. Эти преувеличенія объясняются весьма естественно: предметъ, лежащій на глазахъ, уже потому самому дѣлается невидимымъ; собственное горе располагаетъ къ расширенію его объема, преувеличенію его качества; страданія друзей „Вѣсти" невольно вводятъ въ ея элегію мотивы похороннаго марша; ей уже мерещится голодная смерть и кліентовъ, и адвоката, и самаго края. Насколько это воображаемое злополучіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, едвали нужно объяснять. Хотя „ржондъ народовый" произвелъ въ шкатулкахъ панскихъ, быть можетъ, втрое большую эксплуатацію, чѣмъ всѣ процентные сборы; но паны все еще не такъ нищи, какъ воображаетъ „Вѣсть:" они только поузили нѣсколько свои панскія замашки, сократили штатъ своихъ «дворовъ», стали играть «по маленькой», меньше проматываются за границей, сдѣлались, то есть, практичнѣй и предусмотрительнѣй, больше принимаютъ личнаго участія въ распоряженіяхъ по хозяйству, больше обратили вниманія на фабричное и заводское производство, на улучшеніе оброчныхъ статей и проч. А если бывали случаи (весьма рѣдкіе), что какой нибудь помѣщикъ, для своевременнаго взноса процентнаго сбора, поставленъ былъ въ нуждѣ, кромѣ предметовъ роскоши, продать крестьянамъ клочекъ земли, лѣсу, оброчную статью; то мы, по поводу этого несчастія, можемъ только повторить русскую пословицу: «нѣтъ худа безъ добра», а не предаваться, вмѣстѣ съ «Вѣстью», напрасному отчаянію; потому что, въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, земля попадаетъ въ руки самыя производительныя, бережливыя и благонадежныя и дѣлается

достояніемъ народныхъ массъ, составляющихъ оплотъ государства—политическій и экономическій, количественный и качественный.

Изъ предыдущихъ намековъ уже видно, что безвыходность положенія польскихъ землевладѣльцевъ относится къ самому крупному, такъ сказать, родовому преувеличенію «Вѣсти». Исходъ изъ этого положенія такъ простъ, естественъ, что мы изумляемся— мнимому или дѣйствительному—недостатку сообразительности адвоката польскихъ помѣщиковъ, его нежеланію или неумѣнью присовѣтовать имъ, къ облегченію своихъ затрудненій, мѣру самую цѣлесообразную. Вмѣсто того, чтобы продавать вещи завѣтныя и необходимыя, разставатьси съ фамильными портретами, имѣющими такую условную цѣнность и такое огромное значеніе для панскаго *гонора**), или что тоже—вмѣсто того, чтобы заниматься ощипываньемъ листиковъ на деревѣ злополучія,—отчего бы не вырвать съ корнемъ самаго дерева,—не продать, то есть, самаго имѣнія, или не промѣнять его на равноцѣнное имѣніе во внутреннихъ губерніяхъ? Правда, это радикально противорѣчило бы первому § извѣстнаго «Польскаго Катихизиса», строго-настрого запрещающему продавать панскія имѣнія «москалямъ» и даже приказывающему, всѣми возможными мѣрами, стараться выжить изъ края русскихъ помѣщиковъ; но чтожъ дѣлать, когда это самое благоразумное и дѣйствительное средство къ исходу изъ стѣснительнаго положенія, къ историческому возврату краю прежней, родовой его физіономіи, къ уничтоженію государства въ государствѣ, къ посильному, со стороны польскихъ землевладѣльцевъ, осуществленію мѣропріятій власти, не противныхъ духу указа 10-го декабря 1865 г., и къ нѣкоторому примиренію съ исторіей и съ нами, о которомъ такъ много говорятъ иные, но практическихъ признаковъ котораго мы—зрячіе туземцы не замѣчаемъ.—Не нужно забывать и того, что 23% сборъ не есть такая безпримѣрная и невыносимая экономическая тяжесть, какою воображаетъ ее «Вѣсть»: въ тѣхъ націяхъ, гдѣ обложены податью помолъ хлѣба, всякое окно, всякая дверь, всякій предметъ роскоши, всякое животное (не говоримъ о тягости поземельныхъ,

*) И по часту напоминающему имъ православно-русское происхожденіе.

рентныхъ и всякихъ другихъ налоговъ), весьма многіе благодарилибъ Бога и правительство за удѣленіе на нужды государства 23% со ста.

Всего несостоятельнѣе въ «Вѣсти» обобщеніе интересовъ польскихъ землевладѣльцевъ съ интересами края. Такъ какъ между интересами тѣхъ и другаго никогда не было и не будетъ ничего общаго, то историческія аксіомы, что польскіе землевладѣльцы никогда не удѣляли своихъ избытковъ на пользы общія: на поднятіе благосостоянія народа, на его образованіе, нравственность, здоровье, довольство, удобства путей сообщенія; что они безъ устали дрались съ безсильною властью и обществомъ за свои привиллегіи, за широтою которыхъ всегда такъ неразлучно слѣдовала тѣснота среднихъ, особенно низшихъ сословій, какъ тѣнь за тѣломъ; что они заботились только о своемъ избыткѣ, разгулѣ, *фацеціяхъ* (продѣлкахъ), произволѣ; что весь трудъ и производительность страны были поглощаемы ими безконтрольно, безраздѣльно, и что, слѣдовательно, край всегда въ такой же мѣрѣ бѣдствовалъ, въ какой мѣрѣ благоденствовали привиллегированныя сословія—паны и ксендзы. Что было всегда, то можетъ быть и теперь: и настоящее благосостояніе края находится почти внѣ всякаго отношенія къ бѣдности польскихъ землевладѣльцевъ,—болѣе, при томъ, чѣмъ на половину преувеличенной. Мы употребили слово *почти* не для ослабленія нашей мысли, а потому только, что не исключаемъ и польскихъ помѣщиковъ изъ общей массы населенія края. Но страданія (не забудемъ—преувеличенныя) этихъ недѣлимыхъ края такъ мало замѣтны—и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи, что едвали должно объ нихъ сокрушаться съ безутѣшностью «Вѣсти». Еслибъ эти страданія даже гармонировали съ іереміадой шляхетной газеты, и тогда онѣ относились бы къ страданіямъ края, какъ 15,000 (около) *) къ 11 мильонамъ. Но дѣло въ томъ, что большая половина этихъ страданій относится къ области вымысла, а другая—меньшая половина не причиняетъ краю тѣхъ бѣдъ, которыя пугаютъ «Вѣсть». Стоитъ только какому нибудь кабинетному мечтателю взглянуть теперь наблюдательнымъ окомъ на западную Россію, и онъ

*) Подлинную цифру опредѣлить теперь невозможно.

увидитъ картину, рѣзко противорѣчащую той іеремiадѣ, которою печалитъ себя и думаетъ разжалобить другихъ «Вѣсть». Народъ измѣняется къ лучшему—и нравственно, и матеріально—такъ рѣзко, такъ быстро, что не успѣваешь слѣдить за прогрессомъ его счастья. Надъ нимъ сбылись слова евангелія: «древнее миновалось, все настало новое». Свободный трудъ и сознаніе своей человѣчности такъ подняли уровень его быта, что съ трудомъ вѣришь дѣйствительности этого метаморфоза и недавняго злополучія, съ трудомъ убѣждаешься, что этотъ метаморфозъ произошелъ не въ теченіи пяти вѣковъ, а въ пять лѣтъ. Поля крестьянъ, и свои, и принанятыя, и прикупленныя у помѣщиковъ, прекрасно удобрены, обработаны, засѣяны; вмѣсто прежняго запустѣнія и въ избѣ, и на гумнѣ, и въ хлѣвахъ, вездѣ теперь обиліе и полнота; мѣсто лаптей заняли сапоги, заплатанное рубище смѣнила новая *свита* (зипунъ) и добрый кожухъ (тулубъ), первая даже нерѣдко изъ фабричнаго сукна; вмѣсто одной тощей—изъ костей и кожи—клячи, теперь у мужичка пара здоровыхъ воловъ, одна—другая кругленькая лошадь, двѣ—три коровы, три—четыре десятка разныхъ птицъ; не смотря на то, что крестьянинъ платитъ разныхъ податей гораздо больше 23% своей производительности, у него настолько завелись лишнія деньги, что нѣкоторые изъ нихъ знакомятся съ употребленіемъ сахару, обзаводятся самоваромъ, ѣздятъ въ телегахъ, окованныхъ желѣзомъ; не смотря на непроизводительность почвы сѣверозападныхъ губерній, у народа станетъ хлѣба до новой жатвы, у многихъ есть зерно и картофель для сбыта, въ краѣ не будетъ голода, отъ котораго страдаютъ теперь даже нѣкоторыя изъ хлѣбородныхъ губерній; то аксіома, что хлѣбъ народныхъ массъ питаетъ страну, тогда какъ большинство хлѣба помѣщичьяго, непосредственно, или чрезъ руки еврея, сбывается за границу, или идетъ на винокурни. Просимъ вѣрить «Вѣсть» и всѣхъ ея печальниковъ о бѣдствіяхъ края, что нарисованная сейчасъ картина не есть продуктъ кабинетной фантазіи, а фотографическій снимокъ съ натуры, и что нѣкоторыя затрудненія, нѣкоторыхъ польскихъ помѣщиковъ, нисколько не вліяютъ на положеніе страны.

Позаимствовавъ у своихъ кліентовъ довольно пріемовъ

іезуитской публицистики, „Вѣсть“ не брезгаетъ никакими средствами къ отстаиванью польскихъ интересовъ. Однимъ изъ такихъ пріемовъ есть предложеніе своихъ непрошенныхъ услугъ администраціи западной Россіи. На этотъ пріемъ особенно налегаетъ „Вѣсть“ при всякой перемѣнѣ администраціи въ краѣ. Лишь только она зачуетъ, — а чутье у нея, надо сознаться, весьма тонкое, — лишь только она зачуетъ, а тѣмъ болѣе—увидитъ эту перемѣну, тотчасъ забѣгаетъ администраціи впередъ, съ густымъ ѳиміамомъ лести, съ полною коллекціей низкопоклонства, коварныхъ совѣтовъ, опасеній, предостереженій, надеждъ, инсинуацій, ложныхъ доносовъ, клеветъ на лучшихъ людей края, на опаснѣйшихъ антагонистовъ польской справы (*). Намѣренія понятны: всякій разъ, когда только прежняя администрація заставляетъ „Вѣсть“ и ея друзей испытывать разочарованія, она старается отыскать въ ней какія нибудь пятна и пробуетъ удачи съ новой. Она дѣлаетъ это потому же, почему утопающій готовъ ухватиться за подставляемую ему бритву: она думаетъ выторговать у новой администраціи для своихъ протеже тѣ блага, которыхъ не могла добиться отъ прежней; легкомысліе, излишекъ фантазіи поляковъ постоянно увлекаютъ мысль ихъ и чувство въ область несбыточныхъ мечтаній и надеждъ. Но если намѣренія самыя честныя и общеполезныя теряютъ всѣ свои достоинства отъ неразумныхъ и преступныхъ пріемовъ къ ихъ осуществленію, то что сказать о намѣреніяхъ и пріемахъ „Вѣсти?“ И тѣ и другія — по меньшей мѣрѣ — безтактны и напрасны. Какой начальникъ края воспользуется инсинуаціями газеты, характеръ и направленіе которой пріобрѣли такую незавидную репутацію, намѣренія которой такъ расходятся съ намѣреніями огромнаго большинства общества и всѣхъ почти органовъ нашей прессы? Какой администраторъ предпочтетъ совѣты „Вѣсти“ внушеніямъ своего долга, своей совѣсти, своимъ личнымъ наблюденіямъ и соображеніямъ, пользамъ края и государства, Россіи и православія? Какой государственный мужъ станетъ руководствоваться инстру-

---

1) Тоже самое дѣлаетъ и „Новое Время“, но ей эти продѣлки какъ то сподручнѣе и родственнѣе.

ціями панской газеты, когда ему извѣстна воля и намѣренія русскаго Монарха, когда ему знакомы, для него дороги нужды общества, мѣры къ «обрусѣнію» края? Не сочтетъ ли правитель края излишнюю навязчивость «Вѣсти» въ соправители какимъ-то посягательствомъ на управленіе его мыслью, его чувствомъ, дѣятельностью? Если „Вѣсть“ не пойметъ силы этихъ вопросовъ, то мы изумляемся бѣдности ея смысла, а если пойметъ и будетъ упорствовать въ своей тактикѣ, то мы еще больше будемъ изумляться ея отвагѣ и упрямству.

Но мы должны кончить разъ навсегда бесѣду нашу съ „Вѣстью“ и просили бы ее, и съ своей стороны, не озабочиваться своими о насъ рекламами и ругательствами. Поэтому мы ничего не скажемъ ни объ урокахъ вѣжливости и литературнаго приличія, которые „Вѣсть“ имѣетъ отвагу преподавать другимъ, тогда какъ сама назвала лучшихъ людей въ западной Россіи „сумасбродами, сволочью,“ тогда какъ она истощила все краснорѣчіе распивочныхъ заведеній въ ругнѣ „Вѣстника Запад. Россіи;“ ни о пророчествѣ „Вѣсти,“ что польскія имѣнія, какимъ то чудомъ, вопреки ясной и непреложной Высочайшей волѣ, перейдутъ въ руки евреевъ; ни о задушевномъ ея желаніи, чтобы въ западной Россіи скорѣе открылись (или точнѣе даны были въ руки панамъ) земскія учрежденія, чтобы скорѣе были изгнаны изъ края люди, мѣшающіе осуществленію ея и друзей ея желаній; ни о примиреніи съ людьми, которые и не думаютъ съ нами *серьезно* мириться, и съ которыми мы и не думаемъ *напрасно* ссориться; ни объ обратномъ завоеваніи (sic!) западныхъ и привислянскихъ губерній, когда онѣ будутъ отняты у насъ поляками (sic!); ни объ «отдѣленіи полонизма отъ католицизма», ни о всякихъ другихъ мечтахъ, которыми переполнены разныя рубрики этой *шляхетной* газеты. Эти мечты, какъ продуктъ сердца и фантазіи, стоятъ внѣ всякихъ условій критики.

Мы только не можемъ пройдти молчаніемъ того іезуитизма въ публицистикѣ «Вѣсти», по внушенію котораго она всѣ свои парадоксы старается выводить (точнѣе прицѣпить) изъ аксіомъ гражданскихъ, получившихъ Высочайшую санкцію. Если только въ началѣ рекламы, не

редовой статьи, корреспонденціи и проч., «Вѣсть» задается указомъ 19 февраля, будьте увѣрены, что она займется трактаціей объ ужасныхъ послѣдствіяхъ свободы крестьянъ: о пьянствѣ, грабежахъ, разбояхъ, нищетѣ, голодѣ, и проч., будетъ сѣтовать объ освобожденіи народа ,,отъ власти высшаго сословія" и вопить о ,,необходимости установленія цѣльнаго, сильнаго организма властей [1]), не снизу, а сверху." Лишь только ,,Вѣсть" исходитъ изъ указа 10 декабря, рескрипта 13 мая, можете смѣло разсчитывать, что она будетъ хлопотать о панскихъ привилегіяхъ, о самоволіи простолюдья, трактовать о миролюбіи, привязанности къ Россіи польской шляхты, о незаконности и вредѣ репрессивныхъ въ отношеніи къ ней мѣръ, объ объятіяхъ, съ которыми встрѣчаетъ она русскихъ землевладѣльцевъ края и проч. и проч. Маневръ этотъ такъ надоѣлъ даже почитателямъ ,,Вѣсти", такъ противенъ условіямъ самой популярной логики, что можетъ возбуждать только саркастическую улыбку къ людямъ, думающимъ поймать кого нибудь на приманку такую грубую, безвкусную, такъ неудачно замаскированную. Очевидное дѣло, что Высочайшіе указы послѣдняго царствованія, положившіе иниціативу безчисленныхъ, благодѣтельныхъ, незабвенныхъ реформъ, проникшихъ всѣ фибры русской жизни,—не для ,,Вѣсти"; пусть же она и будетъ тѣмъ, чѣмъ хочетъ быть, пусть не прикрывается забраломъ тѣхъ законоположеній, борьбу съ которыми—прямую или косвенную—она сдѣлала своею задачей. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, откровеннѣе, если не безвреднѣе.

---

1) Тоже—крѣпостничества, въ другомъ только родѣ.

IV.

ЕВРЕЙКА-ТАЛМУДИСТКА. (*)

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ. ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ,—СЪ ПРОЛОГОМЪ.

(Продолженіе).

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

Дѣйствіе происходитъ тамъ же, гдѣ и прологъ, съ прибавленіемъ только множества ящиковъ съ сигарами. На одномъ столѣ стоитъ графинъ съ водой.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ (смотритъ въ окно). Какой сегодня прекрасный день!... Вотъ бы ѣхать куда нибудь за городъ, съ Ревеккой... Этакъ въ Закретъ попить тамъ парного молока, подышать чистымъ воздухомъ, связать ей вѣнокъ изъ васильковъ.... Право, не махнуть ли?... А Пазухинъ-то какъ же будетъ? Вѣдь онъ навѣрно прійдетъ ко мнѣ... Я ему такое письмо написалъ, что нельзя неприйти. [Ходитъ по комнатѣ]. Охъ, эта жидовка!... съума скоро меня сведетъ... Скверно только то, что она неприступна, какъ гранитная скала... Ужъ что я ни дѣлалъ, къ какимъ обольщеніямъ ни прибѣгалъ,—все по напрасну!... Даже досадно дѣлается, чортъ меня возьми!... Неужели все даромъ потраченное время, всѣ хитрости, подарки, деньги, хлопоты, все это должно пропасть безслѣдно и... Нѣтъ! И характеръ то мой хорошъ!... Ужъ если захотѣлъ чего, то давай непремѣнно... Фу! даже жарко дѣлается,

*) См 1 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

когда о ней думаю... [Думаетъ]. Ну, а что если она, какъ я замѣчаю—влюблена въ Пазухина, а что?.. что тогда. [Молчитъ]. Гмъ, что я сказалъ!... Какую чепуху сморозилъ! Да развѣ жидовка можетъ любить? Да развѣ эта хорошенькая мумія.... Чортъ знаетъ, что я такое говорю... Можетъ быть и любитъ?... Нѣтъ, ужъ лучше пускай она будетъ холодной муміей, неспособною любить ни кого, чѣмъ дѣвицей, любящей Пазухина... Изъ одного самолюбія тогда я готовъ провалиться сквозь землю... (Ходитъ и что то напѣваетъ). О, женщины, женщины, вы моя слабость... Сколько глупостей дѣлалъ и дѣлаю я въ своей жизни все для васъ, хорошенькія созданія! По правдѣ сказать, мнѣ вѣдь только дорогъ первый мигъ любовнаго угара; потомъ, я всегда дѣлаюсь равнодушнымъ къ той женщинѣ, которая увлекала меня... [Пожимаетъ плечами]. Такова уже моя натура!... Примѣромъ служитъ моя жена... [Ходитъ и насвистываетъ]. Вѣдь самъ знаю, что это скверно и подло, да что же прикажете дѣлать? Нельзя же изъ за этой глупости пересоздавать себя!.. А впрочемъ, я говорю это въ минуту волненія... Можетъ быть черезъ часъ я другое заговорю, я весь составленъ изъ противорѣчій... (Ходитъ и напѣваетъ):

«Ея любовь, казалась мнѣ,
«Недосягаемымъ блаженствомъ.
«Жить, умереть у милыхъ ногъ—
«Инаго я желать не могъ.»

Вотъ, что значитъ часто читать Пушкина! распѣваешь его стихи на каждый удобный случай... (Входитъ Иванъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Губанинъ и Иванъ.

Губанинъ. Ну, что сходилъ?

Иванъ. [Пошатывается]. Сходилъ-съ...

Губанинъ. И что же?

Иванъ. Ни чего-съ...

Губанинъ. Какъ—ни чего?

Иванъ. Да такъ-съ... Все какъ должно-съ...

Губанинъ. Да что должно-то?

Иванъ. Что должно-то?.. Извѣстно что... Супротивъ сытаго дѣльца нейдетъ...

Губанинъ. Кто нейдетъ?

Иванъ. Я ужъ вамъ докладывалъ.

Губанинъ (посмотрѣвъ на него). Ты пьянъ, Иванъ.

Иванъ. Пьянъ?... Гмъ!... А вы развѣ подносили мнѣ?...

Губанинъ. Я вижу, что ты пьянъ.

Иванъ. Плохо, значитъ, видите... Я всего двѣ рюмочки по наперсточку рябиновки выпилъ, а вы ужъ, сейчасъ и пьянъ!..

Губанинъ. Ты, Иванъ, становишься невыносимъ... И что это съ тобой сдѣлалось, я удивляюсь; дома ты почти вина въ ротъ не бралъ, а здѣсь запоемъ началъ пить...

Иванъ. Дома?!.. дома?!.. Дома-то другое дѣло, тамъ родимая сторона ... На сердцѣ тоска тамъ не ложится... А здѣсь просто волкомъ вою. Скука смертная,—родного-то мало... Ну вотъ я и горюю по своей дальней сторонкѣ. Только и отведешь душу, что выпьешь... Право, такъ... Дома-то Волга матушка, а здѣсь рѣка Вилія... Дома-то выйдешь на набережную, да поглядишь на рѣку-то родную, такъ сердце запрыгаетъ отъ радости... И пароходы-то, и барки-то и всякая всячина... А тамъ, глядишь возлѣ грудка лоцмана пѣсню поютъ... да такую, какую здѣсь развѣ въ тіятрѣ услышишь... Ну вотъ мнѣ и скучно, вотъ я и пью...

Губанинъ. Да ты мнѣ скажи, пожалуйста, отдалъ ты письмо Пазухину или нѣтъ?

Иванъ. Все какъ должно-съ...

Губанинъ. Просилъ ты его сюда?

Иванъ. Все какъ должно-съ...

Губанинъ. Ну что жъ онъ?

Иванъ. Ничего-съ... Все какъ должно...

Губанинъ. Придетъ онъ или нѣтъ?

Иванъ. Придетъ?!.. придетъ?!.. А почемъ я знаю—придетъ ли?...

Губанинъ. Да что же онъ тебѣ сказалъ?

Иванъ. Что?—Извѣстно что... кланяйся, говоритъ, своему барину, а моя нога, говоритъ, Иванушка, у него не будетъ больше...

Губанинъ. Такъ онъ не будетъ?

Иванъ. Извѣстно не будетъ...

Губанинъ (въ сторону). Ну, и слава Богу, если не будетъ.

Иванъ. Не хочешь ли, Иванушка, говоритъ рюмочку рябиновки? Отъ чего же сударь, я говорю, не хотѣть? ну и выпилъ одну...

Губанинъ. Ну что, онъ у тебя распрашивалъ о хозяйской дочери или нѣтъ?

Иванъ. Спрашивалъ... спрашивалъ... Что, говорятъ, твой баринъ съ ней дѣлаетъ, когда она бываетъ у него? А я говорю:

Губанинъ (Строго). А ты что?

Иванъ (Оправляясь). Ничего...

Губанинъ. Нѣтъ врешь, сказывай, что ты говорилъ ему?...

я знаю тебя, ты ее на всѣхъ углахъ чернишь... Говори, что ты ему сказалъ?

Иванъ. Не знаю, говорю, что дѣлаютъ...

Губанинъ. Дуракъ!...

Иванъ. Отъ васъ больше видно ничего не выслужищь.

Губанинъ. Ступай, проспись сперва, а потомъ я съ тобой буду говорить.

Иванъ. Буду говорить, буду говорить... Да вы спросили бы прежде меня, стану ли я съ вами разговаривать?.. «Буду говорить!..» Меня вамъ учить нечего, вы бы за собой-то смотрѣли... Я съ жидовками шашней не заводилъ... Да-асъ...

Губанинъ. Иванъ!!?...

Иванъ. Чего-съ?

Губанинъ. Не забывайся... Пошелъ вонъ, болванъ!

Иванъ. Эхъ, баринъ, баринъ не вводите меня пьянаго въ грѣхъ!... А то, я сейчасъ по телеграфу вашей супружницѣ дамъ знать, какую вы здѣсь комерцію завели... Право, такъ-съ!...

Губанинъ (Хочетъ что то сказать, но услыхавъ звонокъ останавливается). Ступай, отопри... Слышишь, звонятъ? Вѣрно Пазухинъ...

Иванъ. Слышу... Пускай звонитъ, не великій господинъ... Обождетъ... (Второй звонокъ).

Губанинъ. Ступай же, отопри, а то звонокъ оборвутъ...

Иванъ. Не смѣютъ оборвать... Къ мировому стащу...

Губанинъ. Здѣсь мировыхъ нѣтъ.

Иванъ. Полиція есть, а это еще хуже будетъ. (Третій звонокъ). Ишь его, лукавый понукаетъ. (Четвертый звонокъ). Иду, иду!... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Губанинъ одинъ, потомъ Мовша.

Губанинъ. Да вотъ, извольте видѣть... Онъ пьяный можетъ, дѣйствительно, кашу такую заварить. Телеграмму пошлетъ женѣ, ну и пошла писать!.. И валяй, Ермошка, во вся тяжкая!.. Что дѣлать, нужно терпѣть... (Вбѣгаетъ, запыхавшись, Мовша.)

Мовша (цѣлуетъ въ плечо Губанина). На сто тысячь лѣтъ, зелаю господину благородственному пану, быць здоровимъ... (кланяется).

Губанинъ. Здравствуй, Мовша... Что тебѣ?

Мовша. Ухъ! (Прищелкиваетъ). Ницево... Я тылько такъ... такъ... Мозетъ сто вамъ, ясновельможный баринъ, пузно?...

Губанинъ. Да пока ничего... Впрочемъ, сходи въ лавку,

кажи хозяйской дочери, чтобъ она принесла мнѣ ящикъ сигаръ, такихъ, какія я постоянно беру...

Мовша (оскаливъ зубы). Цигари?... Зацѣмъ вамъ цигари? У насъ есть много ихъ. (Показываетъ на множество ящиковъ).

Губанинъ (Посмотрѣвъ на него, говоритъ въ сторону). Какова рожа то!? [къ нему]. Много сигаръ, это правда, да толку то мало... Ты понимаешь меня? [Мовша дѣлаетъ неопредѣленные жесты, Губанинъ говоритъ въ сторону]. Не понимаетъ, и прекрасно (къ нему). Я люблю курить однѣ только сухія сигары, а у меня въ ящикахъ оказались все сырыя... Понялъ?

Мовша. Чи-такъ?... (Дѣлаетъ наивную рожу).

Губанинъ (Передразниваетъ его). «Чи-такъ?..» Ты, братецъ мой, говоришь такъ, что тебя самъ чортъ не разберетъ... Ну что это: «чи-такъ?..» говори, братецъ, по русски...

Мовша. Ну сто такое?—Ай-вай!... Я-зе и говорю по рюсски... Бо я самъ рюсскій еврей...

Губанинъ Ну ступай же, голубчикъ, позови... то есть прикажи, принести Ревеккѣ ящикъ сигаръ... Только, пожалуйста сухихъ.

Мовша. Заразъ... (Дѣлаетъ къ нему нѣсколько шаговъ и, оглянувшись назадъ, говоритъ таинственно). А ви знаете сто?...

Губанинъ. А что?

Мовша. Ухъ!... Гвалтъ, дали-Букъ, гвалтъ!...

Губанинъ. Да что такое?

Мовша. Господина пана Пазухина въ тюрьму хоцять посядиць...

Губанинъ. Въ тюрь—му!?!... За что?

Мовша. За долги...

Губанинъ. Кто?

Мовша. Одинъ закладцикъ изъ насихъ... Енъ узе и карманныя денезки внесъ... Меня господинъ Пазухинъ посылалъ къ нему попросить обоздать немнозко, а онъ не хоцетъ...

Губанинъ. Ну что же Пазухинъ?

Мовша. Ницево... стозе ему дѣлать, езели денегъ нема...

Губанинъ. А великъ ли долгъ?

Мовша. Цетириста рублей...

Губанинъ. Ну, а ты устрой какъ нибудь, что бы этотъ еврей обождалъ... Нельзя же заворотъ тащить!...Да еще въ тюрьму... Это, значитъ, навсегда его опозорить, осрамить...

Мовша. Такъ есть, такъ есть... осрямить...

Губанинъ. Ты попроси его обождать до бенефиса Пазухина...

Мовша. Просилъ, дали-Букъ, просилъ, да енъ нехоцетъ больсе здать... Карманныя деньги внесъ...

Губанинъ. Кормовыя, а не карманныя... Ахъ ты русскій!..

Мовша. Кормовыя, такъ... Извините, господинъ—панъ, обмувился...

Губанинъ. Жаль Пазухина, онъ славный малый...

Мовша. А такъ есть, такъ есть... Енъ славный, отлицны господинъ-панъ-баринъ...

Губанинъ. Какъ же тутъ быть то? [ходитъ по комнатѣ].

Мовша (Дѣлаетъ сладкую физіогномію). Мозетъ быть ви... ви.. ви ясносіятельная вася вельмозная благородственная—дворянска степенство помозете господину пану Пазухину?..

Губанинъ. Я? какимъ же это образомъ?...

Мовша (Въ голосѣ его слышится моленіе). Заплатите за него. Вамъ великая ясновельмозность цетириста рублей ницего не стоютъ... (Цѣлуетъ его въ плечо).

Губанинъ (помолчавъ). Что же?... Развѣ Пазухинъ говорилъ тебѣ объ этомъ?...

Мовша (какъ бы испугавшись). Ни, ни, ни!... Якъ пана Бога кохамъ, ни... Енъ мнѣ объ васъ ницего не говорилъ... Я ему сталъ говорить о васъ... [Мнется]. А енъ сказалъ, сто бы объ васъ я ему немувилъ...

Губанинъ. Ну самъ видишь, что помочь ему при всемъ моемъ желаніи, я не могу... Онъ не приметъ отъ меня денегъ, я знаю его хорошо, онъ гордъ, какъ дьяволъ...

Мовша. Ухъ! Ай-вай!—Мозно такъ сдѣлать, сто господинъ панъ Пазухинъ и самъ не будетъ знать, какъ ви ему помозете...

Губанинъ. Какъ же это такъ, я что-то не понимаю?

Мовша. Ви тылько заплятите этому еврею, возьмите отъ его вексель и науците еврея сказать пану-Пазухину, что онъ съ него будетъ здать до бенефиса... А тамъ ви сами получите съ него... Ну сто зе, развѣ это дурно, а?

Губанинъ. Геніально... Ай да, Мовша! истинный сынъ израиля!... Ступай, веди жо мнѣ этого жида, я куплю вексель... Рѣшено...

Мовша (цѣлуетъ его въ локоть). Заразъ! [Бѣжитъ].

Губанинъ. Да незабудь забѣжать къ хозяйской дочери...

Мовша. Цигаръ вамъ принести?—незапамятую и довиденія. [Убѣгаетъ].

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Губанинъ одинъ.

Губанинъ. Вотъ истинные друзья какъ дѣлаютъ, а еще Пазухинъ сердится на меня! Да для него я готовъ все отдать; все

[иск]лючительно, исключая Ревекки... Ну ее я не желалъ бы уступить. [(]Ходитъ по комнатѣ). Сегодня я придумалъ такое искушеніе, та[к]ую штуку, противъ которой устоять трудно... (Ходитъ и думаетъ). «А — а! — А! — а! (Заканчиваетъ руладой). Потомъ [п]одходитъ къ столу и беретъ книгу). Въ ожиданіи очаровательной жидовочки, заняться хоть чтеніемъ... Что это попа[л]ось мнѣ? [Читаетъ]. «Гигіена и усовершенствованіе человѣческой красоты въ ея линіяхъ, формахъ и цвѣтѣ». А ну-ка, [п]осмотримъ, что за книжечка. [Перелистываетъ и читаетъ]. «О красо[т]ѣ по поламъ» Ахъ вотъ это дѣло! (читаетъ) «Физическая красота [н]е одинакова у обоихъ половъ; признаки, характеризующіе ее, [р]азличны.» Кому же это ново? (Продолжаетъ читать). «У мужчины [к]ости крѣпки, мускулы...» (Читаетъ про себя). Гмъ... гмъ... гмъ... [(]Въ слухъ). «Женщина представляетъ болѣе нѣжное строеніе...» [(]Читаетъ про себя). Гмъ... гмъ!... (Въ слухъ). «Ея атласная кожа покрываетъ привлекательныя формы. (Перестаетъ читать и бросаетъ книгу). Должно быть авторъ сей Гигіены такой же рьяный обожатель женскихъ прелестей какъ и я... [Беретъ другую книгу]. Тутъ что? [Читаетъ]. «Мильда». (Читаетъ про себя, входитъ Ревекка).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Губанинъ и Ревекка.

Ревекка (держа въ рукахъ сигары). Что вы читаете, м-сье Губанинъ?

Губанинъ. Пардонъ, мадмоазель... Вы такъ тихо вошли, что я и не замѣтилъ...

Ревекка. Что вы читаете?

Губанинъ. Да вотъ про похожденія литовской миѳологической богини любви-Мильды... Про ея любовныя проказы, съ однимъ смертнымъ... (Присматривается ей). Что это?.. У васъ какъ будто глаза заплаканы?

Ревекка. Неужели?

Губанинъ. Увѣряю васъ... Посмотритесь въ зеркало.

Ревекка (Подходитъ къ зеркалу). Да, красны... Но это оттого, что я много терла ихъ рукою.

Губанинъ. Позвольте вамъ не повѣрить... Ваши глаза красны и *влажны,* а отъ тренія влажными они быть не могутъ. Да, наконецъ, и въ голосѣ вашемъ есть что-то такое музыкально-страдательное... Послушайте: не скрывайте отъ меня—вашего друга, ничего. Повѣрьте, что я способенъ на все (беретъ её за руку), на все, для васъ...

Ревекка (отнимаетъ руку). Вотъ сигары, позвольте получи за нихъ деньги. (Подаетъ ящикъ).

Губанинъ [Принимаетъ сигары, ставитъ ихъ къ прочимъ ящикам Сперва вы присядьте, потомъ побесѣдуйте, и тогда уже получаі деньги...

Ревекка. Извините... Но мнѣ, право, некогда сидѣть у вас меня дожидается....

Губанинъ (Перебиваетъ ее). Женихъ вашъ, скажете вы, как прежде?... Но я вамъ теперь не повѣрю... У васъ ни какого ж ниха нѣтъ... Довольно, если одинъ разъ меня надули.

Ревекка. Меня ждетъ въ лавкѣ мать... Позвольте же деньг за сигары. Право, мнѣ некогда.

Губанинъ. Присядьте сперва. (Показываетъ на стулъ).

Ревекка. Въ такомъ случаѣ пусть за вами будетъ... Я прид въ другое время [кланяется и хочетъ идти].

Губанинъ. (Забѣгаетъ). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не пущу!... Мнѣ нужно сообщить вамъ одно очень серьезное дѣло; удѣлите мнѣ пять минутъ,—прошу васъ (цѣлуетъ ея руку).

Ревекка. Дѣло вы скажете?

Губанинъ. И очень важное... Садитесь, пожалуйста (ставитъ стулъ).

Ревекка (Садится). Только, смотрите, не болѣе пяти минутъ, я и то рискую...

Губанинъ. Ну, полноте, чѣмъ вы рискуете?..

Ревекка. Не тратьте времени даромъ, скорѣе къ дѣлу. Говорите, какое имѣете до меня дѣло?

Губанинъ [Садится противъ нея]. А вотъ какое. (Смотритъ на нее). Я васъ люблю...

Ревекка (Дѣлаетъ движеніе). Это старая пѣсня...

Губанинъ. Сейчасъ будетъ новая...

Ревекка. Послушаемъ, умнѣе ли будетъ старой.

Губанинъ. Надѣюсь... Если не умнѣе, то во всякомъ случаѣ практичнѣе.

Ревекка. Продолжайте.

Губанинъ. Ревекка Давидовна! вы милы, очаровательны, прелестны, какъ Венера Милосская!...

Ревекка. Боже мой!—да говорите вы о дѣлѣ...

Губанинъ (Продолжаетъ). Глаза ваши сыплютъ искры, отъ которыхъ воспламеняется все, на что упадутъ онѣ; ваша улыбка, скользящая по милымъ губкамъ, какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ все осмысленное, живущее и любящее... Но ваше сердце! [Разводитъ руками и останавливается].

Ревекка. Что, мое сердце?—Продолжайте!

Губанинъ. Ваше сердце, извините меня, если я скажу: хо-
|но, какъ ледъ.

Ревекка. Въ этомъ я не виновата... Такой ужъ холодной
дана.

Губанинъ. Будто?... Ужели вы не способны воспринимать
кественныя чувства Мильды?

Ревекка [Разсѣянно]. Какія чувства?

Губанинъ. Которыя вливаетъ въ сердце сама Мильда, ли-
вская богиня любви... Вотъ я только что читалъ брошюрку
ей. Она богиня, и то любима, а вы смертная, и держитесь
риступнѣй богини... Этимъ вы оскорбляете Мильду!..

Ревекка. Мнѣ помнится что я тоже читала кантату о Миль-
... Но за любовь къ смертному она была изгнана богами съ
говскаго Парнасса на землю.

Губанинъ [Перебиваетъ ее]. Такъ, такъ, на землю, ваша прав-
... Въ Литву ее согнали, разливать свой нектаръ въ сердца лю-
й; вотъ даже есть стихи къ этому, послушайте, я прочту (чи-
етъ).

«Пала ты Мильда; но надъ сердцами,»
«Ты сохранила тѣже права.»
«Счастья свѣтило! Ты между нами:»

акъ вотъ видите, богиня любви между вами, всѣмъ расточаетъ
руями блаженство, всѣ съ благодарностью принимаютъ его,
олько одна вы, гордая, не хотите воспользоваться услугами
ильды!... [Смотритъ на Ревекку, которая во время чтенія задумалась].
а что съ вами?... О чемъ вы думаете?

Ревекка. Такъ, ни о чемъ... Продолжайте, я слушаю!

Губанинъ. Нѣтъ, вы сегодня на себя не похожи. Вѣрно лѣ-
ой ногой съ кровати ступили?...

Ревекка (Вздыхаетъ). Да, лѣвой...

Губанинъ. Боже мой! какъ вы вздыхаете!... Да скажите,
ади Бога, что это съ вами? Откройте мнѣ ваши завѣтныя думы,
желанія, я вамъ открою свои (беретъ ее за руку). Повѣрьте, Ревек-
ка Давидовна, я васъ такъ люблю, такъ люблю, что готовъ ис-
полнить все, что вы захотите... Всякое ваше желаніе для меня
законъ... Требуйте отъ меня, чего хотите, все сдѣлаю, только...
(Голосъ его дрожитъ) подарите меня вашей взаимностью... вашими
ласками... и я готовъ на всѣ жертвы!...

Ревекка. Скоро ли вы начнете о дѣлѣ то? Вѣдь пять мину прошли...

Губанинъ [Смотритъ на нее и цѣлуетъ руки]. «Ни на волосъ лн ви. Куда какъ хороши,» скажу вамъ словами Грибоѣдова... А ме ду тѣмъ, я въ бѣшенство прихожу отъ любви къ вамъ.

Ревекка. Вы, пожалуй, кусаться начнете?!

Губанинъ. Я готовъ не только укусить васъ, а цѣлико проглотить даже, безъ всякаго гарнира...

Ревекка. Какой вы обжора!

Губанинъ (Вздыхаетъ). Да, нельзя не быть прожорливымъ Послушайте, Ревекка Давидовна! Ужели вы свою золотую сну хотите омрачить осенней холодностью?... Ужели вамъ н вится постылое одиночество?... [Беретъ руку и цѣлуетъ]. Въ ва лѣта только и любить, только и наслаждаться любовью, вы хотите идти на перекоръ природѣ!... Вѣдь любить то ко тогда хорошо, когда на лицѣ цвѣтутъ розы, когда нѣтъ е линій, которыя накладываетъ время... Вы сами впослѣдст будете жалѣть объ этомъ времени, даромъ потраченномъ и не грѣтомъ любовью. Раскаяваться будете, но будетъ поздно... По майте хорошенько, жизнь наша... жизнь наша...

Ревекка. Безконечный трудъ—хотите вы сказать?

Губанинъ. Пожалуй и такъ... Жизнь есть безконечный труд согласенъ съ этимъ... Но, при физическомъ трудѣ, человѣку нео ходимо духовное занятіе, это занятіе есть любовь... Да и наконе при трудѣ необходимъ для женщины помощникъ, для мужчины п мощница... Это законъ природы, съ которымъ спорить нель послушайте, Ревекка Давидовна, согласитесь на мое предложені

Ревекка. На какое предложеніе?

Губанинъ. Полюбите меня взаимно, повѣрьте, что я бу отличный помощникъ... Вы мой кумиръ, которому готовъ служи до самой могилы... Полюбите!...

Ревекка. (Перебиваетъ его). «Любить... но кого же?... на вр мя—не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно.»

Губанинъ. Вы Лермонтова цитируете... Въ такомъ случа потрудитесь хорошенько вдуматься въ слова: «на время—не ст итъ труда,»...

Ревекка. Нѣтъ, я на время не могу любить; ужъ если л бить, такъ любить вѣчно.

Губанинъ. Клянусь вамъ Богомъ, что я буду любить вас вѣчно, что я не могу измѣнять любимой женщинѣ, что я...

Ревекка. Скажите, пожалуйста, по чемъ вы платили за ар шинъ этого сукна? (Показываетъ на сюртукъ).

Губанинъ. Это сукно съ моей фабрики... Такъ какъ же, Ре-
ѣкка Давыдовна, ужели вы....?

Ревекка. Что это, скажите пожалуйста, рубашка ваша ба-
тистовая, или голландская?

Губанинъ. Батистовая...

Ревекка. Почемъ платили за дюжину?

Губанинъ. Полтораста рублей...

Ревекка. [Перебиваетъ его]. Вы дорого платили за сорочки;
здѣсь можно дешевле достать.

Губанинъ. Э, Богъ съ ними!... Ахъ, Ревекка Давидовна! вы
такъ очаровательно прекрасны, такъ граціозны, что кажется сама
природа создала васъ только для любви... А вы отвергаете ея
дары, не хотите пошировать жизнію... Зачѣмъ вы не испытаете,
какъ сладокъ пиръ жизни?!..

Ревекка. Ахъ я и забыла спросить у васъ, скажите, вы лю-
бите дичь?

Губанинъ. Нѣтъ... Да и вы, кажется, также, потому что
всякая дичь для васъ *трефъ*.

Ревекка. Вотъ поэтому то я ее и *не слушаю*. (Смѣется).

Губанинъ. [Обидѣвшись]. Такъ, по вашему, я дичь говорилъ?

Ревекка. Да... стрѣляли...

Губанинъ. Какъ это «стрѣляли?»

Ревекка. Очень просто... Вы говорили то, чему не сочувство-
вали... Что приходило вамъ въ эту минуту въ голову, то и го-
ворили; по моему, это также стрѣльба, холостыми зарядами...

Губанинъ. Что же вы этимъ хотите сказать? что я обма-
нываю васъ, такъ, что ли?

Ревекка. Да, вы говорили неправду.

Губанинъ. Неправду?... Вотъ какъ!... Въ такомъ случаѣ
прошу васъ доказать, что я говорилъ неправду.

Ревекка. Извольте, если вы хотите... Во первыхъ, вы чело-
вѣкъ женатый, у васъ молодая супруга... Вы любили свою жену
до вѣнца безумно; вы клялись ей въ вѣрности и неизмѣнности,
и сами были убѣждены, что говорили правду...

Губанинъ. Откуда извѣстны вамъ такія подробности?

Ревекка. Вотъ это мило... «Откуда!»... Да вѣдь вы сами
давали мнѣ читать вашъ дневникъ... Ваши бесѣды съ самимъ
собой...

Губанинъ. Ахъ да, да, да!... Пардонъ, забылъ... Продолжайте.

Ревекка. Потомъ, женившись, вы, какъ сами говорите, послѣ медоваго мѣсяца, охладѣли къ своей супругѣ. Полюбили какую то Соничку, потомъ влюбились въ Черкешенку, а когда и она вамъ наскучила, вы кинулись къ ногамъ какой то Оляньки... Потомъ...

Губанинъ. А это какъ вамъ извѣстно?

Ревекка. Да все изъ вашего дневника.

Губанинъ. [Въ сторону]. Проклятый дневникъ!

Ревекка. И теперь вы увѣряете меня въ своей пріязни и любви?...

Губанинъ. Не только увѣряю, но клянусь...

Ревекка. Э, полноте? (Смѣется). Ваши клятвы и увѣренія только въ силѣ до первой встрѣчи съ хорошенькой женщиной... Спросите свою память,—сколько вы женщинъ любили, скольким клялись, измѣняли. Не придется ли бѣжать въ лавку за счетами?.. Такъ какъ же вамъ вѣрить послѣ этого?

Губанинъ. Моя любовь къ вамъ будетъ послѣдней, клянусь честью, послѣдней; мое сердце будетъ принадлежать на вѣчныя времена только вамъ одной...

Ревекка. И вы думаете что я повѣрю вамъ?! (Смѣется). Это забавно... Не тратьте по пустому словъ... Вините вашъ дневникъ, ваши бесѣды съ самимъ собой. Если бы я не читала его, то, быть можетъ, и повѣрила бы вашимъ словамъ, а теперь... (Качаетъ отрицательно головою) не вѣрю... Да и наконецъ, если бы вы любили меня, то не стали бы предлагать мнѣ унизительныя условія. Но я не оскорбляюсь на васъ за это, потому что къ подобнымъ нахальнымъ предложеніямъ я привыкла. Да и какъ оскорбиться бѣдной еврейкѣ, родители которой заставляютъ, ради своихъ выгодъ, равнодушно сносить ихъ? Чѣмъ она, наконецъ, можетъ заявить свой протестъ противъ дерзостей нахаловъ?— Ругательствомъ? но на ругательство она получитъ въ избыткѣ тоже самое... (Закрываетъ глаза). Фу! даже душно становится, когда подумаю, сколько я перенесла разнаго рода оскорбленій и обидъ отъ мужчинъ!... (Маленькое молчаніе). Что вы такъ на меня смотрите?

Губанинъ. Ничего, ничего... Продолжайте, я слушаю.

Ревекка. И хорошо дѣлаете, потому что я говорю это въ порывѣ откровенности... Такой часъ на меня нашелъ... Прошу васъ, бросьте ухаживать за мной... Вѣдь вы ничего отъ меня не

ѳбьетесь, это я вамъ говорю откровенно и серьозно... Денегъ я ашихъ не возьму; любить васъ не могу...

Губанинъ. Почему же?

Ревекка. Потому что не могу...

Губанинъ. Меня только не можете любить, или никого?

Ревекка. Да, именно васъ...

Губанинъ. Благодарю за откровенность.

Ревекка. Не стоитъ благодарности... Въ ней ничего дурнаго ѣтъ.

Губанинъ. (Кусая губы). Конечно!...

Ревекка. Будемъ-те друзьями, только, ради создателя, не оскорбляйте меня вашими предложеніями!... Я ихъ не прійму... Вы дивляетесь, что жидовка не возьметъ денегъ?—Что дѣлать! Есть ѣрно и жидовки, имѣющія понятіе о деньгахъ и о чести. (Щелкаетъ пальцемъ). Если будете думать противное о лавочницахъ, то ошиетесь, какъ ошиблись теперь.

Губанинъ. Я впередъ буду думать, что у этихъ лавочницъ врееКъ, вмѣсто сердца, пучекъ чесноку.

Ревекка. Вотъ вы уже начинаете говорить колкости за то, то я вамъ честно высказалась... Вы несправедливы, м-сье Губаинъ...

Губанинъ. Ни какихъ вамъ колкостей я не говорилъ, я хоѣлъ сказать, что еврейки лавочницы не могутъ любить...

Ревекка. Нѣтъ, напротивъ, и онѣ любятъ; (Значительно) только, конечно, не всѣхъ же..

Губанинъ. Ну, конечно, конечно... Но мнѣ бы хотѣлось знать, почему я вамъ не нравлюсь?

Ревекка. Да просто потому, что вы не въ моемъ вкусѣ... ясно?

Губанинъ. Напротивъ, пасмурно... Желалъ бы я знать, кто въ вашемъ вкусѣ,—ужъ не Пазухинъ ли?..

Ревекка. Нѣтъ...

Губанинъ. А мнѣ кажется—онъ..., потому что онъ сказалъ мнѣ самъ, что вы ему отвѣчаете.

Ревекка. Онъ вамъ сказалъ?!!..

Губанинъ. Да, за это-то мы съ нимъ и поссорились...

Ревекка. Онъ вамъ сказалъ?!.. Да вы не шутите?

Губанинъ. Увѣряю васъ, что правда...

Ревекка. Странно!... Я ему не давала на это ни какаго права... Или, быть можетъ, онъ пошутилъ... (Встаетъ). Однако мнѣ пора, вмѣсто пяти минутъ я просидѣла полчаса... До свиданья... Надѣюсь, что нынѣшній разговоръ останется между нами...

Губанинъ. О, конечно!... Только, видите ли, что я вамъ

хотѣлъ бы сказать... Послушайте, Ревекка Давидовна!... Какъ бы это вамъ выразить?...

Ревекка. Что такое?.. (Смотритъ на него). Какъ у васъ горятъ глаза!...

Губанинъ. Не мудрено; я весь въ огнѣ...

Ревекка. (Улыбаясь). Не прикажете ли крикнуть пожарныхъ?

Губанинъ. Моего пламени водой не зальете... Послушайте, Ревекка Давидовна! Да неужели вы?... Ахъ, Боже мой!... Зачѣмъ же вы кокетничали со мной?..

Ревекка. Я съ вами кокетничала? Здоровы ли вы?...

Губанинъ. Нѣтъ, нездоровъ... Я чувствую, я чувствую, что что-то такое дьявольское со мной дѣлается... Я не ручаюсь за себя... Бѣгите отъ меня прочь, или я... Нѣтъ, постойте, постойте, еще минуту!... Вы только подумайте, что чрезъ нѣсколько лѣтъ мы съ вами будемъ въ могилѣ, что все это, что видите вы, исключая любви, — ничтожество.. Ахъ, Боже мой, что я говорю!.. Вотъ, что вы со мной сдѣлали; вотъ смотрите, любуйтесь на меня... Ревекка Давидовна, скажите, чего вы желаете; я все, рѣшительно все исполню...

Ревекка. Ничего мнѣ отъ васъ не нужно... Прощайте. [Хочетъ идти].

Губанинъ. (удерживаетъ ее). Нѣтъ, постойте... Я такъ васъ не пущу, вы должны... Вы должны покрайней мѣрѣ...

Ревекка. Напротивъ, вы должны мнѣ за сигары, я сейчасъ пойду въ лавку и запишу въ книжечку.

Губанинъ. [Посмотрѣвъ на нее]. Нѣтъ, не записывайте, я сейчасъ вамъ отдамъ (Вынимаетъ бумажникъ и отдаетъ). Получите за сигары.

Ревекка. Благодарю васъ.

Губанинъ. (Вынимаетъ изъ портфеля билеты и показываетъ ей). А вотъ и билеты.. Видите, какъ много ихъ въ этой пачкѣ? Возьмите; съ ними вы много сдѣлаете въ жизни, вѣдь они въ настоящее время...

Ревекка. (Досказываетъ). Ничтожество!

Губанинъ. Какъ, ничтожество!? они главный мировой двигатель..

Ревекка. Но вы сами, минуты двѣ тому назадъ, говорили, что все, что видимъ мы, — ничтожество... Не будьте же фразеромъ.

Губанинъ. Да, я говорилъ, и не отпираюсь.. Дѣйствительно все, что видимъ мы, исключая любви, ничтожество. Одна только любовь безсмертна и вѣчно будетъ господствовать въ сердцахъ у людей. Но такъ какъ до настоящаго времени еще не узнали

ученые, что такое любовь, рождается ли она, какъ и у всѣхъ животныхъ, на землѣ, или посылается намъ съ неба, то я ее дѣлаю предметомъ невещественнымъ, и видимое вами ничтожество (показываетъ на пачку денегъ) есть только прилагательное того чувства, которое я къ вамъ питаю...

Ревекка. Послушайте, вы человѣкъ богатый; тѣ деньги, которыя вы хотите пожертвовать мнѣ—отдайте бѣднымъ города Вильны.. Ихъ много у насъ... Раздайте сами и повѣрьте, что послѣ этого добраго дѣла вас не будетъ мучить раскаяніе, въ такой щедрости; напротивъ, у васъ не только минуты, часы, дни, а мѣсяцы и годы будутъ блаженно-спокойны... Да наконецъ, скольким семействамъ вы доставите средство къ существованію; скольких бѣдняковъ вы сдѣлаете на нѣсколько лѣтъ безбѣдными! Если же вамъ пришлось бы мнѣ отдать эти деньги, то впослѣдствіи какъ бы вы жалѣли и раскаявались!...

Губанинъ. Сохрани меня Богъ!...

Ревекка. Полноте, полноте... Это вы говорите теперь, когда объяты пламенемъ, а когда пылъ этого огня пройдетъ и вы прійдете въ нормалное состояніе, то откажетесь отъ своихъ словъ.

Губанинъ. Позвольте васъ поцѣловать!?!

Ревекка. (Дѣлая къ двери движеніе). Нѣтъ, не позволяю.

Губанинъ. [Загораживаетъ ей дорогу]. Вѣдь только поцѣловать?!

Ревекка. А вамъ этого мало?

Губанинъ. А для васъ это много?

Ревекка. Конечно... Впрочемъ, вы въ такомъ настроеніи, что съ вами опасно говорить [Дѣлаетъ движеніе].

Губанинъ. Я пожертвую эти деньги бѣднымъ людямъ, какъ вы желаете; только позвольте васъ поцѣловать.

Ревекка. Когда пожертвуете, тогда я васъ сама поцѣлую, а теперь досвиданья.

Губанинъ. Нѣтъ ужъ извините... [Обнимаетъ ее и цѣлуетъ, въ это время входитъ Пазухинъ и, увидѣвъ поцѣлуй, останавливается, какъ вкопанный].

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣже и Пазухинъ.

Ревекка. [Не видавъ Пазухина, вырывается изъ объятій Губанина]. Это наглость!... вы забылись!...

Губанинъ. (Увидѣвъ Пазухина, говоритъ въ сторону). Э... чортъ его принесъ!...

Пазухинъ. (Сдерживаетъ свое волненіе и обращается къ Губанину). Такъ вы за этимъ меня звали, что бы полюбоваться на эту картину?... Придумано прекрасно!

Губанинъ. (къ нему). Здравствуй (подходитъ къ нему). Ну ты опять начнешь?...

Пазухинъ. Прошу васъ дальше...

Губанинъ. Да что съ тобой? Ужели такая глупость тебя тревожитъ?...

Пазухинъ. (Не слушая Губанина). Картина дѣйствительно прекрасная; но вы напрасно расчитывали на ея эффектъ... Его она не сдѣлала... Вы думали что я упаду въ обморокъ и заранѣе торжествовали, видя меня лежащимъ безъ чувствъ... Да, было бы смѣшно и глупо, если бъ это случилось; къ счастью, я умѣю хорошо владѣть собой. И теперь не вы, а я торжествую; ваша картина открыла мнѣ глаза, теперь я вижу все ясно и все здраво понимаю... Мнѣ жаль прошедшаго, не потому что я любилъ безумно, нѣтъ, а просто потому, что былъ игрушкой одной женщины—виноватъ, дѣвицы, которая ничто иное, какъ сфинксъ...

Ревекка. (Почти плача). За что же вы-то меня оскорбляете? Развѣ я виновата, что меня одинъ наглецъ поцѣловалъ насильно...

Пазухинъ. [Смѣясь]. «Насильно»!... Перестаньте морочить меня, я вамъ уже сказалъ сейчасъ, что все теперь вижу ясно... Впрочемъ, о васъ я больше ничего не скажу, потому что упреки и сѣтованія мои для васъ будутъ непонятны. Вамъ смѣшно будетъ... Разбили жизнь человѣку, отчего же не смѣяться?!... Для васъ это должно быть великимъ утѣшеніемъ. Впрочемъ, вамъ истинная любовь неизвѣстна... Вы кокетничали со мной, теперь кокетничаете съ Губанинымъ, будете кокетничать и обирать еще многихъ, желаю вамъ успѣха въ этомъ и умолкаю. (Обращается къ Губанину). А вамъ, молодой человѣкъ, стыдно смѣяться надъ прежнимъ своимъ товарищемъ, который любитъ и котораго обманывали... Вы сами любите, какъ вижу я теперь... Я никакъ не ожидалъ, что вы настолько будете подлы...

Губанинъ. Расходился, какъ пѣтухъ индѣйскій. Да выслушай же насъ...

Пазухинъ. Имѣйте мое сердце и, послѣ той картины, которую я видѣлъ сейчасъ и послѣ того, что слышалъ часъ тому назадъ отъ этой дѣвицы, которую вы сейчасъ поцѣловали, и вы поймете состояніе моего духа. Но, помните, м-сье Губанинъ, за эту шутку надмной я сдѣлаю съ вами то, чего вы никогда не ожидали.

Губанинъ. Что именно?

Пазухинъ. Я вамъ отомщу.

Губанинъ. (Смѣясь). Сдѣлайте милость.

Пазухинъ. Да еще такъ отомщу, что...

Губанинъ. Пожалуйста, дѣлайте все, какъ знаете, только не

пугайте меня... Я васъ не боюсь, да и прошу васъ повоздержаться отъ неумѣстнаго крика, здѣсь не кабакъ.

Пазухинъ (Посмотрѣвъ на него говоритъ съ презрѣніемъ). Знаю, что я не въ кабакѣ, но тѣмъ не менѣе съ людьми весьма не порядочными... [Уходитъ, хлопнувъ дверью].

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

тѣже безъ Пазухина.

Ревекка. (Въ слезахъ). Ну, вотъ видите... видите, что вы надѣлали?!... Какъ вамъ не стыдно, милостивый государь!... Что теперь подумаетъ Пазухинъ?...

Губанинъ. Охота вамъ обращать вниманіе на слова какого нибудь сумасшедшаго Пазухина! Что онъ вамъ гувернеръ, отецъ или супругъ, что такъ дорожите его мнѣніемъ?...

Ревекка. Онъ... онъ очень порядочный молодой человѣкъ и я дорожу мнѣніемъ его... Теперь онъ Богъ знаетъ, что подумаетъ.

Губанинъ. Порядочный! (Смѣется). Порядочность его вы видѣли сейчасъ... Развѣ порядочный человѣкъ можетъ оскорбить женщину...

Ревекка. Что вы говорите? Его оскорбленіе въ сравненіи съ вашимъ ничего не значитъ... Вы меня такъ оскорбили, что я не нахожу словъ....

Губанинъ. (Улыбаясь). Можетъ быть потому вы и плачете?

Ревекка. Ахъ, какой вы дерзкій, какой вы скверный, какой вы гадкій!...

Губанинъ. Будто?

Ревекка. Теперь это разойдется по всему городу, узнаетъ отецъ, узнаютъ...

Губанинъ. Не безпокойтесь, некому говорить будетъ объ этомъ... Пазухина не сегодня, такъ завтра посадятъ въ тюрьму...

Ревекка. Въ тюрьму!?—за что?

Губанинъ. [Смотритъ на нее]. За долги...

Ревекка. За долги?—Вотъ какъ!... Я не знала, что онъ долженъ...

Губанинъ. Четыреста рублей... Отъ души желаю ему сѣсть поскорѣе и просидѣть подольше...

Ревекка. Конечно... Прощайте.

Губанинъ. Ручку, ручку, ручку!... (Забѣгаетъ къ ней).

Ревекка. (Строго). Если только вы приблизитесь ко мнѣ, то я такой подниму гвалтъ, что всѣ сосѣди сбѣгутся. Лучше не подходите. (Губанинъ даетъ мѣсто). Вотъ такъ-то... Эхъ вы, м-сье Гу-

банинъ, въ другихъ вы находите милліарды недостатковъ, въ себѣ только одни достоинства, вы слѣпы... Прощайте (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Губанинъ одинъ, потомъ Мовша.

Губанинъ. (Немножко подумавъ). Теперь сомнѣній больше нѣтъ, что она его любитъ... (Поправляетъ свои волосы). Я съ носомъ... (Ходитъ по комнатѣ). Вотъ тебѣ и жидовка!... Да и за дѣло мнѣ, ей Богу, за дѣло. (Подходитъ къ столу, наливаетъ изъ графина въ стаканъ воду и пьетъ). Не влюбляйся въ первую встрѣчную - поперечную... Не будь самонадѣяннымъ повѣсой, глупымъ волокитой... Э, чортъ возьми!... Такъ сдѣлалось мнѣ жарко, что даже во рту сохнетъ (Подходитъ къ столу, наливаетъ воду и пьетъ). Ѣхать въ ванну, а то, пожалуй, воспаленіе можетъ случиться... Фу... фу!.. (Вбѣгаетъ Мовша).

Мовша. (Вбѣгаетъ и цѣлуетъ Губанина въ плечо). Какъ вы приказали, такъ и сдѣлалъ... Енъ присолъ.

Губанинъ. Кто?

Мовша. А енъ самій... Закладцикъ изъ насихъ, которому господинъ-панъ Пазухинъ долзенъ цетыреста рублей... Ви, ясносіятельное благородство, обѣсцялись заплатицъ за пана Пазухина...

Губанинъ. Вотъ дурака нашелъ!... За всякаго знакомаго я обязанъ платить... Да этакъ никакихъ денегъ не хватитъ.... (Пьетъ воду).

Мовша. Но ви, васе благородственное панство, сами зелали выруцить господина Пазухина?...

Губанинъ. Убирайся ты къ чорту, съ закладчикомъ и съ Пазухинымъ!... Пусть его сажаютъ въ тюрьму, я самъ за это готовъ заплатить...

Мовша. Ци такъ?

Губанинъ. Пошелъ вонъ, я тебѣ говорю; ты мнѣ надоѣлъ... Ну!...

Мовша. Заразъ, заразъ. (Дѣлаетъ движеніе къ двери и оборачивается къ Губанину). А сколько вы дадите, васа ясновельмозность, сто бы посадиць пана Пазухина въ турму?

Губанинъ. Ахъ, уйди ты пожалуйста, съ моихъ глазъ, а то не пеняй... (Показываетъ кулакъ).

Мовша. Заразъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Губанинъ, потомъ Иванъ.

Губанинъ. (Ходитъ по комнатѣ). О самолюбіе, самолюбіе!... Въ настоящее время я готовъ убить Пазухина. (Входитъ Иванъ).

Иванъ. (Идетъ, шатается и рукой что-то ловитъ въ воздухѣ, какъ ловятъ муху). Постой, косолапый, я тебя поймаю... (Сжимаетъ кулакъ) Ага!... Попался длиннохвостый чортъ!... Вотъ, я тебя!... (Опускается на стулъ).

Губанинъ. (Посмотрѣвъ на Ивана). Ну, часъ отъ часу не легче, баринъ до чертиковъ влюбился, а лакей до чертиковъ напился... Нужно скорѣе убираться отсюда. (Пьетъ воду).

Иванъ. (Прищелкиваетъ). Ходи, ходи, катай, валяй... фью! (Свищетъ). Изловилъ... Ага!... (Прикладываетъ руку къ уху). Жужжитъ!...

(Конецъ 2-го дѣйствія).

С. Калугинъ.

ДИССОНАНСЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

(Изъ вчерашняго).

> Что-жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобою смѣяться.
>
> Гоголь.

I.

Широко раскинулся губернскій городъ *...ъ на некрутыхъ берегахъ одной, довольно большой, рѣки, занимающей почетное мѣсто на картѣ Европы. Далеко расползлись во всѣ стороны его грязныя и неопрятныя улицы и скрываются въ сѣрой, туманной дали. Звукъ его колоколовъ слышенъ за пять верстъ и предупреждаетъ васъ о приближеніи къ большому городу. Не доѣзжая къ нему трехъ верстъ, по петербургскому шоссе, вы поднимаетесь на небольшую возвышенность, и взорамъ вашимъ представится лощина, окаймленная зеленѣющими холмами и буграми. Въ глубинѣ ея, какъ бы укутанный въ синеватый туманъ, во всей своей прелести, предстанетъ предъ вашими любопытными и восхищенными глазами *...ъ, съ своими высокими колокольнями, зеленѣющими садами и огородами. Глазъ вашъ не можетъ налюбоваться живописно разбросанными кучами домовъ, сгущающимися къ центру города. Вонъ, посреди города, что-то блещетъ, серебрится, волнуется, играетъ прихотливыми цвѣтами на солнцѣ и извивается, какъ лента. Это—рѣка, воду которой жители преимущественно употребляютъ для чая. Вонъ, налѣво, на берегу этой рѣки, изъ кучи зелени выглядываетъ на свѣтъ Божій, своими

красными крышами, довольно большое зданіе, съ живописно-лѣпящимися вокругъ него пристройками,—это такъ называемый дворецъ, гдѣ живетъ теперь начальникъ губерніи. Отъ этого зданія, которое стоитъ на довольно возвышенной мѣстности, такъ что отсюда виденъ весь городъ, какъ на ладони, по берегу рѣки тянется длинная, березовая аллея. Это городской бульваръ, на которомъ, въ праздничные дни, играетъ полковой оркестръ и гуляетъ большими группами публики.

Здѣсь мѣстные джентльмены, бѣлорусскіе фешонэбли (я описываю одинъ изъ губернскихъ городовъ западнаго края), ухаживаютъ за прелестными барышнями, которыя гуляютъ обыкновенно на этомъ-же бульварѣ, такъ какъ въ городѣ нѣтъ болѣе пригоднаго для этой потребности мѣста. Правда, есть такъ называемыя Лукишки, — загородная роща,—вонъ та, которую вы видите на право, на краю города или, лучше сказать, за городомъ, надъ берегомъ рѣки; отсюда они, т. е. Лукишки, кажутся намъ съ вами какъ бы опрокинутою изъ горшка кучею зелени; но тутъ, за далью, неудобно назначать свиданія, и единственно по этой причинѣ никто здѣсь ихъ не назначаетъ. Пѣшкомъ сюда далеко; на извощикѣ не выгодно: нужно истратить для этого нѣсколько гривенъ, а нынче деньгами всѣ дорожить стали. Вонъ, высоко къ поднебесью высится городская каланча. Какъ красива и прелестна она отсюда, со своею стеклянною будкою и съ едва замѣтными двумя шестами, на которыхъ, въ случаѣ пожара, выкидывается флагъ! Какъ милы отсюда эти узенькія, коричневыя улицы, съ копошащимися на нихъ жителями! Какою бѣлизною сверкаютъ на солнцѣ стѣны каменныхъ зданій, какою яркостью красокъ щеголяютъ деревянные домики и крыши домовъ! Какъ мило вьется къ верху тонкой струйкой дымокъ на темно-голубомъ фонѣ неба! И вся эта картина залита яркимъ свѣтомъ утренняго іюльскаго солнца, лучи котораго алмазами сверкаютъ на водѣ рубинами искрятся на красныхъ крышахъ, яркимъ золотомъ горятъ на позлащенныхъ крестахъ церквей и милліардами изумрудовъ разсыпались по темной и свѣтлой зелени. Въ ту минуту, какъ глазъ вашъ нѣжится этою картиной, вы свободно вдыхаете всѣми вашими легкими здоровый, ароматическій, деревенскій воздухъ; до уха вашего долетаетъ отдаленный, неясный, мягкій шумъ городской жизни.

Налюбовавшись вдоволь, вы торопите ямщика, ямщикъ лошадей и спѣшите скорѣе въ городъ вкусить этой восхитительной, буколической жизни. Вотъ гдѣ поэтическая жизнь! восклицаете вы; вотъ гдѣ именно магометовъ эдемъ! Какъ счастливы, вѣроятно, тѣ избранные, которые живутъ въ подобномъ раю! Такъ

арьируете вы на тему о счастливой жизни, находясь въ восторенномъ состояніи отъ виднѣющагося предъ вами фантасмагоричеаго ландшафта. Погоняете чуть не въ шею (если вы членъ чеовѣколюбиваго общества, и въ шею если вы не членъ) ямщика, мысленно уже находитесь въ городѣ и испытываете всѣ удовольвія идилліи.—Но успокойтесь, приведите свои чувства въ должый порядокъ! Не спѣшите такъ, лучше подышите здѣсь поболье свѣжимъ воздухомъ. Куда вы мчитесь?... Смотря на васъ, нѣ становится смѣшно: вы, точно маленькій ребенокъ, гонитесь мотылькомъ; все, что издали казалось прелестнымъ, далеко не аково на самомъ дѣлѣ.. Это ни болѣе, ни менѣе какъ оптическій бманъ и вы скоро почувствуете разочарованіе...

Когда вы подъѣзжаете къ городу, вамъ прежде всего бросится австрѣчу воздухъ, пропитанный міазмами и испареніями, свидѣельствующими о близости большаго города. Этотъ воздухъ, оторый непріятно подѣйствуетъ на ваши носовые органы и неры, сразу отрезвитъ васъ отъ того впечатлѣнія, подъ обаяніемъ оотораго вы такъ мчались, очертя голову. По мѣрѣ приближенія ъ городу, восхитительная картина измѣняется: розовый колоритъ, придававшій столько прелести дѣйствительности, исчезаетъ, какъ ночная тѣнь, и голая дѣйствительность, безъ всякаго покрывала, предстаетъ предъ вами. Неясный шумъ превращается въ гамъ и говоръ, который оглушаетъ васъ. Жиды, жидовки, полу-нагіе ребятишки, часто безъ рубашенки, но непремѣнно въ ермолкѣ, шныряютъ тамъ и сямъ, чуть не лѣзутъ подъ ноги лошадей; бѣгутъ, суетятся и кричатъ. Мимо васъ ползетъ коляска екатерининскихъ временъ, запряженная парою почтенныхъ лѣтъ клячей. Должно быть губернскій тузъ совершаетъ путешествіе къ другому тузу, для дипломатическихъ переговоровъ о вчерашнемъ преферансѣ или ералашѣ. Вслѣдъ за нею тащится маленькая телега бѣлорусса, запряженная крошечною, худою лошаденкою. Въ телегѣ лежитъ пьяный бѣлоруссъ и, что есть мочи, горланитъ какую-то пѣсню; подлѣ него сидитъ баба и горько плачетъ на свою долю, которая надѣлила ее пьяницей-мужемъ. Хозяйство ихъ разстроилось вслѣдствіе его безалаберности: дома нѣтъ ни хлѣба, ни соли; шестеро нагихъ ребятишекъ сидятъ въ избѣ съ тощими желудками. Мать съ отцомъ отправились въ городъ, чтобы продать послѣднюю корову и на эти деньги какъ нибудь пробиваться до новаго хлѣба. Корова продана и половина денегъ пропита. Вѣроятно, пропились бы и остальныя, но материнское чувство сильно заговорило въ женщинѣ, и она, не смотря на побои, зуботычины и брань мужа, отняла ихъ. Какъ не плакать ей послѣ этого? Какъ не плакать ей весь вѣкъ, живя такимъ образомъ? Смотря на эту картину,

вамъ становится грустно, вы отворачиваетесь и переносите взо[ръ] на стѣны домовъ и зданій, которыя теперь оказываются грязны[ми,] неопрятными; на деревянные домики, такъ мило выглядывав[шіе] издали, и оказавшіеся не привлекательными, разваливающимися ла[-] чугами, въ которыхъ царствуютъ нищета, грязь и нерѣдко поро[къ] и преступленіе. Восхитительная березовая аллея, осѣняющая буль[-] варъ, при вашемъ приближеніи къ ней, на половину теряетъ сво[ю] прелесть. На каланчу смотрѣть не хочется.

По мѣрѣ приближенія къ центру города, шумъ и движеніе у[-] меньшаются, потому что жизнь и дѣятельность только тамъ, гд[ѣ] живутъ предпріимчивые евреи, именно: на окраинахъ города. Мертвенность и безжизненность города становятся сильно замѣт[-] ными. Иногда только попадется вамъ чиновникъ съ кокардою на полинялой шапкѣ, методически шагающій въ свою палату или судъ, или какой чернорабочій. Вонъ, солдатъ, остановившись на тро[-] туарѣ, продаетъ голенищи старой бабѣ, которая сильно торгует[-] ся о нѣсколькихъ копѣйкахъ, которыхъ такъ мало у нея и ко[-] торыя добываются ею тяжелымъ трудомъ. Вотъ какая-то обод[-] ранная жидовка тащитъ за рога свою козу, которая оглашаетъ вс[ю] улицу рѣзкимъ крикомъ. Изъ сосѣднихъ воротъ выбѣжалъ пѣ[-] тухъ, спасаясь отъ ножа повара и, опустивъ хвостъ и сжавъ крылья, бѣжитъ во всю прыть мимо бабы и солдата; вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ поваръ въ грязномъ фартукѣ и чистомъ колпакѣ и съ крикомъ: «дяржите мошенника! дяржите!» пустился за нимъ въ догонку. Баба прекратила споръ о двухъ копѣйкахъ и расто[-] пырила на встрѣчу мошеннику руки; солдатъ замахалъ голени[-] щами; мальчикъ, несшій съ починки заплатанные сапоги столо[-] начальника Пупковскаго, разинулъ ротъ и тоже пустился на встрѣчу мошеннику. Изъ кабака, заслыша шумъ, высуну[-] лись двѣ грязныя рожи, глянули апатично, помутившимися гла[-] зами, на сцену съ пѣтухомъ-мошенникомъ; одна изъ нихъ съ сине красною бородавкою на носу, сплюнула особеннымъ об[-] разомъ сквозь зубы, и обѣ снова скрылись. Одна изъ этихъ физіономій, именно съ бородавкою, принадлежитъ публичному писцу Казиміру Злотувкѣ, прогнанному изъ службы по третьему пункту, *по прихоти судьи;* другая принадлежитъ, просудив[-] шемуся въ тяжбѣ, *шляхцицу*. Все, что имѣлъ, просудилъ онъ и теперь послѣдній рубль пропиваетъ съ Злотувкой, который строчитъ ему тутъ-же, въ кабакѣ, апелляціонную жалобу въ се[-] натъ на неправильное рѣшеніе палаты. Обѣ личности—горькія пьяницы и въ хмѣлѣ ищутъ забвенія своего горя. Ѣдете даль[-] ше—и снова все тихо и спокойно вокругъ васъ. Изъ-подъ во[-] ротъ выбѣжала дворняжка, заслыша пискъ и скрипъ вашей не[-]

газанной почтовой телеги и съ громкимъ лаемъ бросилась къ лошадямъ. Въ минуту телега очутилась окруженною стаей разношерстыхъ собакъ, которыя съ остервенѣніемъ бросаются на груди лошадямъ, хватаютъ ихъ за ноздри и ноги; иныя, отъ безсильной злобы, грызутъ ступицы колесъ. Наконецъ и собаки бросили безполезную возню, разбрелись по дворамъ и предались прерванной на минуту сладкой лѣни. Снова тихо. Вотъ, въ концѣ улицы, спокойно гуляютъ съ чувствомъ собственнаго достоинства двѣ свиньи, съ закручеными кренделькомъ хвостами; понуривъ голову, плетется куда-то, съ тощими боками, корова. Снова мимо васъ мелькаютъ грязные, неопрятные дома, въ которыхъ мирно и однообразно, какъ въ заведенной машинѣ, плетется грязвая, обыденная, житейская проза, съ необходимыми сплетнями, ссорами, картами, попойками и драками.

— Господи! да гдѣ-же то, что я видѣлъ? Гдѣ та поэтическая чудная, восхитительная жизнь, которую почти я ощущалъ? восклицаете вы, озираясь вокругъ.

На одной изъ самыхъ грязныхъ улицъ этого города стоитъ домикъ, съ высокою ветхою крышей и покривившеюся калиткою. Въ тихіе вечера, изъ растворенныхъ его оконъ, слышатся дребезжающіе звуки дрянной гитары, иногда съ акомпаниментомъ гармоники, и виднѣется на улицѣ, предъ домомъ, кучка слушающихъ мальчугановъ съ разинутыми ртами. Кухарки, идя утромъ на рынокъ, плутовски косятся на его окна; дѣвки, проходя мимо за водою, звонко смѣются. Домъ этотъ, по улицѣ, имѣетъ четыре окна; но вниманіемъ всѣхъ пользуется одно, послѣднее отъ калитки, на подоконникѣ котораго разбросаны сапожныя щетки, засаленныя карты, пригодныя для трилистика и дурачка, и крышка отъ помадной банки, съ разведенною ваксою. Здѣсь квартируютъ чиновники, служащіе въ какой-то палатѣ.

Въ домѣ три комнаты. Въ первой, довольно просторной, но бѣдно меблированной, живетъ сама хозяйка, владѣтельница домика,—старая, толстая и жирная женщина, Елена Александровна Капусцянская. Она, отъ утра до глубокой ночи, молится по всѣмъ костеламъ, сколько ихъ есть въ городѣ, собираетъ городскія новости и содержитъ на хлѣбахъ чиновниковъ. Чиновники живутъ въ остальныхъ двухъ комнаткахъ и имъ принадлежитъ окошко, такъ интересующее прохожихъ зѣвакъ, къ которому шлются иногда тайные вздохи и изъ котораго слышится дуэтъ на гитарѣ съ гармоникой. Въ настоящее время у Капусцянской живетъ четыре человѣка и платятъ ей за квартиру, обѣдъ и чай по восьми рублей въ мѣсяцъ каждый. Она очень недовольна ихъ малочисленностью:

по ея экономическимъ разсчетамъ, съ четырехъ нахлѣбниковъ рѣшительно нѣтъ никакой пользы.

На городской башнѣ допотопные часы пробили четыре, и въ домикѣ, по всѣмъ комнаткамъ, послышался сильный запахъ кухни. Четыре чиновника уже возвратились изъ палаты, гдѣ они служили, и сидѣли, въ комнатѣ хозяйки, за столомъ, на которомъ дымилась большая чашка съ супомъ. Хозяйка сидѣла на кровати и разсказывала имъ собранныя ею сегодня новости.

— Такъ кто умеръ, хозяюшка? спрашиваетъ Іосифъ Сильвестровичъ Конюшковскій,—молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати; съ блѣдно-желтымъ лицемъ, не высокимъ лбомъ, узкими, кошачьими глазами и рѣзко-выдавшимися скулами. Тонкія, синія губы, окаймляющія широкій ротъ, выказываютъ злой его характеръ.

— Я же говорю: панна Тэкля; помните, которая была невѣстою Юзефовича, что служитъ въ палатѣ имуществъ? Отецъ ея, Лыткевичъ, былъ женатъ на моей троюродной сестрицѣ. То-то, бѣдненькая, намучилась она съ нимъ! Онъ былъ *велькій піякъ* 1)! Разъ, пошелъ онъ въ палату, какъ теперь помню, это было въ субботу,—день не присутственный и они только-что жалованье получили. Собрались чиновники на службу; членовъ нѣтъ; они куда-то забрались и послали за *вудкой* 2). Лыткевичъ былъ архиваріусомъ. Роспили два шкалика, показалось мало: «еще *тржеба* 3) выпить!» Послали еще и еще выпили. Раскутившись, имъ еще захотѣлось: еще послали и еще выпили. Такимъ образомъ, они истребили этой проклятой вудки чуть-ли не ведра четыре! Другимъ ничего; а онъ, какъ полнокровный, такъ и поплатился: его мертваго привезли домой. И померъ, бѣдняга. ей, бѣдненькой, дали потомъ пенсіончикъ..... Остальныхъ на другой день *презыдэнтъ* 4) велѣлъ арестовать. Вотъ до чего доводитъ вудка! поучительно закончила хозяйка.

Чиновники, въ продолженіе этого разсказа, усердно улепетывали супъ.

— Да, пани совѣтникова, нынче сильно стали умирать. Говорятъ, все отъ тифозной горячки? замѣтилъ Іосифъ Сильвестровичъ.

— Богъ знаетъ, отъ чего; только сильно умираютъ. Вчера померъ, *свенты ему покуй*, 5) панъ Дрыгайло. Знаете, что служилъ сначала въ палатѣ имуществъ, а потомъ въ комиссіи продовольствія?

Не получая никакого отвѣта, такъ какъ чиновники сильно

---

1) Большой пьяница. 2) Водкой. 3) Нужно. 4) Председатель. 5) Святой ему покой.

ыли заняты стоявшимъ у каждаго передъ носомъ супомъ, хозяйка продолжала:

— Что женатъ былъ на своей двоюродной сестрѣ?... Говорятъ, а роднѣ нельзя жениться: Богъ не благословляетъ такой союзъ. вотъ, онъ же женился на ней. Послалъ въ Римъ прошеніе, получилъ *индультъ* 1), повѣнчался и жилъ хорошо и счастливо... олько нужно въ Римъ посылать: безъ индульта папы не благословятъ!

— Что правда, то правда, *совѣтниковочка:* безъ индульта папы, дѣйствительно, нѣтъ благословенія глубокомысленно замѣтилъ Іосифъ Сильвестровичъ, возясь на тарелкѣ съ костью. дорого ему стоилъ индультъ?

— Порядочно: при прошеніи онъ послалъ въ Римъ двѣсти рублей, на благолѣпіе косцела *свентэго Піотра* 2)... Химка! неси жаркое, скомандовала хозяйка, замѣтя, что чашка, стоявшая на столѣ, опустѣла.

По этой командѣ, немедленно появилась изъ кухни облизывающаяся кухарка—Химка, съ высоко подоткнутою юпкою.

Разговоръ пріостановился и взоры всѣхъ покосились въ ту сторону, откуда она появилась.

Одинъ изъ обѣдавшихъ, именно Станиславъ Осиповичъ Слѣдзьковскій, незамѣтно шмыгнулъ въ свою комнату, чтобы выпить, для здоровья, передъ поросенкомъ, котораго Химка поставила на столъ. Станиславъ Осиповичъ былъ замѣчательный человѣкъ: онъ рѣшилъ окончательно, что водка-необходима человѣку. По его мнѣнію, водка полезна здоровому, для здоровья; а въ болѣзняхъ можетъ служить самымъ дѣйствительнымъ лѣкарствомъ, стоитъ только смѣшать ее кое съ чѣмъ, напр. съ толченымъ перцемъ, и др. Она служитъ средствомъ для возбужденія сна, аппетита; мозгъ, подъ вліяніемъ ея дѣятельнѣе работаетъ, въ радости и въ горѣ—она одно спасенье. У Станислава Осиповича, въ тотъ день, когда ему не случалось проглотить ни одной рюмки,—что, впрочемъ, бывало очень рѣдко,— появлялось небольшое трясеніе рукъ. Это у него отъ рожденія, говорилъ онъ. Когда его *мамуня* собиралась подарить свѣтъ маленькимъ Станиславомъ, то была испугана козломъ, который полюбопытствовалъ взглянуть на родильницу и сунулъ свою любопытную морду съ рогами въ окно спальни, гдѣ она лежала. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, Станиславъ Осиповичъ показывалъ всѣмъ невѣрующимъ большое родимое пятно. Отъ водки это трясеніе исчезало.

---

1) Разрѣшеніе папы вступать въ бракъ родственникамъ. 2) Костела св. Петра.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Станиславъ Осиповичъ тянулъ цѣлебную ежедневно. Станиславъ Осиповичъ былъ не дуренъ собою: высокій, довольно стройный и съ правильными чертами лица. Но въ этихъ чертахъ и голубыхъ его тусклыхъ глазахъ не было жизни; въ нихъ виднѣлась какаято апатія ко всему окружающему.

— Дѣйствительно, нынче народъ сталъ что-то сильно умирать, снова начала хозяйка. Вчера умерла, вѣчный ей покой, пани Анеля, также моя родственница. Ея бабушка съ моею бабушкою были двоюродныя сестры... и совѣтникова пустилась разсказывать подробно исторію пани Анели, въ какой степени родства приходилась она ей, за кого вышла замужъ, гдѣ служилъ ея мужъ, кто онъ былъ и какъ служилъ и много-ли выслужилъ и, наконецъ, отъ чего умерла ея родственница, пани Анеля.

Хозяйка имѣла слабость причислять всѣхъ къ своей роднѣ.

— Вонъ, подлѣ насъ живетъ пани *Катаржина*. Говорятъ тоже при смерти лежитъ... хозяйка пустилась описывать паню Катаржину. А все таки, не смотря на то, что народъ сильно умираетъ, люди женятся да женятся. Въ прошлое воскресенье въ косцелѣ было прочитано по крайней мѣрѣ съ тридцать оглашеній...

— Знаете что? пани совѣтникова, вмѣшался въ разговоръ Вильгельмъ Осиповичъ Фракъ, съ одутловатыми щеками мопса, вотъ скажу вамъ новость, такъ новость! панна Михалина выходитъ за мужъ! произнесъ онъ внятно и торжественно.

— Неужели? что-же я то про это ничего не слыхала, воскликнула хозяйка.

Всѣ тоже пришли въ немалое изумленіе: какъ? панна Михалина выходитъ за мужъ, а я ничего и не зналъ про это, подумалъ каждый; даже Станиславъ Осиповичъ, послѣ рюмки возбудительнаго, истреблявшій страшнѣйшимъ образомъ поросенка, разинулъ ротъ отъ удивленія и вытаращилъ глаза. Такъ эта новость была нова для всѣхъ.

— За кого-же? за кого? посыпалось отовсюду.

— За *коморника* 1) Иванова! Я не знаю, какъ это могла такая умненькая, хорошенькая барышня, какъ панна Михалина, рѣшиться выходить за мужъ за нешляхетнаго. Вѣдь, кто-же Ивановъ? По происхожденію хлопъ: отецъ его былъ хлопомъ *обыватэля* 2) Пюрка. Положимъ, онъ и коморникъ и, какъ говорятъ, умный малый; но все таки хлопъ и ей совсѣмъ не партія. Хоть она и бѣдная дѣвушка, но шляхцянка, а онъ нешляхтичъ всегда останется, а вдобавокъ еще и москаль, закончилъ Вильгельмъ Осиповичъ.

---

1) Землемѣра. 2) Крестьяниномъ помѣщика.

— *Нехъ панъ Бугъ брони* 1), что ныньче дѣлается на свѣ-
ѣ. Слыханое-ли дѣло, чтобы родовитая шляхцянка выходила за
ужъ за нешляхтича и москаля, воскликнула хозяйка, всплеснувъ
уками. Я говорю, что изъ нынѣшней умной, да ученой молодежи,
икакаго проку не будетъ. Не удивительно, что панъ Бугъ нака-
ываетъ насъ неурожаями и разными тифозными горячками. Все отъ
эго, что теперь развелось очень много умныхъ, да ученыхъ. Въ
илые годы у насъ не было такихъ умницъ, которыя выходятъ за
ужъ за москалей, за то былъ хлѣбъ по двадцати копѣекъ пудъ
съ голоду никто не умиралъ; тифозной горячки и не знали. А
еперь? умныхъ и ученыхъ много; за то хлѣба мало. Шутка-ли!
чера я брала у Мовши (еврей лавочникъ) муку по рублю десяти
юпѣекъ пудъ! Да говоритъ, что еще дороже будетъ, что ныньче
ужно ждать неурожая... Чрезъ ученыхъ панъ Бугъ и насъ на-
азываетъ. Скажите, ради Бога: шляхцянка выходитъ за мос-
саля!!

Игнатій Адамовичъ Ловейко, непринимавшій до сихъ поръ ни-
какаго участія въ разговорѣ, сладко облизнулся, покончивъ дѣло
съ ляжкою поросенка и положилъ ножъ и вилку на тарелку. Игна-
тій Адамовичъ тоже былъ молодой человѣкъ, только что начи-
навшій жить,—средняго роста, съ большими ушами и сѣроваты-
ми большими, на выкатѣ, глазами. Онъ сильно былъ похожъ
на болонку.

— Разумѣется онъ ей не подходящая партія, скороговоркою
сказалъ онъ, обтирая жирныя губы полою сюртука, но если она
умная, а онъ не глупъ, то и будутъ жить счастливо. Вѣдь счаст-
ливая жизнь зависитъ не отъ одного шляхетства: и съ хамомъ
можно прожить весь вѣкъ хорошо, если хамъ уменъ.

Игнатій Адамовичъ вступился за неравенство брака потому,
что самъ ухаживалъ за дочерью присяжнаго казначейства. Впро-
чемъ, въ этомъ ухаживаньи имъ руководило не сердечное влече-
ніе, а чистѣйшій разсчетъ; дочь присяжнаго имѣла нѣсколько сотъ
рублей и чрезъ протекцію ея отца можно было попасть на служ-
бу въ казенную палату, гдѣ самое меньшее жалованье было пят-
надцать рублей въ мѣсяцъ.

Пани совѣтникова взглянула свысока, почти съ презрѣніемъ,
на говорившаго и промолвила:

— Не знаю, какъ вы, пане *Игнацы;* а по мнѣ, подобное су-
пружество унизило-бы мой *гоноръ* 2) и мою шляхетскую *год-
ность* 3)!

Обѣдъ подходилъ къ концу.

---

1) Да хранитъ насъ Богъ. 2) Честь. 3) Шляхетское достоинство.

— Что-жъ, панове? я намѣрена завтра сварить *зацирку* 1) и сдѣлать зразы 2)? хорошо-ли будетъ?

— Хорошо, пани совѣтникова; пусть завтра будетъ зациречка и зразы,—торопливо отвѣчалъ за всѣхъ Іосифъ Сильвестровичъ: но... тутъ онъ замялся, закашлялъ и сталъ потирать руки: видите-ли, наша добрая совѣтниковочка, сегодня къ намъ прійдетъ въ гости нашъ начальникъ, экзекуторъ; такъ мы... хотѣли просить васъ дать намъ на сегодня самоварчикъ... Хочемъ его угостить. Начальникъ... нельзя-же. И пусть Химка сбѣгаетъ купить шкалика четыре очищенной, да два малиновой...

— *Добже*, 3) пане *Юзэфъ!* я сейчасъ пошлю ее. Доброму дѣлу я всегда готова помочь. Разумѣется, начальника *тржеба* 4) всегда уважить.

Іосифъ Сильвестровичъ ободрился:

— Миленькая совѣтниковочка, подобострастно и нѣжно затянулъ онъ фистулою; въ его прищурившихся глазахъ искрилась покорная просьба: мы рѣшились просить васъ и на счетъ закусочки какой нибудь къ водкѣ. Можетъ быть у васъ осталось немного поросятинки отъ обѣда или, еще лучше, можетъ быть есть кусокъ сала. Титъ Антоновичъ ужасно любитъ при водкѣ сало соленое. Въ палатѣ онъ разъ разсказывалъ, что соленое сальце при водкѣ онъ не промѣняетъ ни на какой «деликатессъ»... Хозяюшка, *змилуйтесь* 5) надъ нами!..

Хозяйка, которая очень уважала пана Юзэфа за его умъ, потому что онъ прочелъ всего Мицкевича, чуть-ли не цѣлаго Конрада Валенрода зналъ на изустъ, постоянно читалъ на сонъ грядущи десятый томъ свода законовъ и былъ степеннаго характера, сейчасъ согласилась снабдить ихъ всѣми приличными для такой важной особы закусками. Одного только Вильгельма Осиповича она не жаловала: онъ увѣрялъ всѣхъ, что у него есть гдѣ-то полтораста десятинъ земли, что скоро онъ получитъ за нее выкупную сумму и что въ приказѣ у него лежитъ четыреста рублей про черный день. Разумѣется, этой фантазіи никто не вѣрилъ: всѣмъ было достовѣрно извѣстно, что у Вильгельма Осиповича, кромѣ того, что на плечахъ, нѣтъ ничего. Нѣсколько разъ его уличали во лжи, но онъ все твердилъ одно и неимовѣрно высоко задиралъ предъ прочими, какъ *обыватэль*, носъ. При томъ же Вильгельмъ Осиповичъ считалъ себя красавцемъ, имѣлъ претензію на свѣтскость, на жилетѣ постоянно носилъ стальную цѣпочку безъ

1) Что-то въ родѣ Лапши. 2] Родъ жаркого. 3) Хорошо. 4) Нужно. 5) Смилуйтесь. (Сжальтесь).

асовъ и эффектно игралъ ею пальцами. За все это хозяйка льно недолюбливала его.

Изъ кухни немедленно была вытребована Химка и отправлена ъ командировку въ сосѣднiй кабакъ подъ вывѣскою: «Юрушаинъ,» а чиновники, между прочимъ, отправились всхрапнуть аленько послѣ обѣда.

II.

На дворѣ былъ хотя iюльскiй, но до такой степени сырой и олодный вечеръ, что многiе, для спасенiя себя отъ сырости, ротопили печи.

А вотъ и стемнѣло, и въ квартиру четырехъ чиновниковъ, тускло освѣщенную двумя сальными свѣчами, ввалилась коренастая, плечистая фигура Тита Антоновича Ноицкаго, съ нахлобученною на глаза шапкою; «Нѣхъ бэндзѣ похвалёны Езусъ Христусъ» 1), важно сказалъ онъ.

— На вѣки вѣкувъ, амэнъ!, раздалось въ отвѣтъ и четыре чиновника въ форменныхъ вицмундирахъ, застегнутыхъ на всѣ пуговицы, со всѣхъ ногъ бросились разоблачать гостя. Кто схватился за его палку, кто искалъ приличнаго мѣста для шапки съ засаленымъ околышкомъ,—двое вцѣпились въ фризовую шинель, надѣтую Титомъ Антоновичемъ въ рукава, и тащили ее изовсѣхъ силъ.

— Якъ-же здровѣ (2) пана совѣтника?

— А, какое тамъ наше здровѣ! Прожилъ день, и слава Богу!.. Погода плохая, кости ломитъ. Чуть—чуть доплелся къ вамъ...

Титъ Антоновичъ былъ мущина лѣтъ пятидесяти, съ плечами чуть не въ полтора аршина, съ угреватымъ лицемъ, со взглядомъ изъ подлобья и съ родимымъ пятномъ на правой щекѣ, величиною въ мѣдный пятакъ. Онъ былъ, что называется, здоровякъ, но имѣлъ слабость стонать, охать и жаловаться на потерю здоровья и ревматизмы, прiобрѣтенныя имъ, якобы на дѣйствительной службѣ.

— Панъ совѣтникъ попробовалъ-бы вытереться въ кровати спиртомъ, настоеннымъ на стручковомъ перцѣ и выпить на сонъ грядущи мятной, чтобы вспотѣть хорошенько, посовѣтовалъ Станиславъ Осиповичъ.

— Хм! и Титъ Антоновичъ махнулъ обѣими руками: пробовалъ я вытираться и стручковымъ перцемъ и камфорнымъ спиртомъ и муравейнымъ, ничего не помогаетъ.

---

1) Да будетъ прославленъ Iисусъ Христосъ. (Привѣтствiе обыкновенное).
2) Здоровье.

Раздѣванье кончилось: шапку съ кокардою повѣсили на самомъ почетномъ мѣстѣ, подъ образомъ свентэго Антонія; палку поставили въ уголъ, предварительно обтерши грязь съ нея полою сюртука Іосифа Сильвестровича, шинель бережно повѣсили въ углу, на гвоздочкѣ, освидѣтельствовавъ предварительно, крѣпокъ ли гвоздь; Игнатій Адамовичъ занялся калошами и поставилъ ихъ у тепленькой печи, носками вверхъ и подошвами къ печи, чтобъ просохли. На дворѣ отъ вчерашняго дождя было грязновато.

— Наконецъ-то мы дождались счастія видѣть васъ у себя, любезно промолвилъ Іосифъ Сильвестровичъ, съ благоговѣніемъ пожимая руку, когда Титъ Антоновичъ сталъ здороваться.

— Я давно собирался зайти къ вамъ, да некогда было. Сами знаете, сколько я имѣлъ хлопотъ и занятій въ этой проклятой палатѣ. Шутка-ли: съ однимъ архивомъ сколько возни, а тутъ и это экзекуторство; нужно смотрѣть чтобъ и чиновники прилежно занимались, и возиться съ просителями. Вѣдь сколько ихъ въ день перевернется въ палатѣ! А хозяйство, а дѣти! Вонъ, цѣлую недѣлю собирался осмотрѣть, домъ; кажется крыша плоха—требуетъ починки,—некогда, минуты свободной не могу выбрать. Эти дни, какъ нарочно, столько хлопотъ имѣлъ, что просто дохнуть некогда было. То панъ презыдэнтъ проситъ сбѣгать сюда—туда: и то ему нужно купить, и того поискать. Проситъ, нельзя отказаться... вѣдь начальникъ. Стань отказываться, да отнѣкиваться, такъ и прогонитъ со службы: иди тогда по міру безъ *кавалка* 1) хлѣба, съ цѣлымъ семействомъ. Съ начальствомъ такъ нельзя. Чѣмъ-же мы и можемъ обратить на себя вниманіе, чѣмъ мы можемъ заслужиться? Большимъ истребленіемъ бумаги? Какъ бы не такъ! Пиши, сколько хочешь истребляй; всей не испишемъ. Сами знаете, сколько у насъ дѣла, такъ тутъ какъ ни трудись, хоть лопни отъ работы, ничего не сдѣлаешь. Какъ капля въ морѣ твоя работа и этой капли никто не увидитъ. Этимъ, мои милы панове, ничего не выиграемъ на службѣ. Живя такимъ образомъ, вѣчно будемъ ходить съ пустымъ *жолондкѣмъ* 2). Нѣхай насъ панъ Бугъ брони отъ этого! При этомъ Титъ Антоновичъ, какъ бы невзначай, бросилъ набожный взглядъ на столъ, на которомъ увидѣлъ достаточное количество полуштофовъ съ разноцвѣтными жидкостями, и потеръ руки отъ удовольствія.

— Сегодня довольно прохладно на дворѣ и немного сыровато отъ вчерашняго дождика,—совершенно равнодушно замѣтилъ онъ и снова потеръ руки.

— Тржеба выпить *келишекъ* 3), сейчасъ согрѣетесь; да вы-

---

1) Куска. 2) Желудкомъ. 2) Рюмку.

ить малиновой, чтобъ немного вспотѣть, замѣтилъ внушительно Станиславъ Осиповичъ: вамъ не мѣшаетъ вспотѣть, поясницѣ легче станетъ.

— Да что мы стоимъ, пане совѣтнику? Прошу присѣсть къ столу, разсыпался мелкимъ бѣсомъ Іосифъ Сильвестровичъ.

Совѣтникъ двинулся.

— Не садитесь къ окошку: тамъ дуетъ. Вотъ тутъ,—тутъ покойнѣе будетъ сидѣть. Ближе къ печи, это вамъ здоровѣе...

Всѣ бросились усаживать совѣтника: кто выбиралъ пошире здоровѣе скамейку, кто такъ себѣ поднялъ возню; Игнатій Адамовичъ предлагалъ къ услугамъ свою подушку:

— Мягче будетъ сидѣть вамъ, увѣрялъ онъ.

— Вильгельмъ Осиповичъ тащилъ кожаную и совѣтовалъ кожаную положить подъ сидѣнье, а пуховую подушку Игнатія Адамовича засунуть за спину, чтобъ покойнѣе было больной пояснице администратора.

Станиславъ Осиповичъ суетился около малиновой.

Когда все успокоилось и когда Титъ Антоновичъ съ важностью усѣлся на кожаной подушкѣ, засунувъ за спину пуховую, Станиславъ Осиповичъ торжественно поднесъ объемистый стаканъ, церемонно промолвивъ: нѣхай-же, совѣтникъ, бэндзѣ ласкавъ 1) насъ осчастливить.

— Ой! не много-ли будетъ? замѣтилъ Титъ Антоновичъ, умильно покосившись на объемистый стаканъ. Чтобъ голова хуже не разболѣлась. У меня отъ насморка эти дни и такъ голова болитъ.

Станиславъ Осиповичъ побожился, что отъ одной рюмки сдѣлается легче въ груди.

Подумавъ съ минуту—пить, или еще не пить, Титъ Антоновичъ взялъ стаканъ изъ рукъ подававшаго, приблизилъ его къ прищуренному лѣвому глазу—правый совсѣмъ закрылъ—и, полюбовавшись на искрившійся пунсовымъ цвѣтомъ лучь свѣта, залпомъ проглотилъ все.

Хозяева бросились подавать ему для закуски сахаръ и крендельки.

— Хорошая водка... славная! Гдѣ вы ее покупаете? спросилъ Титъ Антоновичъ, переставъ морщиться.

Ему почтительно доложили, что эта наливка есть издѣліе «Юрушалима.»

— А я такъ не жалую наливки, замѣтилъ Станиславъ Осиповичъ, наливая себѣ очищенной: хоть наливки хороши и вкусны, но я не терплю ихъ за то, что фабриканты, для цвѣта, прибав-

---

1) Будетъ милостивъ.

ляютъ въ нихъ сандалъ, или фарнабокъ красный и разныя ингредіенціи 1). По моему мнѣнію ничего нѣтъ здоровѣе очищенной, безъ всякой примѣси.

— Ну—съ, какъ-же вы тутъ поживаете панове? сказалъ Титъ Антоновичъ, неудостоивъ отвѣтомъ замѣчаніе Станислава Осиповича, противурѣчившее его похваламъ наливкѣ.

И онъ обвелъ глазами всю комнату.

Іосифъ Сильвестровичъ взглянулъ многозначительно на оробѣвшаго Станислава Осиповича и съ укоризною, незамѣтно, покачалъ головою, какъ бы желая сказать: ну, братъ, ты вѣчно гадишь, да портишь дѣло.

Химка съ хозяйкой, съ удивленіемъ и любопытствомъ, разсматривали экзекутора, чрезъ щель, оставленную несовсѣмъ притворенною дверью.

Квартира чиновниковъ была очень невзрачна. Позеленѣвшія отъ сырости, голыя стѣны, простыя, самыя неприхотливыя кровати съ истасканными одѣялами и тощими подушками; нѣсколько деревянныхъ табуретокъ и перемаранныхъ чернилами некрашенныхъ столовъ. На столѣ, подлѣ стѣны, семикопѣечное маленькое зеркальце, нѣсколько фотографическихъ женскихъ портретовъ въ мѣдныхъ рамочкахъ и кучка насыпаннаго табаку. Въ одномъ углу комнаты, на гвоздочкахъ, скромно висѣли два поношенныхъ сюртука; подлѣ нихъ гордо пестрѣлись модные клѣтчатые брюки и виднѣлось нѣсколько довольно истасканныхъ лѣтнихъ пальто. Въ противуположномъ углу висѣлъ лубочный образъ св. Антонія падуанскаго и знаменитая гитара, съ четырьмя струнами.

Четыре чиновника, какъ и большая часть провинціальной, чиновной мелюзги, только что начинающей служебную дѣятельность, были, что называется, голыши. Они ходили въ истасканныхъ сюртукахъ съ вытершимися локтями и покраснѣвшими пуговицами, въ вытершихся до нельзя панталонахъ и истоптанныхъ сапогахъ. Лѣтняго и зимняго платья собственнаго, они не имѣли. Лѣтомъ лѣтнее, а зимою зимнее платье они добывали у еврейки Соры, платя какую нибудь бездѣлицу за прокатъ. Два черныхъ сюртука, почтенныхъ лѣтъ и два лѣтнихъ пальто служили всѣмъ имъ четыремъ; девяти-рублеваго жалованья, получаемаго ими ежемѣсячно въ палатѣ, едва хватало на квартиру и обѣдъ; а родители ихъ были бѣдная шляхта и помогать имъ не могли; чиновники сами должны были покрывать свои нужды различно, кто какъ могъ: Іосифъ Сильвестровичъ, начитавшись десятаго тома, (разкусивъ судейскую премудрость и будучи смышленнѣе осталь-

1) Отъ ingredi—пряныя примѣси.

ныхъ, зашибалъ *злотые*, сочиняя евреямъ прошенія. Остальные промышляли списываніемъ копій и разными справками. Жизнь ихъ сопряжена была со всевозможными лишеніями,—и эта жизнь, этотъ недостатокъ во всемъ, нерѣдко даже въ десятикопѣечномъ курительномъ табакѣ, была имъ, конечно, не въ сладость. Всѣ они желали улучшенія своего быта. Но какъ? Воспитаніе не приготовило ихъ къ лучшей долѣ; они были безъ всякаго воспитанія и выучились читать и писать кое-какъ, случайно; они даже не имѣли надлежащихъ понятій ни о чести, ни о совѣсти. Окружающая ихъ жизнь и общество научили ихъ безразлично смотрѣть на то, что, по общечеловѣческому понятію, называется честью и совѣстью; въ дѣлахъ чести они были крайне неразборчивы. Они видѣли, какими средствами другіе выбивались изъ черпаго тѣла, какъ заискивали у начальства и лѣзли въ гору—и завидовали имъ. День ото дня имъ больше противѣла настоящая ихъ жизнь. Имъ хотѣлось поскорѣе выползти изъ ничтожества, выйдти въ люди, т. е. занять тепленькое мѣстечко, на которомъ можно было бы набивать карманъ свой *безгрѣшными* доходами, жить въ довольствѣ и наслаждаться благами земными. Они понимали также хорошо, какъ и Титъ Антоновичъ, что трудомъ немного сдѣлаешь въ палатѣ; притомъ же трудъ, — это длинная и скучная пѣсня. Гораздо лучше поискать иного средства обратить на себя вниманіе начальства. Подумавъ, они рѣшили, что нужно задобрить Тита Антоновича: онъ человѣкъ съ вѣсомъ у презыдента; недаромъ же бѣгаетъ по рынку и покупаетъ для него, по сходнымъ цѣнамъ: гусей, поросятъ, индюковъ... Онъ выставитъ ему ихъ на видъ, какъ чиновниковъ прилежныхъ, благонадежныхъ и способныхъ къ службѣ... Вслѣдствіе такого соображенія, они сдѣлали складчину и пригласили къ себѣ въ гости экзекутора.

— Хе! Да вы не по нашему живете! протянулъ Титъ Антоновичъ, кончивъ обзоръ квартиры: въ ваши годы мы не такъ жили... и онъ задумался.

Живо представилась ему картина всей его пройденной жизни.

Титъ Антоновичъ не помнилъ родителей. (Но родился онъ отъ шляхетнаго супружества). Въ дѣтствѣ, какими-то неисповѣдимыми судьбами, онъ попалъ на воспитаніе къ ксендзамъ, которые занялись его дрессированіемъ по всѣмъ правиламъ тогдашней педагогики. Они больше драли и колотили его, чѣмъ учили; а онъ занялся чисткою ихъ сапогъ, уходомъ за домашнею скотиною и служеніемъ *до мшы* 1). Не смотря на всѣ заухо́дранія и педагогическія порки, грамота съ трудомъ ему давалась и, не смотря на

1) Къ обѣднѣ.

великое значеніе науки, онъ *предпочиталъ книгѣ игру въ бабки* съ мальчуганами, на обширномъ ксендзовскомъ подворьи. Мальчикъ понималъ, что часто дерутъ его несправедливо и это только возбуждало въ немъ безсильную злобу, которую онъ отводилъ на котятахъ, щенкахъ и ксендзовскихъ поросятахъ. Очень можетъ быть, что порка и вся система воспитанія, имѣвшая цѣлью сдѣлать изъ мальчика человѣка дѣльнаго, сдѣлала изъ него какого-то нравственнаго урода. Можетъ быть метода, по которой ксендзы хотѣли сдѣлать его натуру доброю, терпѣливою и по правиламъ которой ксендзъ, отодравъ мальчугана ни за что, подавалъ ему цѣловать, дравшую его руку, приговаривая: ходзь, лайдаку, цалуй въ рэнкенъ! 1), можетъ быть эта метода и сдѣлала изъ него лайдака, въ полномъ смыслѣ слова. Я думаю также, что не мало способствовала нравственной его порчѣ жизнь въ ксендзовской кухнѣ и примѣры прислуги, обкрадывавшей безъ зазрѣнія совѣсти духовныхъ отцовъ. Какъ бы то ни было, только изъ педагогическихъ лапъ ксендзовскихъ онъ вышелъ черезъ-чуръ набожнымъ, хитрымъ, подленькимъ человѣкомъ, съ жестокою, злобною душою, плохо знавшимъ грамоту и окончательно неспособнымъ къ полезной службѣ.

Стукнуло ему 16 лѣтъ; бабки потеряли для него свою прелесть; глаза стали невольно засматриваться на ксендзовскихъ *охмистржинъ* 2). Отцы замѣтили это и, долго не медля, выпроводили отъ себя нарушителя спокойствія ихъ домашней жизни, сдѣлавъ ему на память приличное березовое внушеніе, приправленное ученіемъ: какъ нужно жить на свѣтѣ.

Большую роль въ жизни человѣка играетъ протекція! Не будь ея, хоть напр. у Тита, и онъ бы пропалъ, не имѣя чѣмъ и не умѣя какъ жить на свѣтѣ. Но, къ счастію, явилась у него протекція, явился добрый человѣкъ, съ маленькимъ вѣсомъ въ обществѣ, и онъ попалъ на службу въ гражданскую палату.

Долго здѣсь онъ бѣдствовалъ съ стоическою твердостью, пока, насмотрѣвшись вдоволь на окружающихъ, не сталъ вести себя какъ должно. Смотря на другихъ, сталъ онъ заискивать у начальства, сталъ онъ бѣгать, по ихъ надобностямъ, по рынкамъ и лавкамъ, высматривая, гдѣ бы дешевле купить что секретарю или засѣдателю. Сталъ онъ кланяться имъ въ поясъ, вытягиваться предъ ними въ струнку, подавать калоши, снимать пальто, сталъ имъ льстить— и, несмотря на свою ни къ чему негодность и бездарность, полѣзъ въ гору; счастье улыбнулось ему, и онъ попалъ въ архиваріусы.

---

1) Ступай, негодяй, цѣлуй руку. 2) Ксендзы обыкновенно держатъ женскую прислугу; эти прислужницы наз. охмистржинами.

Будучи архиваріусомъ, онъ женился; какъ шляхтичъ, онъ женился на шляхцянкѣ,—дѣвицѣ добродѣтельной и черезъ-чуръ плодородной, надѣлившей его чуть не двумя дюжинами ребятъ, по словамъ сосѣдей, вылитыхъ въ отца. Она была тихое, робкое, безотвѣтное созданіе, какъ осиновый листъ дрожавшее отъ одного взгляда деспота-мужа, который постоянно ее колотилъ потому, что какъ онъ говаривалъ, баба-дура, безъ острастки жить не можетъ. Какъ человѣкъ опытный въ практической жизни, онъ женился выгодно: въ приданое получилъ деревянный домикъ о трехъ окнахъ, на офицерской улицѣ; мужескую, бобровую коротенькую шубу, въ которой онъ и теперь зимою ходитъ на службу, и фризовую шинель, съ которою мы познакомились въ началѣ этой главы.

Жалованья архиваріуса ему, какъ семейному человѣку, было мало. И вотъ онъ удвоилъ свои происки; еще болѣе сталъ льстить, унижаться, на службу сталъ являться всегда гладко выбритымъ, съ прилизанными височками, въ форменномъ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Еще усерднѣе сталъ онъ бѣгать по базарамъ и лавкамъ, по хозяйственнымъ дѣламъ *пана презыдэнта*, его превосходительства Николая Петровича Гринеко; еще дешевле сталъ покупать для него дрова, масло, яйца. Въ городѣ, гдѣ-то, онъ отыскалъ даже хорошее баварское пиво и сталъ покупать по неслыханно дешевой цѣнѣ для его превосходительства, по восьми копѣекъ бутылку (нужно замѣтить, что предсѣдатель былъ большой охотникъ до пива и преимущественно любилъ его послѣ обѣда); для начальника онъ сдѣлался, что называется золотымъ человѣкомъ. За все это онъ получилъ, сверхъ должности архиваріуса, должность экзекутора, заслужилъ у *пана презыдэнта* мнѣніе примѣрнѣйшаго въ свѣтѣ чиновника и получилъ у него вѣсъ и вліяніе. Должность экзекутора была легкая и доходная; такой именно ему и хотѣлось. Сидя на этой должности, онъ не пропускалъ ни одного просителя въ палату, не взявъ съ него пошлины за право входа. Такимъ-то образомъ Титъ Антоновичъ зажилъ припѣваючи.

Остающееся отъ служебныхъ занятій свободное время онъ употреблялъ на приготовленіе домашнихъ чернилъ, которыя вскорѣ такъ прославились въ городѣ, что всѣ воспитанники уѣзднаго училища покупали ихъ только у него, на издѣліе мышеловокъ, которыхъ поставку въ палату, равно и чернилъ, онъ взялъ на себя, за годичную условную плату и, наконецъ, на воспитаніе дѣтей. Титъ Антоновичъ дрессировалъ своихъ дѣтей по той-же педагогической методѣ, по которой воспитывали его ксендзы, о которыхъ онъ

всегда отзывался съ благодарностью, говоря: дай Богъ имъ поко на томъ свѣтѣ! Они сдѣлали изъ меня человѣка.. Главное вниман при воспитаніи онъ обращалъ на уроки каллиграфіи.

Самъ онъ терпѣть не могъ грамоты; но понималъ, что гра мотному человѣку легче найдти кусокъ хлѣба. При томъ ж шляхтицу и не прилично заниматься какимъ нибудь ремеслом лучше быть подъячимъ, нежели честнымъ ремесленникомъ. Вслѣд ствіе такихъ принциповъ, онъ обучалъ грамотѣ своихъ дѣтей хотя ученыхъ Титъ Антоновичъ терпѣть не могъ и отзывался о нихъ презрительно.

Что Титъ Антоновичъ религіозенъ, это могутъ засвидѣтель ствовать всѣ его товарищи по службѣ. Онъ каждый день, утром идя на службу, непремѣнно забѣжитъ въ костелъ и прочитает годзинки. Въ праздничный день онъ побываетъ во всѣхъ косте лахъ города и отслушаетъ, нѣсколько обѣдень.

Одушевныхъ его качествахъ я могу только то сказать, что это былъ человѣкъ съ рѣдкими правилами. Взяточниковъ, под лецовъ и мошенниковъ терпѣть не могъ: «всѣхъ бы ихъ повѣ силъ на первой попавшейся осинѣ!» такъ выражался онъ.

Однимъ словомъ, если вы встрѣчали человѣка плотнаго, ко ренастаго, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, родимымъ пятномъ на правой щекѣ, величиною въ мѣдный пятакъ и кокардой на шап кѣ,—это, должно быть вы встрѣчали Тита Антоновича Ноицкаго, экзекутора палаты и артиста каллиграфіи, учившаго своихъ дѣтей писать по двухъ-копѣечнымъ прописямъ.

— О чемъ вы такъ призадумались, пане совѣтнику? мягко, нѣжно и почтительно раздалось вдругъ въ ушахъ Тита Антоновича.

Титъ Антоновичъ очнулся, поднялъ голову и глянулъ *изпод* лобья на вопрошавшаго Іосифа Сильвестровича.

— Да вотъ такъ себѣ задумался, разсѣянно процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Наступило молчаніе.

Іосифъ Сильвестровичъ выразительно взглянулъ на *Игнатія* Адамовича, тотъ понялъ, всталъ и отправился въ другую комнат ну, гдѣ, подлѣ грязнаго, пузатаго самовара, облокотясь обѣими руками на столъ и положивъ на нихъ голову, прилежно сапѣла Химка, командированная хозяйкою въ помощь имъ.

Игнатій Адамовичъ занялся разливаніемъ чая.

— Не слыхали-ли чего новенькаго въ городѣ, пане совѣтнику? со свѣтскою развязностью спросилъ Вильгельмъ Осиповичъ, пріятно играя цѣпочкою и сильно жалѣя, что губернаторъ строго-на строго запретилъ чиновникамъ, особымъ циркуляромъ, носить усы.

Губернаторъ былъ, что называется, человѣкъ дѣятельный; строго соблюдалъ каждую букву закона, зорко слѣдилъ за всѣми чиновниками и не позволялъ имъ отступать отъ правилъ. Ослушниковъ онъ изгонялъ изъ службы какъ прокаженныхъ, могущихъ заразить все почтенное стадо.

— Говорятъ, будтобы нашего губернатора тово-съ... въ отставку промолвилъ Вильгельмъ Осиповичъ, желая какъ нибудь разсѣять задумчивость Тита Антоновича, навѣянную на него воспоминаніями.

— Чш! испуганно прошипѣлъ совѣтникъ, вытаращивъ глаза и приложивъ указательный палецъ къ разинутому рту: осторожно говорите!.. не равно узнаетъ, кто говорилъ, тогда бѣда!

— Однако?... это правда? добивался своего Вильгельмъ Осиповичъ, разсчитывая, что при новомъ губернаторѣ можно будетъ украсить физіономію запрещеннымъ.

— Да; про это тихонько толкуютъ; но на вѣрно одинъ Богъ знаетъ... Говорятъ, впрочемъ, будто онъ самъ говорилъ просителямъ о своемъ смѣщеніи.

Вильгельмъ Осиповичъ просвѣтлѣлъ; счастье носить соблазнительные усы казалось осуществляющимся.

— Можетъ быть, Богъ дастъ, новый будетъ строже слѣдить за торговлей, промолвилъ Станиславъ Осиповичъ; можетъ быть при немъ фабриканты побоятся подливать купоросъ въ водку.

— А можетъ быть будетъ еще хуже, философически замѣтилъ Іосифъ Сильвестровичъ.

— Нехай насъ Панъ Бугъ брони отъ этого! со встревоженнымъ видомъ пропѣлъ соло панъ экзекуторъ.

— Не дай Богъ этого!... *нѣхай панъ Бугъ брони* насъ отъ тэго!! хоромъ вторили ему остальные.

Изъ сосѣдней комнатки появилась Химка, таща на облѣзломъ подносѣ стаканы съ мутно желтоватою жидкостью; за нею Игнатій Адамовичъ торжественно несъ бублики. Шествіе остановилось передъ паномъ экзекуторомъ. Сначала Химка хотѣла поставить подносъ на столъ, но толчекъ локтемъ въ бокъ и многозначительный взглядъ Игнатія Адамовича напомнили ей правило этикета. Сидѣвшій подлѣ пана экзекутора Іосифъ Сильвестровичъ взялъ самый аппетитнѣйшій стаканъ, поставилъ передъ гостемъ и влилъ туда порядочное количество наливки.

— Пробуйте, пане совѣтнику: не мало-ли сахару?

— Довольно, благодарю васъ, панове, отвѣтилъ экзекуторъ, отвѣдавъ чай.

Однако Іосифъ Сильвестровичъ неудовольствовался этимъ и счелъ непремѣнною обязанностью лично удостовѣриться въ сладости чая.

— Кажется мало? нужно больше положить! какъ бы размышляя про себя, произнесъ Іосифъ Сильвестровичъ, освидѣтельствовавъ своею ложечкою стаканъ пана экзекутора.

Игнатій Адамовичъ бросился подбавлять сахаръ.

— А по моему—произнесъ Станиславъ Осиповичъ, не мѣшало бы подбавить больше вотъ этой жидкости, для лучшаго цвѣта.

И, не дождавшись отвѣта, онъ подлилъ въ стаканъ порядочное количество малиновки.

Панъ экзекуторъ остался очень доволенъ такимъ вниманіемъ къ нему молодыхъ людей къ ихъ прямому начальнику. Разговоръ, согрѣваемый чаемъ съ наливкою, оживился. Хозяева сначала не много робѣли; но тутъ, при стаканѣ, они освоились съ величіемъ Тита Антоновича и сдѣлались развязнѣе: Вильгельмъ Осиповичъ почтительно освѣдомился у него: выдаютъ ли полякамъ выкупную сумму и, при этомъ, съ высока, по обывательски, взглянулъ на приказную строку—Игнатія Адамовича; тотъ только пожалъ презрительно плечами, не дерзая при начальникѣ вступать въ преніе съ лгуномъ. Развеселившійся Титъ Антоновичъ разсказалъ молодымъ служакамъ очень смѣшную исторію, какую отмочилъ регистраторъ, отправивъ, по ошибкѣ, указъ уѣздному суду въ сенатъ, а сенатскій рапортъ въ уѣздный судъ, и какъ члены суда сильно встревожились, получивъ подобную штуку и не знали, что съ нею дѣлать. Хозяева почли долгомъ громко разсмѣяться, когда Титъ Антоновичъ кончилъ разсказъ; Іосифъ Сильвестровичъ даже схватился, отъ сильнаго смѣха, за животъ.

Больше всѣхъ занималъ гостя бесѣдою свѣтскій Вильгельмъ Осиповичъ; онъ ловко маневрировалъ языкомъ и, съ бойкостью опытнаго великосвѣтскаго льва, умѣлъ поддержать разговоръ и найдти тему для бесѣды. Игнатій Адамовичъ, то и дѣло, шмыгалъ въ другую комнату наливать стаканъ пану экзекутору; Іосифъ Сильвестровичъ, нисколько не жалѣя хозяйскаго сахару, валилъ въ его стаканъ чуть-ли не по семи кусковъ (за то сами они пили въ прикуску, увѣряя, что въ накладку терпѣть не могутъ пить); а Станиславъ Осиповичъ все больше и больше подливалъ гостю наливки, увѣряя, что это очень здорово экзекуторскимъ костямъ и поясницѣ.

— Предъ чаемъ всегда слѣдуетъ выпивать по рюмкѣ очищенной; тогда чай вкуснѣе... говорилъ онъ.

И снисходительный Титъ Антоновичъ, какъ послушный ребе-окъ, безаппелляціонно выпивалъ по рюмкѣ очищенной передъ аждымъ стаканомъ, боясь отказомъ огорчить хозяевъ.

Экзекуторъ сильно любилъ выпить и, при томъ, имѣлъ крѣп-ую голову: онъ не скоро хмѣлѣлъ. Чиновники прозвали его за го бездонной бочкой: «вали сколько хочешь—какъ съ гуся вода!» оворили они про него.

Станиславъ Осиповичъ не забывалъ и себя: бѣлорусскаго пун-у онъ не пилъ, потому что терпѣть не могъ наливокъ; за то, ередъ каждымъ стаканомъ, онъ выпивалъ двѣ рюмки очищенной, то, по его мнѣнію, было гораздо здоровѣе малиновой, въ кото-ую плуты-фабриканты, безъ зазрѣнія совѣсти, валятъ «фар-абокъ.»

— Вотъ, пане совѣтнику, посовѣтуйте, что дѣлать мнѣ съ озолями? началъ Вильгельмъ Осиповичъ, когда всѣ пріумолкли: росто ужасъ, какъ они безпокоятъ .... на лѣвой еще не такъ; о на правой-то, на правой! до того разболятся, что я не разъ ринужденъ былъ въ палатѣ скинуть *бутъ*. Удивляюсь, отъ чего это они у меня? Отъ бутовъ не можетъ быть, потому что я ихъ шью изъ мягкаго товара, изъ выростка и шью просторные!

Титъ Антоновичъ хлебнулъ изъ стакана и чмокнулъ губами.

— Возьми панъ дегтю, отвѣчалъ онъ, но дегтю не свѣжаго, а того, который уже съ колеса сваливается, перетершійся совсѣмъ; намажь его на тряпочку, приложи къ мозоли и носи до тѣхъ поръ, не снимая, пока онъ самъ съ мозолью не отвалится. Мозоли какъ не бывало! Это я самъ спрактиковалъ на себѣ и на своей женѣ. Перетершійся деготь отлично дѣйствуетъ; какъ рукой сниметъ!..

Онъ остановился и протяжно хлебнулъ.

— Или, возьми варъ сапожный и тоже, на тряпочкѣ, приложи къ мозоли... Тоже отлично дѣйствуетъ.

Отъ мозолей разговоръ перешелъ къ политикѣ. Іосифъ Сильвестровичъ, читавшій постоянно губернскія вѣдомости, въ которыхъ услужливый редакторъ изрѣдка угощалъ своихъ читателей краткими свѣдѣніями о ходѣ политическихъ дѣлъ, сталъ разсказывать про Мексику. Всѣ слушали внимательно, потому что нѣкоторые изъ нихъ, кажется, и не подозрѣвали существованія Мексики; самъ даже Титъ Антоновичъ, не мало пожившій на свѣтѣ, только что-то, гдѣ-то слышалъ про нее; но и то забылъ. По его мнѣнію заниматься политикою или «пустяковиною» прилично богатымъ людямъ, которымъ нечего дѣлать. Когда Іосифъ Сильвестровичъ умолкъ и съ самодовольнымъ видомъ сталъ глядѣть на слушателей, желая подмѣтить на ихъ лицахъ впечат-

лѣніе, какое произвелъ онъ своимъ умомъ, то Титъ Антонович почесавъ носъ, сказалъ:

— Знаешь что, муй коханый 1) Юзэфъ? брось ты этою н стяковиною заниматься. Развѣ тебя за тѣмъ только и учил чтобъ ты занимался политикою, да читалъ газеты и книжк Тебя выучили читать и писать за тѣмъ, чтобъ ты этимъ хлѣ добывалъ себѣ; а не за тѣмъ, чтобъ ты читалъ, какъ Иванъ ц ловался съ Маріей и какъ птички, при этомъ, чирикали, и какъ живутъ и дерутся въ Мексикѣ. Что намъ за дѣло д нихъ! Пусть себѣ дерутся, пусть выцарапываютъ себѣ глаза: нам отъ этого не легче! По моему мнѣнію, лучше прилежнѣе занятьс тѣмъ, съ чего хлѣбъ ѣшь, лучше, вотъ, больше обращать вни манія на каллиграфію, стараться какъ можно красивѣе чеканит въ сенатъ рапорты, это въ десять тысячь разъ полезнѣе всѣх Мексикъ. И презыдэнтъ, подписывая такой рапортъ, обратит вниманіе на почеркъ и, чего добраго, сдѣлаетъ прибавку къ жа лованью. И я учу своихъ дѣтей; но развѣ я ихъ учу для того чтобъ они потомъ слѣпили глаза надъ политикою и романсами ходили безъ бутовъ и съ подертыми локтями? потому что всѣ ученые ходятъ постоянно оборванцами,—нехай ихъ Панъ Бугъ брони отъ этого.

Коханый панъ Юзэфъ внутренно и самъ сознавалъ, что изъ политики да романовъ не сошьешь шубы; но какъ отказаться отъ удовольствія прослыть ученымъ?

— Все это *свентая* правда, пане совѣтнику, возразилъ онъ разумѣется, прежде всего нужно думать о томъ, съ чего хлѣбъ ѣшь; но не мѣшаетъ иногда знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

— Хи! слушай ты только ихъ, что они пишутъ! съ ѣдкостью затянулъ речитативомъ экзекуторъ. Еслибъ они правду писали, то, пожалуй, отъ нечего дѣлать, не мѣшало бы прочитать. Но развѣ они пишутъ то, что дѣлается?... Атъ, пускаютъ «чмуръ въ глаза,» а дурни 2) платятъ имъ за это деньги... Нѣтъ, брацишку 3) меня, стараго воробья, на мякинѣ не поймаешь! Знаю я, какъ они пишутъ!...

— Вотъ! люблю я пана совѣтника за то, что всегда правду и дѣльно говоритъ! воскликнулъ Станиславъ Осиповичъ: ну, панове, выпьемъ-же мы за здровѣ нашего ясневельможнего и коханего пана совѣтника, осчастливившаго насъ своимъ посѣщеніемъ.

Такъ какъ рюмокъ было всего двѣ, то всѣ выпили тостъ по очереди. Ясневельможный панъ экзекуторъ прослезился отъ такаго радушія и перецѣловалъ всѣхъ; Іосифъ Сильвестровичъ, въ поры-

1) Любезный. 2) Дураки. 3) Братецъ.

умиленія и сильно разчувствовавшись, поцѣловалъ въ руку
[г]а Антоновича, чѣмъ несказанно тронулъ его.
— Терпѣть не могу я ученыхъ, снова началъ онъ, проглотивъ
[к]у хлѣба съ солью, которою закусывалъ заздравный тостъ:
ними просто жить нельзя! Вонъ и у насъ въ палатѣ явился
ный, кажется, семинаристъ. Что-жъ бы вы думали: польза боль-
я съ него палатѣ? Одни только хлопоты, да возня!... Въ про-
юлѣ пишется: «сообразивъ обстоятельства сего дѣла *съ зако-
ми*, палата находитъ,» а онъ наваляль: «разсмотрѣвъ всѣ
[и] обстоятельства, палата нашла!» и увѣряетъ, что такъ луч-
! Значитъ мы всѣ, по его мнѣнію, дурни, а одинъ только
ь и есть розумный 1)?—Этакъ лучше! А куда-же дѣлось: «съ
[за]конами»?... И еще его, какъ дѣльнаго человѣка, посадили въ
[ж]рнальный столъ и назначили десять рублей! Нѣтъ, намъ та-
[ки]хъ ученыхъ не надо!... Я и такъ говорилъ о немъ съ паномъ
[пр]езыдэнтомъ...
— По моему мнѣнію, почтительно замѣтилъ Игнатій Адамо-
[ви]чъ, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ, лучше лапти плесть,
[не]жели заниматься книжками; отъ перваго будетъ бо́льшая польза.
Титъ Антоновичъ внимательно посмотрѣлъ на него изъ подлобья.
— Разумѣется... подтвердилъ онъ: — ну, ее, до дьябла 2),
[вс]ю эту политику...
Чрезъ минуту успокоившись, онъ продолжалъ:
— Вотъ, меня болѣе интересуетъ то, что картошка въ огоро-
[д]ѣ у меня плохо ростетъ: земля у меня очень жирная, а карто-
[ф]ель любитъ песокъ. Да дожди все идутъ: отмочитъ луга, сѣно
[б]удетъ дорого; а у меня коровка есть, такъ нужно и о сѣнѣ думать...
— Ай! и не говорите, пане совѣтнику: и намъ-то ужъ какъ
они надоѣли! воскликнулъ Вильгельмъ Осиповичъ, замахавъ рука-
ми: просто, вокъ какъ! и онъ выразительно провелъ указатель-
нымъ пальцемъ по горлу.
Вильгельмъ Осиповичъ сильно жалѣлъ, что за дождями и
грязью нельзя погулять по бульвару и порисоваться предъ панен-
ками 3) въ клѣтчатыхъ панталонахъ.
— Бѣда съ дождями! жалостно подтянулъ Іосифъ Сильвестровичъ.
— И тифозная по этому у насъ такъ сильна, что погода дрян-
ная, вторилъ Игнатій Адамовичъ.
— Гэрбатка 4) ваша совсѣмъ простынетъ, пане совѣтнику,
нѣжно замѣтилъ Іосифъ Сильвестровичъ.
— Отъ этой погоды всѣ нынче съ насморками возятся, про-
говорилъ панъ совѣтникъ, хлебнувъ гэрбатки: жена моя, просто

---

1) Умный. 2) Къ чорту. 3) Дѣвицами. 4) Чаекъ.

ужасъ, какъ мучится съ нимъ, даже носъ у нея распухъ, вот какъ! И панъ совѣтникъ, приблизивъ свои обѣ руки къ носу растопыривъ пальцы, показалъ имъ наглядно, до какой степе распухъ носъ у его жены.

— Вы посовѣтуйте ей втягивать въ носъ очищенную водк Я всегда этимъ лѣкарствомъ пользуюсь; сейчасъ пройдетъ! Завѣ ряю васъ своимъ *гоноремъ*, совѣтовалъ Станиславъ Осиповичъ.

— Однако у васъ не холодно! замѣтилъ панъ экзекуторъ всталъ съ мѣста, чтобъ походить по комнаткѣ.

Всѣ бросились отодвигать табуреты и столъ и разчищать мѣ сто для прогулки вельможнаго пана экзекутора.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА (*).

I.

Наступила весна 61 года. Ожила природа, ожилъ человѣкъ все улыбается, дышетъ весельемъ и радостью; но не весело, не ра достно въ многолюдной и шумной Варшавѣ. Мрачно и суров глядитъ этотъ городъ, повсюду царитъ гробовое безмолвіе, куд ни повернешься—отовсюду вѣетъ зловѣщимъ уныніемъ; толпы людей безмолвно бродятъ по улицамъ, все безжизненно, мертво,—ни дать, ни взять—кладбище. Мущины плетутся, какъ автоматы глаза ихъ, вмѣсто обычной спѣси, подернуты уныніемъ; грудь и шея ихъ опутаны черными желѣзными цѣпочками; подумаешь, чего добраго, что сатана своими оковами ведетъ ихъ въ царство тѣней Женщины въ глубокомъ траурѣ, словно похоронили всѣхъ своих родныхъ; вездѣ взоръ встрѣчаетъ непривѣтливыя, пасмурныя лица, какъ будто, по дьявольскому навожденію, черныя тѣни по-

(*) Эта брошюра вышла въ Одессѣ на еврейскомъ языкѣ въ истекшемъ году; авторъ ея г. П. М. Смоленскинъ. Мы перевели ее на русскій языкъ, чтобы познакомить русскую публику съ тѣмъ зловреднымъ вліяніемъ, которое имѣли польскія патріотки не только на своихъ «родаковъ», но и на молодыхъ евреевъ. Онѣ, куя изъ самыхъ святыхъ, завѣтныхъ чувствъ ковы противъ москалей, разставляли сѣти всякому встрѣчному, не разбирая, кто въ нихъ попадется свой или чужой. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что по причинѣ чрезвычайной сжатости, свойственной еврейскому языку, мы позволяли себѣ сдѣлать нѣкоторыя перифрастическія отступленія отъ подлинника.

…лились у насъ вмѣсто людей и чернымъ флёромъ окутали нашъ …родъ. Всѣ дома „веселія" закрыты наглухо, самые отчаянные …тухи и кутилы не чинятъ дебошей, не совершаютъ возліяній не распѣваютъ по улицамъ и ко…ейнямъ своихъ лихихъ мелодій, …ни только костелы день-деньской распахнуты настежъ и народъ …итъ въ нихъ—что прибой волнъ къ морскому берегу. По вре…намъ протянется погребальная процессія; длинная — предлин…я вереница черныхъ массъ провожаетъ ее. Но прислушайтесь …имательнѣе къ ихъ напѣвамъ, не похоронныя пѣсни за упокой …ши преставившагося поютъ они, они оглашаютъ воздухъ пѣс…ями буйными, возмутительнаго свойства; чуть подойдетъ нѣсколь…о солдатъ, и ксендзы перемѣняютъ репертуаръ пѣснопѣній, толпы двигаются молча. Ксендзы обходятъ городъ, мутятъ, …къ могутъ, гдѣ могутъ производятъ агитацію и подбиваютъ къ …овстанью." Сумасбродный народъ, который души не слышитъ …ъ своихъ ксендзахъ, дѣтски вѣритъ всякой ксендзовской инси…націи. Бумажки, исписанныя съ обѣихъ сторонъ, словно не…вѣдомой волшебною силой, носятся по воздуху и попадаютъ въ …уки прохожихъ; а тѣ въ попыхахъ прячутъ ихъ въ карманы, …е прочитавши и не замѣтивъ даже, кто ихъ бросилъ. Извѣстное …дѣло, что это указы и прокламаціи пресловутаго подпольнаго …жонда. Подобныя объявленія влетаютъ въ комнату всякій разъ, …акъ только откроютъ окно, льнутъ къ рукамъ покупателей въ …агазинахъ и къ ногамъ колѣнопреклоненныхъ въ костелахъ.

Вотъ вамъ, благосклонные читатели, слабый абрисъ нашего …орода; теперь завернемъ въ одну изъ самыхъ многолюдныхъ …лицъ. Въ этой улицѣ, населенной людьми богатыми, высокаго …олета, красуется домъ громадныхъ размѣровъ. Въ одной ком…натѣ этого дома сидитъ хорошенькая, молоденькая дѣвушка въ …одобающей польской аристократкѣ позѣ, на большомъ креслѣ Она держитъ газету въ рукахъ, но глаза ея устремлены на дверь. То она морщитъ бѣлый, алебастровый лобъ, то стучитъ ножкой по ковру, раскинутому по паркету: видно она нетерпѣливо ждетъ-недождется кого то. Всякому, кто бы ни посмотрѣлъ на эту красавицу, стала бы завидна судьба человѣка, котораго ждетъ она, котораго эта богиня красоты удостоила быть своимъ жрецомъ.

Вдругъ распахнулась дверь и въ комнату не вошелъ, а вбѣжалъ молодой, изящно одѣтый юноша.

— Какъ можно скорѣе отопри дверь въ стѣнѣ, чтобъ спря-

тать эти бумаги, быстро проговорилъ онъ, забывъ даже поздороваться съ миленькой хозяйкой.

Дѣвушка поспѣшно удалилась въ другую комнату, крѣпко ударила по стѣнѣ, гдѣ человѣческое изображеніе тщательно скрывало эту роковую дверь: предъ глазами нашего юноши появилось отверстіе, и онъ швырнулъ сюда бумаги. Вслѣдъ за тѣмъ дѣвушка вернулась и усѣлась на диванѣ, а юноша занялъ мѣсто по правой ея сторонѣ; въ лицѣ его весьма краснорѣчиво сказывалось выраженіе, что его радость и блаженство не знаютъ границъ.

— Разскажи, милый мой Карлъ, о свѣжихъ твоихъ подвигахъ и о новостяхъ, которыя ты успѣлъ разузнать, потому что я смерть хочу услышать ихъ, сказала дѣвушка.

— Къ твоимъ услугамъ, милая моя, отозвался юноша.—Вчера мы на обыкновенный манеръ устроили погребальную процессію, ксендзы молились, народъ за ними, даже изъ городскихъ начальниковъ примкнули къ нашему шествію и провожали насъ до кладбища; тамъ, какъ водится, мы опустили гробъ въ могилу, потомъ, послѣ похоронъ, каждый ушелъ себѣ во свояси. Я одинъ остался на кладбищѣ и спрятался подъ оградой ждать урочнаго часа.

— Ты одинъ?

— Одинъ одинешенекъ, кромѣ привратника, который занялъ свой постъ, чтобы, сверхъ чаянія, не приключилась со мною бѣда. Минулъ день, наступила ночь, да такая облачная, что просто зги не видать, я себѣ знай похаживаю между могилами, перехожу отъ одной плиты къ другой, которыя, право, въ ночную темь сдались мнѣ словно живые люди; прислушиваюсь къ чириканью птицъ, лепету листьевъ, не идутъ ли мои сообщники, да не тутъ-то было; прошла полночь, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Дай, думаю, вернусь домой: вѣрно, мои сообщники ужъ пошли на попятный, раздумали пособить мнѣ; какъ вдругъ, откуда ни возьмись, ухо мое уловило стукъ человѣческихъ шаговъ; я свиснулъ, въ знакъ, что нахожусь на своемъ мѣстѣ. Тутъ три человѣка тишкомъ подошли и ни гу-гу, раскопали могилу, вынули гробъ и разбили его въ дребезги, хранящіяся тамъ деньги и бумаги передали мнѣ, а сами помчались на своихъ коней и поминай, какъ звали.

— А что новаго въ царствѣ?

— Вѣдь знаешь, милая, нашему брату много говорить не

риходится, потому что человѣку, который хочетъ дѣлать дѣло е слѣдъ пускаться въ разглагольствованія; однимъ словомъ, нѣ сказали, что огонь мятежа обнялъ города и веси и неждан-о-негаданно разгорится въ сильное неугасимое пламя. Значитъ, милая, счастливъ нашъ Богъ, все у насъ есть—и сила, и деньги, икто ужъ теперь, чай, не дерзнетъ сопротивляться намъ.

— Даже баронъ Славадскій и графъ Бѣсовскій, которые сейчасъ юнавѣдались о твоемъ возвращеніи, сказали мнѣ, что наши дѣла екутъ, какъ по маслу; затѣи нашего „жонда народовего" увѣнаются успѣхомъ, число людей въ лѣсахъ каждый божій день величивается, молодежь живо откликается на призывный голосъ: ‚бунтъ!" Цѣлые арсеналы ружей и другихъ боевыхъ снарядовъ приготовлены въ разныхъ пещерахъ, въ каждомъ городѣ и селѣ назначены мѣста у пановъ для разсылки писемъ. Войсковые начальники, которые должны вербовать людей, служатъ намъ службу вѣрой и правдой; тѣ, которые доставляютъ намъ свѣдѣнія, исполняютъ свою обязанность добросовѣстно.

Мало того, наготовѣ даже лица, которыя охотно займутъ эти мѣста, когда ихъ собратамъ прійдется не въ мочь.... Словомъ, сѣти раскинуты повсемѣстно и скоро, даже очень скоро, москали попадутся въ простертыя нами для нихъ путы. Не такъ ли, Карлъ? радостно воскликнула дѣвушка, обвивая его своими руками.

— Твое лице, милая Аурелія, дышетъ радостью, но скажи мнѣ, на-милость, безъ утайки, не пугаетъ ли тебя мысль, что, можетъ быть, всѣ наши воздушные замки, сооруженные нашимъ взбалмошнымъ воображеніемъ, рухнутъ въ пухъ и мы заживо будемъ похоронены подъ ихъ развалинами?

— Нѣтъ, нѣтъ, broń Boże отъ такихъ грѣховныхъ помысловъ, они ни къ чему путному не ведутъ, а только приносятъ намъ вредъ, ослабляютъ нашъ духъ и вселяютъ намъ робость. Неужели не знаешь, что намъ нѣтъ другаго пути, кромѣ „впередъ" да „впередъ"; мосты за нами сняты, а коли вернемся обратно, намъ ужъ не сдобровать: потонемъ въ бездне. Поэтому я все твержу: намъ только остается, либо силою, просто наступая на горло, отнять у москалей нашу дорогую ойчизну, либо сгинуть доединаго,—эти послѣднія слова она проговорила въ сильномъ волненіи и глаза ея сверкнули геройскимъ огнемъ.

— Ей-ей, милая, ума не приложу, откуда взялся такой геройскій духъ у женщины, воспитанной въ роскоши и нѣгѣ? Повѣришь, что немногихъ изъ насъ, мущинъ, природа надѣлила

такою самоувѣренностью. Положимъ, примѣрно, я, хотя люблю тебя всей душой, готовъ весело пойти въ огонь и воду, если тебѣ это заблагоразсудится: мнѣ, моя милая, все ни почемъ ради тебя, однако все таки не могу увѣрить себя, что намъ улыбается удача. Много, много на нашемъ пути шероховатостей и помѣхъ, о которыя мы можемъ запнуться. Но пуще всего я печалюсь и мучусь отчего я втянулъ въ бѣду почтеннаго моего отца, который ни за что, ни про что, погибнетъ вмѣстѣ съ нами.

— Я не знаю, что ты хочешь этимъ сказать и куда мѣтятъ твои загадочныя для меня слова. Говори толкомъ, тогда буду знать въ чемъ дѣло,—съ коварной усмѣшкой замѣтила Аурелія.

— Развѣ не знаешь, что я спряталъ въ молельнѣ моего отца типографическую машину, чтобы мы могли тамъ спокойно печатать наши бумаги?

Аурелія залилась звонкимъ смѣхомъ, — ха, ха, ха.... дѣйствительно, какъ ты не посовѣстился это сдѣлать! слыхано ли, видано ли, чтобы были принесены подобныя запрещенныя вещи въ домъ смирнаго еврея, всецѣло преданнаго русскому правительству и еще руками собственнаго сына, который, ради своей любви въ христіанскую дѣвушку, хочетъ отрекаться отъ религіи своихъ отцовъ!

— Да, тебѣ это смѣшно, а мнѣ напротивъ больно жутко, замѣтилъ Карлъ почти сквозь слезы,—ей, ей, денно и нощно голова моя занята этой страшной думой. Былъ бы я одинъ, безъ отца, я бы весь жертвовалъ собою нашему польскому дѣлу безпрекословно, какъ я теперь всей душой отдался тебѣ; но, чтожъ мнѣ дѣлать со старикомъ отцомъ! Сама посуди, могу ли я быть такимъ жестокимъ тираномъ противъ моего многоуважаемаго отца, уши котораго съ дѣтства, можно сказать, ни отъ кого не слыхали худаго слова! Боже мой, Боже мой! что я надѣлалъ: слыханное ли дѣло, чтобы сынъ поставилъ западню своему отцу, чрезъ которую, Боже сохрани, онъ можетъ съ позоромъ и стыдомъ низринуться въ могилу! Охъ, охъ, охъ.... нечего стыда таить, я не перенесу этого мерзкаго и гадкаго поступка, онъ заглушаетъ во мнѣ всякую веселую, радостную надежду.

— Перестань, полно тебѣ вздоръ молоть! что ты, бѣлены, что-ли, объѣлся? Я тебя увѣряю, что полицейскимъ даже въ голову не придетъ мысль обыскивать молельню твоего отца, находящуюся въ грязномъ, вонючемъ переулкѣ, гдѣ не шагала нога порядочнаго человѣка; тѣмъ болѣе еще, что она принадлежитъ

воему отцу,—человѣку, по твоимъ словамъ, извѣстному повсюду за честнаго и тихаго.

— Ради самаго Бога прошу тебя, оставь попусту утѣшать меня. Я очень хорошо знаю, что полиція зорче теперь всякаго Аргуса и она въ такое смутное время просто тысячью глазами смотритъ во всѣ стороны. При всемъ томъ, по правдѣ говоря, вѣдь всѣ доносчики изъ нашихъ единовѣрцевъ, которые готовы, пожалуй, за весьма сходную цѣну отца роднаго продать; отъ нихъ никакъ не утаишь. Я тебя увѣряю, что скоро они пронюхаютъ всѣ наши тайны и раструбятъ повсюду. Каждый человѣкъ, имѣющій хоть каплю претензіи назвать себя порядочнымъ, безпрестанно долженъ горько упрекать себя за такой поступокъ.— Нѣтъ, во что бы то ни стало, я рѣшаюсь разъ на всегда пролить до послѣдней капли кровь мою для блага польскаго дѣла, но отнюдь не буду мѣшать туда моего отца, котораго отъ всей души уважаю и люблю....

— Впередъ чтобы я не слушала отъ тебя такихъ пошлыхъ словъ, а то я разсержусь и ни словечка не вымолвлю съ тобою, закричала Аурелія, не давая ему окончить.—Если бы ты донынѣ не показалъ мнѣ твоихъ геройскихъ подвиговъ, я бы полагала, что ты болтаешь эту нелѣпость въ припадкѣ трусости и страха, продолжала она наставительно. Положимъ даже, по твоему, отецъ твой и находится въ большой бѣдѣ и онъ погибнетъ отъ этой бѣды, но развѣ можно жертвовать цѣлымъ народомъ изъза одного человѣка? По твоему также выходитъ, что спокойствіе индивидуума дороже спокойствія милліоновъ людей! Я не понимаю, вообразить себѣ не могу, какъ и какимъ образомъ можетъ человѣкъ считать себя спокойнымъ и счастливымъ, когда ойчизна его такъ жестоко порабощена. Теперь ты не долженъ думать ни о твоемъ отцѣ, рѣшительно ни о чемъ и только дума, ведущая къ освобожденію нашей дорогой ойчизны должна занимать тебя. Да, много воды утечетъ, пока мы достигнемъ нашей цѣли и еще больше прольется невинной крови, прійдется намъ нашими стопами ступать по трупамъ нашихъ сообщниковъ, пока не выживемъ этихъ москалей изъ нашей польской ойчизны. Но что значатъ наша слава, наша жизнь и все наше богатство предъ великимъ спасеніемъ, которое принесемъ нашими руками милліонамъ людей, изнывающихъ подъ тяжкимъ москальскимъ гнетомъ?—ничтожна наша жизнь, суета—наша слава! Безъ хорошихъ дѣяній память о насъ исчезнетъ, словно волдырь на водѣ,

что мыльный пузырь предъ дуновеніемъ сильнаго вѣтра. Толь это благое дѣло,если исполнимъ, пожнетъ намъ лавры въ настоящем и сдѣлаетъ насъ безсмертными въ будущемъ поколѣніи.... Карл кажется, давно ужъ пора была бы стонамъ и слезамъ угнетенна и порабощеннаго польскаго народа заглушить и потушить тво пламенную любовь къ отцу?!

— Нѣтъ, я сказалъ разъ и не перемѣню моего слова, хот какъ подобаетъ всякому и каждому благомыслящему граждан ну, дорожу нашей ойчизной, но моя любовь къ отцу горазд сильнѣе; повѣрь, еслибы не любовь, которою ты плѣнила мен я бы ни за какія блага на свѣтѣ не согласился поставить машин въ молельню отца, чрезъ что онъ можетъ погибнуть, совсѣмъ непо винный. Охъ, охъ.... только эта любовь теперь заправляетъ мною я слишкомъ обезсиленъ, чтобы бороться съ нею. Хотя по временам мой разумъ вразумляетъ меня и живо представляетъ предъ мо ими глазами всю гибельную будущность, которую готовлю себѣ и на мгновеніе устрашаюсь, сердце мое млѣетъ и жмется; н лишь только ты посмотришь на меня твоими глазами, перепол ненными любезностью, я забываю рѣшительно обо всемъ и опят дѣлаюсь слѣпымъ орудіемъ въ твоихъ рукахъ.—Говоря это, Карл заключилъ ее въ свои объятія и она впила въ него страстно пылающіе глаза свои, которые могли растворить и зажечь почти оледенѣлую кровь старика, а тѣмъ болѣе горячую и пылкую кровь юноши.—За тебя, милая моя, продолжалъ Карлъ съ воодушевленіемъ,—за тебя я готовъ на все, рѣшительно на все, даже всю мою жизнь готовъ поставить на карту. Право, еслибъ ты могла плѣнить и околдовать цѣлые народы, точно какъ людей ты стала бы царицею всего міра; не диво, потому, что я одержимъ такою пламенною любовью къ тебѣ и сгараю нетерпѣніемъ, ожидая той блаженной минуты, когда буду въ правѣ сказать: „ты моя!“

— Умоляю тебя, Карлъ, милый мой, не вспоминай преждевременно про любовь.

— Я боюсь, быть можетъ время это очень далеко.

— Терпѣніе, терпѣніе, Карлъ, покуда утихнетъ эта кутерьма и наша возьметъ,—тогда я вся твоя; но до той поры прошу тебя и словомъ не пикнуть про любовь, даже не думать о ней. Кстати, Карлъ, ступай какъ можно скорѣе къ ксендзу Франциску и прикажи ему именемъ „жонда народовего“ всячески стараться своими проповѣдями разбудить своихъ спящихъ прихожанъ,—скажи, чтобы

въ проклиналъ тѣхъ, которые хотятъ теперь сидѣть сложа ки, не участвуя въ „повстаньи,“ пусть онъ лишитъ всякаго, ю не хочетъ помогать собратамъ, идущимъ на борьбу съ москами, всѣхъ блаженствъ будущей жизни.

— Какъ-же я могу приказывать человѣку, котораго я совершенно не знаю?

— Не безпокойся, онъ хорошо знаетъ тебя, ему даже хорошо звѣстны всѣ твои дѣла. Ступай скорѣе, не мѣшкай!

— Иду.

— Завтра я слишкомъ занята, приходи ко мнѣ послѣ завтра и поговоримъ по душѣ.

— Ахъ еслибъ ты знала съ какою убійственною для меня медлительностью тянется теперь время; я тебѣ говорю, что минуты для меня, словно день цѣлый, а день—ужъ просто цѣлый вѣкъ; но нечего дѣлать, твое повелѣніе я долженъ свято исполнить. Прощай.

— До свиданья.

Когда Карлъ вышелъ и затворилъ за собою дверь, Аурелія аристократически поднялась съ кресла и презрительно-саркастически усмѣхнувшись, покачала вслѣдъ за нимъ головой.— Эхъ ты дурачина, хамова простота, начала она съ презрѣніемъ,— кто это съ дуру увѣрилъ тебя, что я тебя люблю? Въ порывѣ пылкаго воображенія ты созерцаешь привлекательную перспективу и уже воображаешь себѣ, какъ ты будешь моимъ супругомъ, но какъ ты глупъ, какъ ты спѣсивъ,... Никогда, никогда, милый мой. Мыслимо ли это, чтобы польская аристократическая дѣвушка, которая теперь всѣми панами и вельможами ворочаетъ, въ рукахъ которой вся судьба нашей ойчизны, отдала свою душу, свою судьбу презрѣнному и паршивому отродью жидовъ, къ которымъ съ молокомъ матери она всасывала презрѣніе и ненависть. Да, много значитъ для меня твоя жизнь, которою ты въ состояніи жертвовать выражая свою любовь ко мнѣ,—ровно ничего! Нѣтъ, мой милый, за такую мизерную цѣну не пріобрѣтешь себѣ руки польской аристократической дѣвушки. Ты можешь быть увѣренъ, что еслибъ я не чтила и не дорожила совѣтами моего отца, я бы даже и прикинувшись не унизилась говорить съ тобою, жидомъ, любезности; но подожди, когда пріидетъ конецъ этой кровавой сценѣ, тогда увидишь, какъ ты опростоволосился въ своихъ фантастическихъ расчетахъ. Это и такъ будетъ для тебя чрезмѣрною наградою за всѣ твои труды и ста-

ранія, что позволятъ тебѣ вырваться изъ твоего жидовскаго ге-
тои и жить съ нами, поляками.

Для большей ясности скажемъ, что Аурелія рѣшительно не чувство-
вала никакаго расположенія, ни любви къ нашему молодому Карлу,
который, взаправду, былъ влюбленъ въ нее, какъ говорится, по уши.
А если она разъигрывала роль влюбленной, позволяла парху—жиду
любезничать съ собой, строить куры, то потому только, что свято хра-
нила іезуитское наставленіе отца, повелѣвающее не трепетать
ни предъ какими мерзкими штуками для „высшихъ цѣлей."
Дѣло въ томъ, что отецъ ея, нагадивши порядочно и убоясь неспра-
ведливой кары дикихъ москалей, спасъ животъ свой бѣгствомъ
въ Парижъ. Передъ отъѣздомъ онъ почелъ нужнымъ завѣщать
дочери слѣдующее: ты, любимая Аурелія, призвана къ великому
дѣлу, не даромъ тебя Господь Богъ взыскалъ двумя хорошими
качествами; красотою и умомъ. Употреби эти дары Божіи на
пользу. Nasza Polska jeszcze nie zginęła, прійдетъ пора, она стрях-
нетъ съ себя ненавистное московское ярмо, подыметъ свою выю, столь
долго преклоненную и попранную нашими врагами москалями.
Но наша слава, наше величіе не воскреснутъ, если мы, зажму-
ривъ глаза, рабски-покорно будемъ взирать на наши невзгоды
и бѣдствія. „Разорвемъ наши цѣпи и будемъ свободны,"—вотъ
нашъ девизъ. Всякій, дитя мое, въ чьихъ жилахъ течетъ благо-
родная польская кровь, обязанъ всячески стараться вредить вра-
гу, обезсилить его и стереть съ лица земли. Знай же, что ты
въ состояніи совершить много благъ для нашей ойчизны:
своею красотою ты можешь заполонить себѣ молодежь, своимъ
рѣдкимъ умомъ и быстрымъ, стремительнымъ потокомъ твоего
краснорѣчія ты можешь ихъ увлечь; распалять ихъ легко—по-
датливыя натуры и направлять противъ нашихъ враговъ. „Ра-
зорвемъ наши цѣпи и будемъ свободны"—повторяю тебѣ еще разъ,
храни этотъ девизъ пуще всего на свѣтѣ, запечатлѣй его глубоко
въ свою душу. Благо нашей дорогой ойчизны должно служить
тебѣ путеводною звѣздою, не теряй ея изъ виду. На нашемъ
горизонтѣ теперь мрачно, но этотъ мракъ напускной, онъ напу-
щенъ нашими недругами; мы можемъ разсѣять его, и намъ
улыбнется свѣтлое солнышко. Не брезгай ничѣмъ, что только
можетъ идти намъ въ пользу; пасовать передъ грязнымъ и даже
самымъ чернымъ поступкомъ не слѣдуетъ: благо нашей ойчизны
окраситъ все, даже самое темное, своимъ великолѣпнымъ, луче-
зарнымъ свѣтомъ. Жидами намъ тоже теперь не слѣдуетъ пре-

беречать, они могутъ намъ пригодиться и ихъ ты должна ловить на свою удочку. Будемъ ихъ гладить по головкѣ, сулить имъ золотыя горы, называть ихъ братьями, покуда Польша не будетъ наша, а потомъ, разумѣется, они съѣдятъ грибъ: жидъ намъ, полякамъ, не пара. Заруби себѣ эти слова, помни ихъ и не запятнай своего имени трусостью и малодушіемъ."—Эти слова пали на благодатную почву. Аурелія принадлежала къ тѣмъ заядлымъ патріоткамъ, которыя до нельзя бываютъ вышколены во всѣхъ іезуитскихъ художествахъ и мастерствахъ; она ловко раскидывала сѣти, передъ всякимъ встрѣчнымъ—поперечнымъ изворачивалась мелкимъ бѣсомъ, чтобы завлекать въ эти сѣти и христіанъ и жидовъ; въ ущербъ своей шляхетской спѣси она якшалась съ молодыми жидками и разсыпалась передъ ними, такъ сказать, въ самыхъ радужныхъ обѣщаніяхъ. Не мудрено, что нашъ Карлъ не устоялъ противъ искушенія и не подозрѣвалъ, что онъ жестоко ошибается а, наоборотъ, заносился весьма далеко въ своихъ заманчивыхъ надеждахъ. Вскорѣ Аурелія забрала въ свои руки бразды правленія почти цѣлымъ революціоннымъ движеніемъ, ея домъ служилъ мѣстомъ сходокъ, тамъ происходили политическія совѣщанія, тамъ читались запрещенныя газеты и преступныя письма.

(Продолженіе впредь).

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ СЕЛѢ ДАРЕВѢ.

Село Дарево—Новогрудскаго уѣзда, стволовичскаго благочинія, 3-го мироваго участка, въ 5-мъ станѣ. Село это замѣчательно бывшимъ здѣсь до 1833 года монастыремъ, а церковь здѣшняя мѣстно-чтимою явленною иконою Божіей Матери. Едвали нужно и говорить, что разломанная церковь, на мѣстѣ которой возведена настоящая новая, носитъ на себѣ слѣды и бывшей здѣсь уніи и того уничиженія, въ которомъ находилось болѣе двухсотъ лѣтъ православіе въ здѣшней странѣ. За то зданіе церкви, вновь здѣсь воздвинутой, является уже видимымъ знакомъ торжества православія и усердія къ великолѣпію святыни и вѣнцено-

цевъ святой Руси, и исполнителей воли Царской, и самихъ здѣшнихъ православныхъ прихожанъ. Да, къ чести управляющаго государственными имуществами Минской губерніи В. Д. Севастіанова, церковь въ с. Даревѣ построена и изящно, и прочно. В. Д. съумѣлъ найти подрядчика, который, подъ неослабнымъ наблюденіемъ и руководствомъ его и мѣстнаго священника, возвелъ зданіе церкви такъ добросовѣстно, такъ прочно и такъ изящно въ частяхъ и въ цѣломъ, какъ это рѣдко случалось видѣть.

И вотъ освященіе этой церкви совершено 13 ноября истекшаго 1867 г., но не неутомимымъ нашимъ, богомудрымъ архипастыремъ, который въ то время подвизался въ освященіи церквей слуцкаго монастыря и села Замостья, а мѣстнымъ благочиннымъ, протоіереемъ Николаемъ Саввичемъ, въ сослуженіи десяти священниковъ сосѣднихъ приходовъ.

13 ноября стужа была значительная; порывистый восточный вѣтеръ наносилъ снѣговыя тучи и морозилъ сильно. Казалось, при освященіи церкви будетъ мало молельщиковъ. По призыву настоятеля даревской церкви о. І. Миткевича, прибывъ въ село Дарево въ 6 часовъ утра, въ день освященія церкви, я тамъ уже нашелъ о. протоіерея Саввича и двухъ священниковъ, еще наканунѣ туда прибывшихъ, и новогрудскаго лѣсничаго С. В. Алексѣева, который приготовлялся съ пѣвчими колпеницкаго училища къ наступающему богослуженію.

Въ 6 часовъ началось вненощное богослуженіе и кончилось около девяти. Пора было приготовляться и приступать къ освященію церкви; благовѣстъ продолжался, а богомольцевъ не было или почти не было. Съ глубокимъ смущеніемъ стоялъ въ церкви мѣстный священникъ о. Миткевичъ, скорбя о томъ, что духовныя его чада не вняли его пастырскому призыву и не поспѣшили къ торжеству. Между тѣмъ вьюга еще усилилась; нельзя было ожидать большаго стеченія, тѣмъ болѣе, что это былъ день буднишній. Но ровно въ 9 часовъ какъ бы сговорившись, со всѣхъ сторонъ, начали стекаться и пѣшіе, и верховые, и на саняхъ прихожане даревской и сосѣднихъ церквей, такъ что не болѣе какъ чрезъ полчаса церковь уже не могла вмѣстить всѣхъ молившихся и большая половина ихъ помѣстилась въ оградѣ церковной. Въ исходѣ 10 часа совершено водоосвященіе, послѣ котораго о. Іоаннъ обратился съ рѣчью и къ своимъ пасомымъ, благодаря ихъ за усердіе въ постройкѣ церкви, и къ са-

щеннослужащимъ, почтившимъ своимъ участіемъ ея освященіе; наконецъ послѣдовало освященіе церкви, во время коего богодухновенные псалмы умилительно пѣты были пѣвчими, и за тѣмъ открылся крестный ходъ за святыми мощами въ кладбищенскую церковь, находящуюся на горкѣ, параллельно къ самостоятельной,—разстояніемъ около четверти версты отъ сей послѣдней.

Умилительно-торжественное было зрѣлище, когда въ предшествіи св. креста, при вѣяніи св. хоругвей—знаменій торжествующаго христіанства, а здѣсь и торжествующаго православія, при пѣніи священныхъ пѣснопѣній, священнослужащіе и за ними весь молящійся людъ православный, медленно, тихо и благоговѣйно спускался съ церковной горки и подымался на кладбищенскую, и обратно.

Медленно было шествіе и, не смотря на жестокій вѣтеръ, никто не ускорялъ шаговъ своихъ; казалось, всѣ хотѣли заявить, насупротивъ высящемуся римскому костелу, свое торжество, торжество православія и свою духовную радость. По окончаніи освященія, провозглашено было многолѣтіе благочестивѣйшему Государю Императору и всему Августѣйшему дому, св. сѵноду и высокопреосвященнѣйшему Михаилу, архіепископу минскому, священнослужащимъ и всѣмъ потрудившимся въ созиданіи и украшеніи освященнаго храма.

Божественную литургію совершалъ о. протоіерей Саввичъ, въ сослуженіи шести священниковъ; а во время причастнаго, пишущимъ сіе, произнесено было слово, соотвѣтственное торжеству.

Послѣ богослуженія, члены церковнаго совѣта угощали прихожанъ новоосвященнаго храма, и прихожанъ сосѣднихъ церквей, а священно-служители и почетнѣйшіе гости, участвовавшіе въ торжествѣ освященія церкви, приглашены были радушнымъ хозяиномъ на хлѣбъ-соль. Здѣсь были провозглашены тосты за здравіе Государя Императора, высокопреосвященнаго архипастыря и потрудившихся въ дѣлѣ сооруженія церкви; а хоръ пѣвчихъ колпеницкой церкви исполнялъ въ то время народный гимнъ и „многая лѣта.“ Скромно и тихо совершилось торжество наше: безъ величественнаго святительскаго священнодѣйствія, въ отсутствіи высшихъ гражданскихъ властей, даже безъ мѣстнаго уѣзднаго начальства; но, при всемъ томъ, впечатлительно и радостно было оно для насъ, и пасомыхъ нашихъ.

Когда, по окончаніи всего богослуженія, священнослужащіе вы-

ходили изъ церкви, весь народъ двинулся къ нимъ за полученіемъ благословенія, и, на поздравленіе съ освященіемъ храма Божія—отвѣчалъ радостными кликами и воззваніями: „дай Богъ еще намъ дождаться такаго *набоженства*,—видѣть и находиться при освященіи церкви."

Лукской церкви священникъ Іаннуарій *Наркевичъ*.

5 декабря 1867 года.

ОСВЯЩЕНІЕ ГЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ МАРІИНСКОМЪ ДѢВИЧЬЕМЪ МОНАСТЫРѢ.

Послѣдній день отшедшаго въ вѣчность 1867 года ознаменованъ или лучше—довершенъ новымъ торжествомъ православія, давно желаннымъ и утѣшительнымъ для всѣхъ. Торжество это—освященіе главной церкви виленскаго маріинскаго дѣвичьяго монастыря. Читатели наши помнятъ, что женская обитель маріинская устроена въ Вильнѣ послѣ мятежа, на мѣстѣ женскаго-же римско-католическаго монастыря, такъ называемыхъ *Визитокъ* *), закрытаго по оставленіи послѣдними своего монастыря; но большая часть читателей не знаютъ объ особенномъ мѣстоположеніи обители. Она стоитъ на концѣ города, даже какъ бы за городомъ, въ уединенномъ мѣстѣ, но не въ совершенной отдѣльности отъ города, такъ что, прикрытая стѣнами и тѣнистыми деревьями, удаленная отъ городскаго шума, обитель составляетъ свое особенное цѣлое, могущее удобно жить отдѣльною отъ міра, *иноческою* жизнію; а не прерываясь совершенно съ городомъ, она, посредствомъ удобныхъ путей, представляется безпрепятственною для посѣщенія городскими и другими молитвенниками и молитвенницами; будучи же сооружена на возвышеннѣйшей прекраснѣйшей мѣстности, какъ бы на вѣнцѣ всего города и видимая почти со всѣхъ подъѣздовъ къ городу, она привѣтливо призываетъ за свою спасительную ограду всѣхъ труждающихся и обремененныхъ странницъ дольняго міра, для душевнаго успокоенія и спасенія, до отшествія

---

*) Римско-католическій орденъ монахинь «Визитокъ» посвященъ священному воспоминанію посѣщенія прав. Елисаветы Божіею Матерью; у виленскихъ визитокъ символомъ ихъ призванія было сверхъ того пламенѣющее сердце, изображенія котораго начертаны были на всѣхъ видныхъ мѣстахъ.

ь міръ горній къ Іерусалиму небесному. Со времени освяенія малой теплой церкви, въ память Покрова Пресвятыя огородицы (18-го декабря 1865 г.), монастырь могъ удовлетвоіть своей насущной нуждѣ, участвовать въ ежедневномъ церівномъ богослуженіи; но не могъ не чувствовать нужды и въ лѣе просторномъ храмѣ, по причинѣ тѣсноты и духоты, осоінно въ воскресеніе и праздничные дни, по случаю множества ібиравшихся богомольцевъ. И вотъ, нуждѣ этой суждено было іть удовлетворенною не ранѣе 31 декабря 1867 г.: недостатокъ іежныхъ средствъ для окончательной отдѣлки большаго храма, съ другой стороны, вслѣдствіе желанія устроить его возможно іаголѣпнѣе, тщательная отчетливость въ исполненіи всѣхъ іботъ, были причиною не скораго его окончанія. За то, благоіреніе и слава Господу, храмъ вышелъ вполнѣ изящный, соотѣтственный заботамъ устроить его для славы великаго Бога для назиданія молящихся: при обиліи свѣта, иконостасъ его— кадемической работы и стариннаго письма на золотомъ полѣ, сполненный символизма вселенской церкви, не взоры только, слаждаетъ, но служитъ именно живою книгою, наглядно изобраіающею предъ молящимися судьбы церкви Божіей на землѣ и а небѣ, и поучающею тайнамъ нашего спасенія въ лицѣ и жизіеописаніи Господа нашего Іисуса Христа. Самый внѣшній обіазъ храма—крестообразный, съ куполомъ, обращенный алтаремъ іа востокъ, вводитъ въ утѣшительную думу, чудящуюся дѣйтвіямъ промысла Божія, что созданный руками иновѣрныхъ строителей и для иновѣрныхъ цѣлей, храмъ этотъ издревле Спасителемъ міра предназначенъ во святыню, расширеніе и укрѣпленіе свѣтлаго и спасительнаго православія. И Маріинская обитель призвана осуществлять эти предначертанія Промысла: помимо своихъ молитвенныхъ подвиговъ и благоговѣйнаго, умилительнаго, трогательнаго пѣнія при богослуженіяхъ, такъ располагающаго къ теплой, слезной, сосредоточенной молитвѣ, монастырь служитъ прибѣжищемъ и мѣстомъ наставленія и присоединенія въ Вильнѣ къ православію всѣхъ иновѣрокъ, притекающихъ изъ латинства, еврейства и магометанства подъ сѣнь св. нашей церкви; здѣсь же устроенъ и скоро будетъ открытъ пріютъ для воспитанія дочерей недостаточныхъ русскихъ чиновниковъ и дочерей сиротствующихъ или бѣдныхъ родителей мѣстнаго православнаго духовенства, которыя не могутъ поступить въ виленское училище

дѣвицъ духовнаго званія. Эти питомицы, здраво обученныя истинамъ св. православной вѣры, воспитанныя въ началахъ православія, самодержанія и русской народности, со временемъ внесутъ въ свои семейства тотъ спасительный, созидающій благоденствіе страны, духъ, который долженъ *вытѣснить* духъ иноземства, крамолы и разрушенія, такъ сильно въ послѣдніе времена внѣдрявшійся въ семейства матерями и дочерями—исповѣдницами той церкви, къ которой принадлежала и *упраздненная* обитель визитокъ. Освященіе новаго храма, было совершено соборнѣ преосвященнѣйшимъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовской епархіи, съ обычною въ подобныхъ случаяхъ торжественностью. Храмъ освященъ во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины, по имени которой названа и сама обитель. Настоящее празднество, сверхъ множества молитвенниковъ и молитвенницъ, почтили своимъ присутствіемъ гг. помощники главнаго начальника края: по военной части — З. С. Манюкинъ и по гражданской — М. И. Чертковъ, начальникъ виленской губерніи С. Ѳ. Панютинъ съ супругою, графиня Баранова и многіе высшіе военные и гражданскіе чины, а также усердныя къ дѣлу св. вѣры виленскія дамы. По освященіи храма произнесено было благочиннымъ монастыря архимандритомъ Іосифомъ Слово, приноровленное къ мѣсту и обстоятельствамъ событія.

(*Л. Е. В.*)

ОСВЯЩЕНІЕ КЛАДБИЩНОЙ ЦЕРКВИ

въ деревнѣ Клепачахъ, Ивашковичскаго прихода (Пружанскаго уѣзда.)

5-го ноября 1867 года происходило въ деревнѣ Клепачахъ, Ивашковичскаго прихода, освященіе кладбищной деревянной церкви, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы.

Деревня Клепачи издавна отличается особеннымъ благочестіемъ и усердіемъ къ святой церкви своихъ жителей. Въ двухъ своихъ половинахъ, принадлежитъ она двумъ сосѣднимъ приходскимъ церквамъ—Ивашковичской и Езерничской, и причты обѣихъ церквей по справедливости считаютъ эту деревню лучшимъ украшеніемъ своихъ приходовъ. Въ этомъ отношеніи Клепачи можно ставить въ примѣръ и для всѣхъ ихъ сосѣдей. Хороша и ихъ деревушка, расположенная на двухъ горкахъ, открывающихъ привольный видъ обширной луговой равнины, по мѣстамъ испещренной мелкими лиственными рощицами и орошаемой обширнымъ, такъ называемымъ, *бездоннымъ* озеромъ, съ которымъ у народа соединено много смутныхъ преданій. И крестьянскіе дома въ Клепачахъ тоже не подъ стать избамъ по другимъ деревнямъ: чистые они, свѣтлые, по большей части съ трубами, а у нѣкоторыхъ хозяевъ внутренніе дворики такіе чистенькіе, что любо глядѣть.

Вотъ жителямъ этой деревушки и запала въ сердце добрая мысль украсить родное кладбище храмомъ Божіимъ. А починъ этому дѣлу принадлежитъ крестьянину Константину Ракевичу, при наставленіяхъ и поощреніи словомъ и личными жертвами священника Ивашковичской церкви отца Игнатія Кончевскаго. При пособіи другихъ усердныхъ крестьянъ тойже деревни, именно: Василія Лабейки, Степана Вовчка, Луки Францкевича и Франца Ракевича, удалось убѣдить прочихъ однодеревенцевъ взяться за доброе дѣло. И вотъ, испросивъ архипастырское разрѣшеніе, приступили добрые люди къ святой работѣ; ни трудовъ они своихъ не жалѣли, ни издержекъ, а когда не въ мочь имъ приходило, тогда высылали въ міръ Божій по своимъ приходамъ однодеревенца своего Игнатія Гущу, и тотъ съ усердіемъ обходилъ весь за весью и собиралъ на пользу устрояемаго храма Божія.

На третій годъ послѣ основанія храма, онъ былъ оконченъ

и наконецъ настал давножданный день освященія онаго. Церковь вышла хотя скромная, но вполнѣ приличная, построена прочно, а иконостасъ въ ней даже красивѣе и лучше, чѣмъ въ очень многихъ приходскихъ церквахъ. Строители храма употребили все стараніе на то, чтобы освященіе церкви было, по мѣрѣ средствъ ихъ, какъ можно торжественнѣе. Собрали два очень стройныхъ пѣвческихъ хора обоихъ своихъ приходовъ Иванковичскаго и Езерничскаго, разукрасили новосозданную церковь и ограду оной всегда зелеными елками, оповѣстили своихъ сосѣдей о своемъ праздникѣ, — и въ день освященія собралось изъ окрестныхъ селъ очень много народа повидѣть и участвовать въ великомъ церковномъ торжествѣ деревни Клепачей. Къ освященію церкви съѣхалось также и пять окрестныхъ священниковъ съ двумя діаконами. Торжество началось еще вечеромъ наканунѣ дня освященія церкви, торжественною всенощной службой, совершенной соборнѣ тремя священниками. Въ темную осеннюю ночь, ярко освѣщенная, оттѣняемая ближнимъ сосновымъ боромъ, новосозданная церковь сіяла великимъ свѣтомъ, бросая обильную массу его по сторонамъ, какъ бы въ вещественное знаменіе того, что вскорѣ она будетъ вмѣщать въ себѣ великое богатство и духовнаго свѣта и обильно будетъ источать великіе дары Божіи всѣмъ ищущимъ свѣта и истины Христовой. На утро слѣдующаго дня совершенъ былъ изъ приходской церкви крестный ходъ въ новосозданную, на шестиверстномъ разстояніи, и за прибытіемъ его тотчасъ приступлено было къ освященію храма, которое, за нездоровьемъ мѣстнаго благочиннаго, совершили трое прибывшихъ священиковъ съ двумя діаконами. За тѣмъ была отслужена и святая литургія.

По окончаніи богослуженія, главный виновникъ торжества крестьянинъ Константинъ Ракевичъ пригласилъ духовенство и почтеннѣйшихъ своихъ сосѣдей и предложилъ въ своемъ домѣ радушное угощеніе. Мы были окружены здѣсь праздновавшими свое и наше торжество—крестьянами, шедшими рука объ руку съ нами всегда неизмѣнно и во время печали и во время радостей; оттого наиболѣе и трапеза у гостепріимнаго хозяина была и сладкая, и веселая.

Такъ создался, такъ освятился новый храмъ Божій въ деревнѣ Клепачахъ.

ИЗЪ МОЗЫРЯ.

9-го сего марта, послѣ всенощнаго бдѣнія, присоединился ь православной церкви ученикъ 7-го класса Мозырской гимнази, изъ римско-католиковъ, П. Ѳ. Доливо-Добровольскій, приадлежащій къ одной изъ здѣшнихъ дворянскихъ фамилій и, акъ ученикъ, всегда отличавшійся превосходными дарованіями успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ. Обрядъ присоединеія совершенъ былъ, по чину православно-каѳолической церви, законоучителемъ Мозырской гимназіи, протоіереемъ Гергіемъ Тарнопольскимъ при многочисленномъ стеченіи народа зъ православныхъ и римско-католиковъ; свидѣтелями присоединенія, въ качествѣ воспріемниковъ, были,—за болѣзнію диектора гимназіи,—исправляющій должность инспектора ея Е. Ц. Добровольскій и уѣздный исправникъ М. К. Мищенко. На сѣ вопросы священнодѣйствующаго присоединяемый отвѣчалъ весьма явственно и съ такимъ сознаніемъ, въ которомъ выражалась непреклонная рѣшимость и глубокое, зрѣло обдуманное убѣжденіе. Присоединенный стоялъ въ церкви въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ аналоя, на которомъ находилось евангеліе, крестъ и сосудъ съ св. мѵромъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ, священнодѣйствующій подвелъ его къ аналою и совершилъ надъ нимъ таинство мѵропомазанія, такъ-какъ присоединяемый не былъ мѵропомазанъ, при превосходномъ пѣніи хора пѣвчихъ, состоящаго изъ учениковъ Мозырской гимназіи. По окончаніи чина присоединенія, священнодѣйствующій сказалъ присоединившемуся нѣсколько поздравительныхъ словъ, выражая свою и общую всѣхъ православныхъ радость о присоединеніи къ православной церкви молодаго человѣка, извѣстнаго въ г. Мозырѣ съ отличной стороны и обѣщающаго быть весьма полезнымъ дѣятелемъ въ этомъ краѣ. „Вы безъ сомнѣнія будете такимъ дѣятелемъ,“ прибавилъ о. протоіерей, „если сохраните въ себѣ духъ истинно-православнаго христіанства. Умилительна была картина, когда товарищи молодаго человѣка, ученики гимназіи, окружили его и стали цѣловаться съ нимъ, выражая неподдѣльную, чистую радость о духовномъ единеніи съ ними ихъ уважаемаго и любимаго товарища. Невольно припомнилось при этомъ многимъ о другомъ молодомъ человѣкѣ изъ римско-католиковъ, который также хотѣлъ присоединиться въ прошломъ году къ св. церкви, но не сдѣлалъ этого

по вліяніямъ чуждыхъ настояній. Г. Доливо-Добровольскій, вознамѣрившись присоединиться къ св. церкви, самъ принялъ мѣры къ устраненію этихъ деморализующихъ вліяній. До самаго почти дня его присоединенія никто въ Мозырѣ не зналъ о его намѣреніи; только товарищи его замѣчали, что въ немъ совершается какая-то перемѣна. За два или за три дня до присоединенія поняли всѣ, какого рода нравственный переворотъ совершился въ немъ. Тогда только многіе римско-католики, въ особенности родственники молодаго человѣка, стали изыскивать средства къ отклоненію его отъ его намѣренія; но было уже поздно. Возвратившись домой, за нѣсколько часовъ до присоединенія, отъ о. протоіерея, молодой человѣкъ нашелъ у себя письмо, въ которомъ умоляли его, заклиная всѣмъ священнымъ, прійдти; онъ отвѣчалъ: „прійду, когда присоединюсь къ православію." Заблаговѣстили ко всенощной, молодой человѣкъ отправился въ церковь, и все было кончено.

„Я всегда чувствовалъ себя русскимъ," говорилъ молодой человѣкъ по присоединеніи къ православію, „и меня отдѣлялъ отъ народа только римско-католическій костелъ, который чуждъ ему и къ которому я самъ не имѣлъ особенной симпатіи. Я принялъ православіе, какъ народную вѣру, чтобы вполнѣ, и тѣломъ и душою, принадлежать народу." Вотъ какъ разсуждаютъ люди, истинно любящіе свое отечество и не развращенные фразеологіей и самообольщеніемъ. Истинные патріоты хорошо понимаютъ, въ чемъ состоитъ органическій порокъ нашего края и что собственно нужно для его истиннаго и прочнаго счастія.

К. Мысовскій.

Мозырь, 13 марта 1868 г.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ВИЛЬНА.

4-го апрѣля, въ достопамятный для Россіи день чудеснаго избавленія отъ опасности, грозившей драгоцѣнной жизни нашего Государя, въ Николаевскомъ соборѣ было совершено торжественное служеніе епископомъ Александромъ, въ присутствіи высшихъ

гражданскихъ и военныхъ чиновъ и множества народа; при чемъ смотрителемъ виленскаго духовнаго училища іеромонахомъ Смарагдомъ сказано было, приличное случаю, прекрасное слово. По окончаніи божественной литургіи, изъ собора былъ совершенъ крестный ходъ на Георгіевскую площадь къ Александро-Невской часовнѣ, гдѣ преосвященнымъ Александромъ было отправлено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглошеніемъ многолѣтія Государю Императору. Крестный ходъ, сопровождаемый множествомъ народа, отправился изъ собора по Большой и Георгіевской улицамъ на площадь, а оттуда, по окончаніи молебствія, обратно въ соборъ по Виленской и Нѣмецкой. Днемъ зданія города были украшены флагами и коврами, а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ

О сліяніи губерній Царства Польскаго съ Имперіей.

Въ указѣ Нашемъ, данномъ правительствующему сенату 28-го марта 1867 года, Мы возвѣстили волю Нашу принять мѣры къ полному сліянію губерній Царства польскаго съ прочими частями державы Нашей и съ сею цѣлью упразднить всѣ центральныя въ Царствѣ правительственныя учрежденія, съ подчиненіемъ мѣстныхъ по каждому вѣдомству управленій завѣдыванію подлежащихъ министерствъ.

Нынѣ, рассмотрѣвъ составленныя, по соглашенію подлежащихъ министровъ съ намѣстникомъ Нашимъ въ Царствѣ, предположенія относительно упраздненія правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, и утвердивъ заключенія по сему предмету комитета по дѣламъ Царства, повелѣваемъ: означенную коммиссію упразднить и состоящія въ ея вѣдѣніи части управленія подчинить подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Губернскія правленія губерній: Варшавской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Сѣдлецкой, согласно 718 статьѣ II тома свода законовъ, подчинить, въ общемъ, установленномъ для прочихъ губерній Имперіи порядкѣ, правительствующему сенату и, за исключеніемъ тѣхъ отдѣленій сихъ правленій, кои принадлежатъ къ финансовому вѣдомству, причислить къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, подчинивъ сему мини-

стерству и прочія въ означенныхъ губерніяхъ учрежденія, кои доселѣ завѣдывала коммиссія внутреннихъ дѣлъ.

2. Сохраняя за намѣстникомъ Нашимъ въ Царствѣ, какъ за главнымъ начальникомъ края, ближайшее наблюденіе за ходомъ дѣлъ по всѣмъ частямъ управленія, установить отношенія его къ министерствамъ и учрежденіямъ, вѣдѣніе коихъ нынѣ распространяется на упомянутыя выше губерніи, а также и къ мѣстнымъ въ сихъ губерніяхъ управленіямъ на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ дѣйствующими въ Имперіи законами, въ статьяхъ 290—350 общаго губернскаго учрежденія изложенными, опредѣлены таковыя отношенія главныхъ начальниковъ губерній.

3. Дѣла по тѣмъ, входившимъ въ кругъ дѣйствій упраздняемой коммиссіи внутреннихъ дѣлъ предметамъ, кои по прочимъ въ Имперіи губерніямъ подлежатъ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, передать въ завѣдываніе сего министерства; остальныя же части перевести въ вѣдѣніе подлежащихъ министерствъ и учрежденій на основаніяхъ, ниже указанныхъ.

4. Административныя и исполнительныя дѣла по варшавской православной епархіи, производившіяся доселѣ въ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, сосредоточить нынѣ же въ варшавской консисторіи, съ тѣмъ, чтобы оныя производились и рѣшались епархіальнымъ начальствомъ подъ непосредственнымъ руководствомъ святѣйшаго сѵнода, на общихъ съ другими православными епархіами основаніяхъ.

5. Завѣдываніе общими мѣрами попеченія о развитіи и усовершенствованіи земледѣлія въ вышеупомянутыхъ десяти губерніяхъ предоставить министерству государственныхъ имуществъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ оно вѣдаетъ дѣла сего рода въ прочихъ губерніяхъ.

6. Дѣла, касающіяся торговли и мануфактурной промышленности, передать нынѣ же въ вѣдѣніе министерства финансовъ въ предѣлахъ и порядкѣ, опредѣленныхъ общими узаконеніями Имперіи; дѣла же, относящіяся до купеческихъ гильдій, веденіе списковъ гильдейскихъ купцовъ и разрѣшеніе вопросовъ по гильдейскому уставу оставить, впредь до образованія въ губерніяхъ Царства казенныхъ палатъ, на обязанности мѣстныхъ губернскихъ правленій и въ общемъ завѣдываніи финансоваго въ губерніяхъ Царства управленія. За симъ состоящую при

коммиссіи внутреннихъ дѣлъ особую секцію промышленности упразднить.

7. Состоящій при коммиссіи внутреннихъ дѣлъ мануфактурный совѣтъ нынѣ же упразднить, предоставивъ министру финансовъ, въ городахъ, отличающихся мануфактурною промышленностью, учреждать мѣстные мануфактурные комитеты, на общихъ основаніяхъ, опредѣленныхъ законами Имперіи (ст. 31 уст. промыш. т. XI св. зак.).

8. Заключающіяся въ утвержденномъ Нами 19-го (31-го) декабря 1866 года положеніи о губернскомъ и уѣздномъ управленіи въ губерніяхъ Царства постановленія о предметахъ вѣдомства и предѣлахъ власти тамошнихъ губернскихъ и уѣздныхъ управленій дополнить правилами, при семъ приложенными.

9. Губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ поименованныхъ въ 1-й статьѣ настоящаго указа десяти губерній предоставить сноситься непосредственно, по дѣламъ ихъ вѣдомства, съ подлежащими учрежденіями и должностными лицами въ государствѣ, общимъ, установленнымъ въ Имперіи, порядкомъ.

10. Высшее завѣдываніе земскою стражею въ вышепоименованныхъ десяти губерніяхъ сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; разрѣшеніе же относящихся до земской стражи дѣлъ по инспекторской и дисциплинарной части, превышающихъ власть губернаторовъ, предоставить главному начальнику края.

11. Всѣ, лежащія на коммиссіи внутреннихъ дѣлъ обязанности по дѣламъ о повинностяхъ: рекрутской, квартирной, подводной и этапной, а также по снабженію войскъ топливомъ, освѣщеніемъ и другими потребностями, возложить временно на учредительный комитетъ, поручивъ оному безотлагательно войдти въ пересмотръ дѣйствующихъ нынѣ правилъ о завѣдываніи означенными дѣлами, съ цѣлью установить такой въ семъ отношеніи порядокъ, чтобы и эти предметы могли быть переданы въ непосредственное вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ на общемъ въ Имперіи основаніи.

12. Равнымъ образомъ временно возложить на учредительный комитетъ окончательное разрѣшеніе тѣхъ дѣлъ по страховой части и сберегательнымъ кассамъ, которыя превышаютъ предѣлы власти губернскихъ учрежденій, поручивъ также означенному комитету изыскать мѣры къ такому устройству сей

части, чтобы она могла быть передана въ непосредственное завѣдываніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

13. Впредь до окончательнаго устройства городскаго управленія, предметы вѣдомства и предѣлы власти варшавскаго городскаго магистрата и его предсѣдателя оставить безъ измѣненія, съ подчиненіемъ ихъ непосредственно учредительному комитету по всѣмъ дѣламъ, по коимъ до сего времени они были подчинены коммиссіи внутреннихъ дѣлъ.

14. До введенія въ дѣйствіе новаго положенія объ управленіи благотворительными въ губерніяхъ Царства учрежденіями съ подчиненіемъ оныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ— дѣла главнаго попечительнаго совѣта, по коимъ требуется дѣйствующимъ уставомъ онаго разрѣшеніе коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, предоставить временно разрѣшенію учредительнаго комитета.

15. По всѣмъ дѣламъ, предоставляемымъ настоящимъ указомъ вѣдѣнію учредительнаго комитета, равно какъ и по предметамъ, въ вѣдѣніи онаго уже состоящимъ, губернаторы и губернскія правленія остаются въ тѣхъ же къ сему комитету отношеніяхъ, въ коихъ они доселѣ находились къ оному и къ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ.

16. Главное завѣдываніе варшавскими театрами, подъ общимъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, предоставить нынѣ же намѣстнику въ Царствѣ.

17. Съ передачею въ подлежащія вѣдомства дѣлъ упраздняемой коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, вѣдомствамъ симъ предоставить распоряженіе, на общемъ основаніи, тѣми кредитами и прочими суммами, кои по каждой передаваемой части состояли въ вѣдѣніи означенной коммиссіи.

18. Чиновъ упраздняемой коммиссіи внутреннихъ дѣлъ оставить за штатомъ на общемъ основаніи правилъ устава о гражданской службѣ въ Царствѣ.

19. Всѣ несогласныя съ настоящимъ указомъ и съ приложенными къ статьѣ 8 онаго правила, законоположенія и распоряженія отмѣнить.

20. Приведеніе въ дѣйствіе настоящаго указа Нашего возложить на подлежащія министерства, намѣстника Нашего и учредительный комитетъ въ Царствѣ, съ тѣмъ чтобы коммиссія

внутреннихъ дѣлъ была окончательно упразднена къ 1-му іюля сего 1868 года.

Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить надлежащее, къ исполненію настоящаго указа Нашего, распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ."

Въ С. Петербургѣ,
29-го февраля 1868 года.

Дополнительныя правила къ Высочайше утвержденному 19-го (31-го) декабря 1866 года положенію о губернскомъ и уѣздномъ управленіи въ губерніяхъ Царства польскаго.

I. За передачею предметовъ вѣдомства упраздняемой коммиссіи внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе подлежащихъ министерствъ и учрежденій, согласно статьѣ 3-й Высочайшаго указа 29-го февраля 1868 г., губернскія управленія, въ случаяхъ, превышающихъ ихъ власть, руководствуются слѣдующимъ порядкомъ:

1) Въ дѣлахъ: по завѣдыванію земскою стражею, по полицейскому надзору, объ открытіи книжныхъ магазиновъ, типографій, литографій, фотографныхъ заведеній, справочныхъ, коммиссіонерскихъ и другихъ частныхъ конторъ; о выдачѣ частнымъ лицамъ разрѣшеній на содержаніе оружія; о наложеніи штрафовъ административнымъ порядкомъ; о выдачѣ наградъ за открытіе оружія и за поимку дезертировъ и бродягъ; о высылкѣ иностранцевъ за границу, о высылкѣ изъ мѣстъ жительства и возвращеніи женъ и семействъ преступниковъ—губернскія управленія въ случаяхъ, превышающихъ предѣлы ихъ власти, представляютъ на разрѣшеніе главнаго начальника края.

2) По дѣламъ: о внутреннемъ разграниченіи губерній, объ учрежденіи новыхъ городовъ и переименованіи существующихъ городовъ въ селенія, о губернскихъ и городскихъ гербахъ, о древнихъ, находящихся въ краѣ зданіяхъ, объ открытіи новыхъ клубовъ, по картельнымъ конвенціямъ, и вообще по дѣламъ пограничнымъ; объ устройствѣ новыхъ шоссейныхъ дорогъ; по вопросамъ о веденіи метрическихъ актовъ гражданскаго состоянія; объ устройствѣ кладбищъ и предпохоронныхъ домовъ; о личномъ составѣ чиновъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ; о на-

градахъ за человѣколюбивые подвиги и неслужебныя отличія— губернскія управленія въ случаяхъ, превышающихъ предѣлы ихъ власти и при возникновеніи какихъ-либо недоразумѣній, входятъ съ представленіями въ министерство внутреннихъ дѣлъ чрезъ главнаго начальника края.

3) По всѣмъ прочимъ затѣмъ предметамъ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ губернскія управленія, въ случаяхъ, превышающихъ предѣлы ихъ власти, входятъ съ представленіями въ министерство внутреннихъ дѣлъ непосредственно.

4) Въ дѣлахъ: по попеченію о правильномъ ходѣ гминнаго и сельскаго управленія и о должностныхъ лицахъ гминнаго управленія, о включеніи въ городскую черту и исключеніи изъ оной поземельныхъ участковъ и мѣстностей; объ устройствѣ новыхъ или закрытіи существующихъ транспортныхъ станцій для препровожденія внутри уѣздовъ и губерній задерживаемыхъ арестантовъ и другаго рода гражданскихъ преступниковъ, а равно по прочимъ предметамъ, поручаемымъ статьями 11—14 Высочайшаго указа 29-го февраля 1868 года временному завѣдыванію учредительнаго комитета, губернскія управленія въ тѣхъ случаяхъ, когда они доселѣ представляли коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, входятъ съ представленіями въ учредительный комитетъ.

II. Къ числу предметовъ, предоставленныхъ, положеніемъ о губернскомъ и уѣздномъ управленіи въ Царствѣ и послѣдующими постановленіями, личному распоряженію губернатора по губернскому правленію, причисляются (въ дополненіе статьи 16 сего положенія):

1) Опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе чиновъ подвѣдомственныхъ ему губернскихъ и уѣздныхъ управленій до VII класса включительно, которые не входятъ въ составъ присутствія губернскаго правленія, согласно статьѣ 724 общ. губ. учрежд. св. зак. т. II ч. 1, а также увольненіе въ отпуски до 4 мѣсяцевъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ, за исключеніемъ чиновниковъ V класса, коимъ губернаторъ имѣетъ право разрѣшать отпуски не свыше 29 дней (прилож. къ ст. 83 ч. I т. II св. зак.).

2) Разрѣшеніе дѣлъ о выборахъ, назначеніи и увольненіи должностныхъ лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія, какъ-то раввиновъ, членовъ божничныхъ дозоровъ, канторовъ при молитвенныхъ домахъ.

III. Разсмотрѣнію и разрѣшенію губернскаго правленія, подъ предсѣдательствомъ губернатора, кромѣ дѣлъ, поименованныхъ въ статьѣ 34-й положенія о губернскомъ и уѣздномъ управленіи, подлежатъ:

1) Наложеніе взысканій на виновныхъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ до VII класса включительно (кромѣ членовъ присутствія), или переданіе ихъ судебной отвѣтственности.

2) Вызовъ лицъ, самовольно удалившихся за границу, преданіе ихъ законной отвѣтственности и водвореніе на мѣстѣ жительства по явкѣ.

3) Дѣла по завѣдыванію, на основаніи установленныхъ правилъ, состоящими въ губерніи передаточными пунктами, учрежденными на границѣ Пруссіи и Австріи.

4) Разрѣшеніе дѣлъ о еврейскихъ божничныхъ округахъ.

5) Утвержденіе городскихъ приходо-расходныхъ годовыхъ росписей до 20.000 руб. дохода и представленіе, чрезъ главнаго начальника края, росписей, превышающихъ эту сумму, на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ.

6) Изъявленіе согласія или несогласія прокураторіи на вчинаніе, отъ имени городовъ, исковъ по спорнымъ дѣламъ городовъ съ частными лицами, а также изъявленіе согласія или несогласія на рѣшеніе судебныхъ мѣстъ по тѣмъ же дѣламъ.

7) Избраніе и назначеніе судебнаго защитника для защиты правъ города по тяжебнымъ дѣламъ, когда искъ противъ города заведенъ отъ имени казны, института и частнаго лица.

8) Утвержденіе мировыхъ сдѣлокъ, окончательно прекращающихъ возникшіе споры между городами и частными лицами, если предметъ спора не превышаетъ 1.000 руб. сер.

9) Принятіе безусловныхъ дарственныхъ записей и пожертвованій въ пользу городовъ, и представленіе министерству внутреннихъ дѣлъ о записяхъ, возлагающихъ на города какія-либо обязательства.

10) Назначеніе сроковъ для ярмарокъ и торговъ по городамъ, а также измѣненіе, по мѣстнымъ соображеніямъ, этихъ сроковъ, согласно съ 463 ст. 1-й ч. II т. св. зак.

11) Представленіе министерству внутреннихъ дѣлъ объ установленіи новыхъ или преобразованіи, либо отмѣнѣ существующихъ погородамъ сборовъ.

12) Распоряженія о размежеваніи, на основаніи существующихъ узаконеній, городовъ и городскихъ земель, а также, о

составленіи плановъ и межевыхъ реестровъ посредствомъ наемныхъ землемѣровъ.

13) Утвержденіе устройства городскихъ земель и принадлежащихъ къ городамъ сельскихъ имуществъ съ правомъ разрѣшать притомъ обмѣнъ общественныхъ городскихъ земельныхъ участковъ на другіе, если стоимость обмѣниваемыхъ участковъ не превышаетъ 1.000 рублей.

14) Утвержденіе устройства городскихъ лѣсовъ и лѣсохозяйственныхъ плановъ.

15) Назначеніе пособій, по мѣрѣ средствъ городскихъ кассъ, для первоначальныхъ училищъ въ городахъ.

16) Сообщеніе учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ заключеній по ликвидаціоннымъ проектамъ, представляемымъ отъ имени городскихъ управленій на города и сельскія имѣнія, къ городамъ принадлежащія.

17) Разрѣшеніе уплаты денегъ за поставленныя войскамъ дрова, свѣчи и солому, по счетамъ, представленнымъ по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ.

18) Разрѣшеніе, по предварительномъ соглашеніи съ мѣстными начальниками таможенныхъ округовъ, починки состоящихъ въ уединенныхъ отъ городовъ и селеній мѣстахъ, въ опредѣленной 875-ти саженной отъ границы Пруссіи и Австріи чертѣ, строеній, необходимыхъ для хозяйства фабричныхъ и промышленныхъ заведеній.

19) Разрѣшеніе постройки, вмѣсто сгорѣвшихъ строеній, новыхъ въ другихъ мѣстностяхъ, въ предѣлахъ той же губерніи.

20) Заготовленіе на тюремныхъ фабрикахъ одежды для тюремныхъ арестантовъ и отпускъ, по взаимному между собою сношенію губернскихъ правленій, тюремныхъ издѣлій на потребности арестантовъ; въ случаѣ же недостатка сихъ матеріаловъ на тюремныхъ фабрикахъ, заготовленіе оныхъ посредствомъ подряда на ассигнованныя для сего предмета суммы.

IV. Разсмотрѣнію и разрѣшенію губернскихъ правленій, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора, кромѣ дѣлъ, поименованныхъ въ статьѣ 35-й полож. о губ. и уѣздн. управ., подлежатъ:

1) Окончательное назначеніе установленныхъ пособій нижнимъ воинскимъ чинамъ и семействамъ ихъ, а также испрошеніе разрѣшенія комитета о раненыхъ о назначеніи пенсіона раненымъ нижнимъ чинамъ.

2) Представленіе заключеній объ уплатѣ суммъ на удовлетвореніе ущербовъ по занятію мѣстъ подъ лагери, учебные плацы, маневры и стрѣльбу въ цѣль, когда суммы сіи превышаютъ 5 руб. на каждую команду.

3) Разрѣшеніе построекъ, перестройки и починокъ воинскихъ зданій, не состоящихъ въ инженерномъ вѣдомствѣ, а также гауптвахтъ, на сумму до 300 руб. на каждое строеніе, и окончательное утвержденіе контрактовъ о наймѣ сихъ послѣднихъ до суммы 300 руб., изъ суммъ, на сей предметъ ассигнованныхъ.

V. Коллегіальному разсмотрѣнію и обсужденію присутствія уѣзднаго управленія подлежатъ, сверхъ дѣлъ, означенныхъ въ статьѣ 106-й полож. о губ. и уѣзд. управ., назначеніе установленныхъ наградъ за поимку дезертировъ.

VI. Уѣзднымъ начальникамъ предоставляется увольнять въ отпускъ до 4-хъ мѣсяцевъ чиновниковъ для письма и низшихъ служителей уѣздныхъ управленій.

VII. Дѣла и вся переписка въ губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ производятся на русскомъ языкѣ.

VIII. Въ случахъ, когда губернскія и уѣздныя управленія, въ порядкѣ ихъ сношеній и внутренняго дѣлопроизводства, встрѣтятъ вопросы, не разрѣшаемые положеніемъ 19-го (31-го) декабря 1866 года и настоящими дополнительными правилами, они руководствуются постановленіями общаго губернскаго учрежденія въ Имперіи.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Болѣе чѣмъ когда-нибудь судьбы западныхъ и южныхъ славянъ заслуживаютъ нынѣ сочувственнаго вниманія ихъ родичей! Вожди австрійской политики, съ давнихъ поръ привыкшіе къ привиллегированному значенію опекуновъ, одинъ за другимъ удаляются съ политической арены, не вынося съ собою ничего, кромѣ чувства вражды ко всему и ко всѣмъ, за исключеніемъ немногихъ офиціальныхъ кліентовъ, и не оставляя за собою ничего, кромѣ безвыходныхъ недоразумѣній. Такое впечатлѣніе выносится изъ разсмотрѣнія послѣднихъ актовъ современной имперской думы вѣнской. Принявъ съ самаго начала въ свой составъ лишь одностороннихъ представителей политическихъ интересовъ Цислей-

танія, она съ каждымъ новымъ шагомъ убѣждается въ некомпетентности своихъ рѣшеній. Каждое ея намѣреніе поражается въ самомъ его зачаткѣ мыслью о грозномъ сопротивленіи отсутствующей въ ея засѣданіяхъ оппозиціи. Клубъ гаснеръ-кайзерфельдскій распался послѣ рѣшительнаго удаленія отъ дѣлъ и отъѣзда въ Прагу его главы, профессора Гаснера. Онъ рѣзко отвернулся отъ „слишкомъ министерскихъ" стремленій своихъ сотоварищей и этимъ искренно отказался отъ политической программы дуализма. Чешская публицистика, мало ожидавшая такой рѣшительности отъ горячаго противника федерализма и борца централистской системы на пражскомъ сеймѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, въ какомъ смыслѣ профессоръ Гаснеръ разъяснитъ свой образъ дѣйствій на предстоящемъ земскомъ сеймѣ пражскомъ, ибо, сложивъ свое депутатское достоинство въ имперской думѣ, онъ удержалъ за собою званіе земскаго сейма. Польская фракція всего менѣе способна оживить надежды: графъ Адамъ Потоцкій оставилъ Вѣну и никакія миссіи не могли возвратить его имперской думѣ. Графу Тарновскому, посланному къ нему съ цѣлью примиренія, онъ рѣшительно отказалъ отъ дальнѣйшаго участія въ ней, мотивируя свое удаленіе тѣмъ, что дума обратилась въ учредительный комитетъ, дѣятельность котораго не сродна съ назначеніемъ думы, въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она собралась въ 1867 году. Изъ дѣятельныхъ членовъ польской фракціи д-ръ Землковскій, вице-президентъ палаты депутатовъ, на дняхъ составилъ программу польской депутаціи имперской думы. Въ видахъ безпристрастія, желая стать, въ качествѣ государственнаго мужа, выше національныхъ стремленій представительствуемой имъ націи, Землковскій старается дать своимъ предначертаніямъ значеніе общее, приложимое въ равной мѣрѣ ко всѣмъ народностямъ Австріи. Но въ этомъ-то и ошибка его нехитрой политики. Перейдя въ область внѣшней политики, Землковскій заговорилъ языкомъ специфически-польскимъ, тѣмъ языкомъ, который свойственъ каждому польскому шляхтичу, къ какому бы политическому тѣлу онъ ни принадлежалъ.... Самая автономія политическаго быта народностей Австріи представляется ему въ формахъ, которыя если и удобны, то только для галицкихъ поляковъ. Онъ сосредоточиваетъ въ своей программѣ всю силу областнаго самоуправленія на намѣстникѣ. Нашъ политикъ упускаетъ изъ виду, что такая форма самоуправленія можетъ быть удобна лишь для поляковъ Галиціи, и то лишь

лагодаря современному личному составу намѣстничества, составу исто случайному. Доброе согласіе гр. Голуховскаго съ государственнымъ канцлеромъ, барономъ Бейстомъ, далеко не составляетъ прочнаго условія для блага народностей Австріи. Этой юрмѣ самоуправленія не порадовались бы другія славянскія народности Австріи—ни чехи, ни хорваты, ни словинцы. Въ этомъ полнѣ убѣждаютъ насъ дѣла барона Рауха—въ Хорватіи, гр. Эгенварта—въ Штиріи и Каринтіи. Наконецъ, чехи весьма далеки отъ безусловнаго довѣрія своему намѣстничеству, и ихъ публицисты выразили полное несочувствіе предложенію Земялковскаго обратить намѣстничество въ областное министерство, вѣдающее всѣ дѣла внутренняго самоуправленія страны. Словинскіе депутаты, не въ добрый часъ принявшіе это званіе, позднѣе другихъ пришли къ убѣжденію о неумѣстности своей довѣрчивости. Ихъ меморандумъ о равноправности словинскаго нарѣчія съ языкомъ нѣмецкимъ въ Штиріи и Каринтіи вызвалъ оппозицію со стороны нѣмецкихъ представителей Каринтіи, полную презрѣнія къ ихъ народности. Намѣстникъ, въ отвѣтъ на меморандумъ, разъяснилъ, что и безъ того словинское нарѣчіе допускается въ судахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно неизбѣжно, по незнанію языка нѣмецкаго тяжущимися и т. д. Въ виду этихъ оскорбленій правъ національности, славянская журналистика Австріи видитъ единственное объясненіе упорству словинскихъ депутатовъ, все еще занимающихъ свои мѣста въ имперской думѣ, въ тѣхъ 10 гульденахъ, которые получаетъ каждый изъ нихъ за каждое засѣданіе. Ходятъ, впрочемъ, слухи, что и гульдены начинаютъ для нихъ терять свою привлекательность, и что вскорѣ они удалятся изъ Вѣны.

Самую рѣшительную оппозицію составляютъ чехи. Они остались непреклонны въ своей вѣрности историческимъ преданіямъ народности и короны св. Вячеслава и тѣмъ правамъ, которыя на нихъ зиждутся. Объ ихъ чувство правоты, болѣе и болѣе достигающей общеевропейскаго признанія, разбиваются сами собою упреки, на которые такъ щедра Вѣна, начиная съ государственнаго канцлера и кончая ея подкупными газетами. Рейхенбергскій пиръ барона Бейста на столько же способствовалъ усиленію этого чувсства правоты, на сколько унизилъ, окомпрометировалъ ораторовъ этого пира. Такъ легкомысленно обвинивъ пѣснелюбивую Прагу въ государственной измѣнѣ, баронъ Бейстъ не остановился на этомъ: онъ заставилъ содрогнуться звуками рус-

скаго гимна и монарха, „котораго неограниченнымъ довѣріемъ онъ пользуется.“ Этотъ гимнъ, по словамъ Бейста, запираетъ австрійскому императору въѣздъ въ столицу Чехіи, для празднованія коронаціи! Произнося эти слова, канцлеръ, вѣроятно, не разсчитывалъ на ихъ публичность, если только онъ не привезъ съ собою изъ Вѣны самаго обширнаго полномочія—дѣлать честь своего монарха игрушкою фразы. Чехи не надолго остались въ долгу у барона Бейста. 50-лѣтній юбилей открытія краледворской рукописи, торжественно отпразднованный 28-го сентября въ Королевинѣ Дворѣ, далъ чехамъ поводъ высказаться и отозваться на нѣмецкій пиръ въ Рейхенбергѣ. Первая рѣчь д-ра Сладковскаго, произнесенная передъ всею массой стекшагося на національный праздникъ чешскаго народа, была открыта ораторомъ словами Зобоя:

Мужи съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
Мужи искренніе взоромъ!

Ораторъ исчерпалъ всѣ мотивы этой пѣсни для воодушевленія патріотической публики. Рѣчь была принята восторженно. На торжественномъ обѣдѣ юбилея былъ провозглашенъ первымъ тостъ за здоровье „короля Франца-Іосифа“ старостою Королевина Двора. Вслѣдъ затѣмъ, докторъ Ригеръ произнесъ рѣчь, въ которой, разсмотрѣвъ вкратцѣ значеніе краледворской рукописи въ дѣлѣ возрожденія чешско-славянской народности, ораторъ представилъ горячую оборону ея достовѣрности отъ лживыхъ навѣтовъ подкупныхъ вѣнскихъ лжекритиковъ. Эти воспоминанія увлекли оратора къ бурнымъ выраженіямъ надеждъ на будущее чешско-славянской народности. Послѣднія слова его были повторены массою воодушевленной публики. Рѣчь Ригера носила на себѣ тотъ пламенный колоритъ, которымъ такъ ярко освѣщается каждое его публичное слово. Мысль о славянскомъ единствѣ вызвала новую рѣчь Сладковскаго, въ которой онъ, рѣзко порицая несчастную выходку канцлера на рейхенбергскомъ пирѣ, отклонилъ отъ русскаго гимна всякое политическое значеніе, упрочивъ за нимъ значеніе народное, общеславянское. Во имя идеи славянскаго единства ораторъ, въ заключеніе рѣчи, провозгласилъ славу русскому гимну. Вслѣдъ за этимъ, среди шумныхъ выраженій сочувствія, окружной старшина, г. Смоляржъ, всталъ для того, чтобъ, признавъ противозаконнымъ провозглашенный докторомъ Сладковскимъ тостъ, возстановить характеръ законности въ праздничномъ собраніи. Какъ объясненіе Сладковскаго, такъ и послѣду-

щія рѣчи и тосты утишили бурю. Палацкій, ссылаясь на собственную пятидесятилѣтнюю дѣятельность по дѣлу возрожденія народности въ тѣсныхъ предѣлахъ законности, заключилъ пренія слѣдующими словами: „Да, господа, лишь путемъ закона достигнемъ мы своего спасенія, *хотя бы этотъ путь былъ такъ узокъ, какъ остріе меча.*" Палацкій заключилъ свою рѣчь тостомъ за ѣнный городъ, Королевинъ Дворъ. Ганкѣ былъ посвященъ тостъ ругомъ его, профессоромъ Пуркине. День этотъ былъ полонъ амятью о Ганкѣ, открывшемъ краледворскую рукопись: былъ ткрытъ ему памятникъ, заложенъ театръ, названный его именемъ....

Въ виду подобнаго настроенія мыслей и чувствъ народа, трудно объяснить себѣ неразсчетливость вѣнской политики, намѣренно раздражающей ихъ каждымъ своимъ шагомъ. Изъ высшихъ правительственныхъ круговъ исходитъ неумолимое преслѣдованіе духовенства и учителей. На духовенство дѣйствуютъ мѣстные прелаты, руководящіеся правительственными внушеніями. Сильное негодованіе возбудилъ циркуляръ бернскаго епископа (гр. Шафгоче) къ моравскому духовенству. Бернскій прелатъ, исходя изъ тѣхъ же клеветъ подкупной и фальшивой вѣнской журналистики, строжайше увѣщеваетъ свой клиръ забыть интересы народности, „ради смиренія и послушанія." Основываясь на нечистомъ источникѣ, онъ смѣло подкрѣпляетъ свои увѣщанія словами св. писанія. Призывая къ священному долгу послушанія, онъ оскорбляетъ невинную совѣсть каждаго члена своей паствы. Съ болѣе сильнымъ натискомъ преслѣдуется сословіе духовенства и учителей въ Хорватіи. Обходя необходимыя условія приличій, хорватскій намѣстникъ, баронъ Раухъ, лично заботится о назначеніи удобнаго для правительства суффрагана къ нерѣшительному, престарѣлому архіепископу, кардиналу Гаулику. Учители и священники цѣлыми десятками смѣщаются или и вовсе удаляются отъ службы, безъ всякаго объясненія причины. Шпіонство закрадывается во всѣ углы не только общественной, но и семейной жизни хорватовъ. Недавніе борцы народныхъ интересовъ и самоуправленія, достигнувъ высшихъ административныхъ назначеній, передовые хорваты мѣняютъ свои лагери. Скупштины не собираются по жупамъ; областное раздѣленіе Хорватіи вскорѣ приравняется венгерскому (комитаты); придворной канцеляріи угрожаетъ упраздненіе.

Въ этой средѣ темной интриги и лжи хорватская публицистика

рко слѣдитъ за успѣхами народнаго дѣла въ княжествѣ Сер-скомъ, Черной Горѣ, Герцоговинѣ, Босніи. Ими она мѣрит силы и своего единоплеменнаго, сербо-хорватскаго народа. Н находя себѣ болѣе поживы въ Болгаріи, турецкія войска пер ступили границы Сербіи. Филиппъ, предводитель народнаго во станія въ Болгаріи, въ сопровожденіи 17 избранныхъ сотовари щей, удалился уже черезъ Балканы въ Валахію,—по-крайней-мѣр до весны. Турки, награбивши вдоволь въ Болгаріи, на прощан жгутъ ея лѣса. Въ плодородной Сербіи они разсчитываютъ н болѣе богатую добычу. Населеніе Герцоговины у Дробняка, рѣк Пивы и Тары уже помѣрилось съ турками. Ими предводител ствовалъ сынъ славнаго героя Новицы Церовича, убившаго ел въ 1845 году въ бою знаменитаго Ченгича-Смаил-агу. Церович разбилъ турецкіе отряды. Дальнѣйшія стычки на время бы прекращены миротворнымъ посредничествомъ воеводы Петр Вукотича, тестя черногорскаго князя. Высланное изъ Цетин войско удержало дальнѣйшее движеніе баши-бузуковъ. Послѣд ніе собираются въ крѣпостяхъ старой Сербіи: Бѣлополѣ, При сполѣ, Сувомъ Долу, Спужѣ, Подгорицѣ; тоже и на границ начиная отъ Нишы и до Дрины.

Такъ далеко ученіе корана, вдохновляющее турокъ, от тѣхъ обязательствъ, которыя хотѣла наложить европейская ди пломатія на турецкое правительство статьями гатти-гумаюна!

Д....

(Варш. Днев.)

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЯ ЯЗЫКЪ.

Русская письменность во Львовѣ не прерывалась съ про-шлаго столѣтія, благодаря ставропигіальной лаврѣ, уніатской семинаріи и училищамъ, устроеннымъ по мысли Іосифа II, а также благодаря тому, что Іосифъ II велѣлъ русинскому ду-ховенству говорить проповѣди на родномъ языкѣ. Но эта пись-менность до самаго 1848 года почти исключительно состояла изъ небольшаго количества маленькихъ духовныхъ брошюръ, грамма-тикъ, сочиненій по древней исторіи Галича, да одъ въ честь уніатскихъ архіереевъ и австрійскихъ намѣстниковъ и кесарей и тому подобныхъ стихотвореній. Въ этой литературѣ жило на-правленіе виршей XVII и XVIII вѣка. Таковъ же былъ и

нкъ, если не хуже. Смѣсь малороссійскаго (которымъ говоть народъ въ Галиціи), съ церковнославянскимъ, со множеюмъ полонизмовъ, еще и въ XVII столѣтіи,—этотъ языкъ э больше и больше проникался полонизмами, латинизмами и рманизмами. Еще до сихъ поръ дѣйствующее поколѣніе гацкихъ писателей пишетъ по-нѣмецки и по-польски лучше, къ по-русски. Самый ученый и серьезный изъ писателей еско-галицкихъ недавно-прошедшаго времени, историкъ Зубцкій, первое свое сочиненіе: „Исторію города Львова", наеалъ по-польски. И теперешнія писанія галицко-русскія (за многими исключеніями молодыхъ писателей) кажутся перевомъ съ чужаго языка: очевидно, что авторы думаютъ помецки или по-польски и усиленно заставляютъ себя выраться по-русски. Въ 1848 году, поляки возобновили ревоціонныя попытки во Львовѣ, причемъ иные изъ теперешкъ галицко-русскихъ патріотовъ за одно съ поляками бились в улицахъ Львова (напримѣръ г. Дѣдицкій, редакторъ „Слова"). встрійскому правительству показалось удобнымъ употребить для обузданія поляковъ инстинктивное чувство народности у русскихъ галичанъ и нерасположеніе къ полякамъ русскаго духовенства. Оно стало покровительствовать *рутенамъ*, открыю русскія каѳедры во львовскомъ университетѣ, который самимъ императоромъ былъ названъ русскимъ (рутенскимъ) университетомъ *). Съ тѣхъ поръ главнымъ содержаніемъ галицкихъ писаній стала полемика съ поляками, археологическія доказательства правъ галицко-русской народности и разсужденія о галицко-русскомъ языкѣ. Касательно послѣдняго начался и доселѣ вполнѣ не уясненный для галичанъ вопросъ о томъ, есть ли это языкъ церковно-славянскій или галицкорусскій собственно или малорусскій вообще или, наконецъ, всероссійскій и въ какихъ отношеніяхъ стоитъ этотъ языкъ къ польскому. Такъ-какъ разсужденія и споры ведутся надъ лите-

*) Мы употребляемъ безразлично слова: русскій, русинскій и рутенскій, ибо всѣ они значатъ одно и тоже. *Русинъ* есть старинная, до сихъ поръ сохранившаяся форма, отъ слова Русь. Она встрѣчается въ договорахъ князей кіевскихъ съ греками, а малороссіяне и теперь говорятъ *сербинъ*, турчинъ, гречинъ. Рутенами нѣмцы звали прежде и теперь иногда называютъ всѣхъ русскихъ. Такъ-что всѣ три названія одинаково родныя, видовыя же правильныя могутъ быть только велико, мало, бѣло-руссы.

ратурнымъ галицкимъ языкомъ, то, конечно, вопросъ разрѣшится не скоро. Съ 1848 года начинается болѣе сильное сближеніе галицкихъ русскихъ съ нашимъ государствомъ и литературой. Галицкіе писатели стали по временамъ употреблять нашу азбуку *гражданку* (прежде они писали исключительно церковной азбукой), стали перепечатывать наши литературныя произведенія. Разумѣется, имъ больше всего нравились торжественныя стихотворенія (оды Державина и Хомякова) и малороссійскія повѣсти (Квітки). Послѣднія скоро пріобрѣли популярность въ Галиціи: „Маруся" Квітки быстро разошлась болѣе чѣмъ въ 1,000 экземплярахъ,—цифра неслыханная въ то время въ Галиціи. Писали, впрочемъ, галичане все тѣмъ же почти смѣшаннымъ языкомъ и особымъ правописаніемъ, который они называютъ *историческимъ*. Это правописаніе стремится сохранить начертаніе слова, близкое къ тому, какъ оно пишется въ церковно-славянскомъ языкѣ (какъ писали во время процвѣтанія кіевской академіи), а для выговора употребляетъ знаки надъ буквами. Такъ *о* читается, какъ *и*, *от*—*вид*, *е*—*и*, *ѣ*—*и* и т. д. У насъ такое правописаніе употребилъ въ 1829 году г. Максимовичъ, для изданія думъ малороссійскихъ. Само собою разумѣется, что такое правописаніе затруднительно для первоначальнаго обученія и вообще для простаго народа. Галицкимъ писателямъ оно нравится древностью; къ тому же, особенно въ послѣднее время, въ похвалу его они приводятъ то, что слово, написанное ихъ правописью, сохраняетъ близость къ церковному и общерусскому литературному правописанію. Но и это во многихъ случаяхъ только самообольщеніе галичанъ: напр., они пишутъ вмѣсто малорусскаго остраго *і* вездѣ *ѣ*, и тамъ, гдѣ его нѣтъ ни въ велико-русскомъ, ни въ церковно-славянскомъ: въ родительномъ падежѣ единственнаго (напр. повѣсть Метелѣ), а также въ именительномъ множественнаго (напр., родимцѣ). Притомъ, если ужъ стараться писать ближе къ церковному, то зачѣмъ не писать и напр., ход*илъ*, вмѣсто малороссійскаго ход*ивъ* и т. д.? Вотъ образчики рѣчи и правописанія галицкихъ писателей послѣ 1848 года: „Нѣмъ (прежде чѣмъ) до дѣла приступимо, замѣтимъ прежде, що хочемъ на состояніе, въ которомъ русины во время давнѣйшаго правленія обрѣта*лися*, завѣсу спустити; бо плѣняючій сердца день торжества, въ которомъ высокопреосвященный архіерей на галицкій митрополитальный престолъ вступае, велитъ намъ всѣ терпкія воспоми-

анія въ непамять пустити, а пользуючися случайностью въ полотѣ радостію наслаждатися.“ (Изъ статьи „Благодѣянія всевѣтлѣйшихъ австрійскихъ монарховъ и правительства ихъ для усиновъ.“ Въ „Галицкой Зарѣ“ за 1860 г., стр. 356). Это бразчикъ слога болѣе духовнаго человѣка. А вотъ отрывокъ зъ опредѣленія „головной рады“ русинскихъ патріотовъ въ 848 г., представляющій болѣе свѣтскій языкъ, какимъ пишутъ алицкіе публицисты: „*Заданьемъ* нашимъ буде розвивати и *носити* народность нашу во всѣхъ ея частехъ: *выдоскональньемъ* зыка нашего, *запровожденьемъ* его въ школахъ выжшихъ и изшихъ, *выдаваньемъ письмъ часовыхъ*, *утримованіемъ* корреспонденціи съ *письмянними* такъ нашими, якъ инными до *щепу* лавянскаго *належащими*“ и т. д.

Мудрено ли, что поляки ни за что не хотятъ признать такого языка самостоятельнымъ, ибо всѣ напечатанныя курсивомъ слова—полонизмы *).

Впрочемъ, въ Галиціи есть еще нѣсколько родовъ литературнаго языка. Во первыхъ, есть два рода стихотворнаго языка. Первый для предметовъ высокихъ, а потому подходящій къ церковному, хотя конечно на малорусской основѣ. Вотъ образчикъ такаго языка изъ „привѣтствія его высокопреосвященству Григорію барону Яхимовичу митрополиту галичской Руси“ въ „Галицкой Зарѣ“ на 1860 г. (церковныя и особенныя малорусскія формы и выраженія напечатаны курсивомъ, полонизмы отмѣчены въ скобкахъ).

Григорій Руси митрополитъ!
Вѣсть та помчалась *зъ* царской палаты
Въ русску *земмицю* (ziemica)—*зъ хаты до хаты*,
  И где лишь только она *вюститъ:*
Радость, веселье въ сердцахъ *заграе*,
  И восхищенья голосъ гремитъ:
Григорій Руси митрополитъ!

*) Замѣчательно, что когда въ Галиціи заведутъ споръ, поляки или русскіе, о русскомъ языкѣ, то почти всегда ведутъ его надъ литературнымъ галицкорусскимъ (см., напр., въ Bibl. Warszawska 1861 года, № 4-й, статью: Podobieństwo i różnica języka polskiego z ruskim, czyli wyrazniey rusińskim, objawionym w elementarzu, wydanym w Wiedniu 1857 roku). Между тѣмъ, еслибъ споръ велся надъ какою нибудь народной пѣснью или сказкою, то скорѣе бы привелъ къ положительному результату. Любопытно, впрочемъ, что недавно галицкій журналъ «Боянъ», перепечатавъ одну, вышедшую въ Москвѣ, брошюру, выразился такъ: «Языкъ, которымъ говоритъ и пишетъ Русь закордонная, ни що иное, якъ нашъ письменный, галицко-русскій» (!?).

А радость сильну внутри сердецъ—
Якъ же ю снести (zniešć)—а не *явити?*
Русь ю *явила* и стала вити
Що есть найкрасшій въ свѣтѣ вѣнецъ
Вѣнецъ изъ цвѣтовъ, *котры* бъ не вяли
Хоть бы вѣками лѣта *минали.*
Цвѣтки тѣ родитъ сердце и умъ;
Русь уплела изъ нихъ *áльбумъ* *).

Въ стихотвореніяхъ такаго рода встрѣчаемъ часто формы въ родѣ „свѣжими краски", кованныя слова въ родѣ *украса* и т. п. Менѣе высокіе предметы воспѣваются языкомъ, представляющимъ смѣсь карамзинскаго съ малорусскимъ и польскимъ, какъ высокіе—смѣсь ломоносовскаго съ малорусскимъ.

Четвертый родъ языка мы видимъ въ тѣхъ произведеніяхъ галицкой литературы, которыя назначены непосредственно для народнаго чтенія. Эти писаны языкомъ, какимъ говоритъ народъ въ Галиціи. Такимъ образомъ пишется, напр., прибавленіе къ „Слову" подъ названіемъ: „Додатокъ Слова для громадъ." Вотъ отрывокъ изъ статьи: „Що ся стало въ Парижѣ" при № 45 „Слова" за 1862 г. (Мы тутъ подчеркиваемъ малорусскія слова и формы, несходныя съ нашимъ литературнымъ языкомъ).

„Подъ русскимъ царемъ есть *кусникъ* Польши, *где аж* до недавна *була паньщина* и всяки *тяґари.* Народъ тамъ *бувъ* бѣдный, *бо зъ* одной стороны шляхтичъ, зъ другой польскій ксензы-кляшторники *дерли* и *баламутыли* его, *ажъ доки* Господь Богъ, хотѣвши ихъ *укарати,* не *отобравъ* имъ розуму; коли *стратили* розумъ, *порвалися, буде* тому три *роки,* до бунту на русскаго царя" и. т п.

Только недавно и очень изрѣдка стали появляться въ Галиціи стихотворныя и другія литературныя произведенія, написанныя такимъ близкимъ къ народному языкомъ и складомъ. Изъ всѣхъ этихъ образчиковъ можно видѣть, что у галицкихъ писателей нѣтъ постояннаго и однообразнаго литературнаго языка и что онъ находится въ зависимости отъ привычекъ и отъ вліянія образцовъ, которые имѣются передъ глазами у галицкихъ писателей. Въ дѣтствѣ говорятъ они по селамъ по-малорусски, въ городахъ по-польски; духовное образованіе получаютъ по-церковно-славянски и по-латыни; въ наукѣ и политикѣ имъ приходится имѣть дѣло съ нѣмецкимъ и польскимъ языкомъ. Въ

*) Отмѣченныя здѣсь слова *емлица* и *снести* есть и въ русскомъ, но въ такомъ смыслѣ, какъ здѣсь, не употребляются. На послѣднемъ словѣ и удареніе поставлено польское.

ферѣ поэзіи имъ наиболѣе родственна наша литература ломоосовско-карамзинскаго періода. Потому-то духовныя сочиненія алицкихъ писателей отличаются церковно-славянщиной, публицистика и ученыя сочиненія—полонизмами, латинизмами и германизмами, свѣтская поэзія—ломоносовщиной и карамзинщиной, ко всему этому они подмѣшиваютъ слова малорусскія и польскія. Формы измѣненій словъ почти всегда славяно-малорусскія. Замѣчательно, что одни и тѣ же лица пишутъ, напримѣръ, тихи языкомъ Ломоносова, а публицистическія статьи пестрятъ олонизмами. Только языкъ статей для народнаго чтенія представляетъ нѣчто цѣльное, несмѣшанное.

Чтобы вопросъ о языкѣ галицкихъ писателей (вопросъ, занимающій весьма сильно самихъ галичанъ) представился полнѣе, ы скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ его къ языку народа галицко-русскаго и языку нашихъ украинскихъ писателей. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ галицко-русской пѣсни. (Подчеркиваемъ слова и формы, отличныя отъ нашего литературнаго языка).

Прилетила зозуленька (кукушка), тай стала ковати:
Ой *щось* я вамъ, добр*и* *люде*, мала *повидати*
Якъ вже гаи (луга) *зазеленили*, я до васъ *вертала* (сь).
Сила-*мъ* (сокр. есмь) *собі* въ темнимъ лісі, *трохимъ* (немного) *спочивала*.
Ажъ ту *разомъ* (вдругъ) щось *здудніло* (загудѣло),я ся *спо*глянула
Яке-мъ диво *обачила* (увидѣла), *аже-мъ ся забула*.
А то панщину свобода передъ *собовъ* гнала,
Загнала *ю* въ ліси, въ дебры, *щобы* тамъ пропала и т. д.

Какъ видимъ, языкъ этой пѣсни почти совершенно тотъ, что языкъ нашихъ украинскихъ пѣсень. Вообще языкъ народа въ Галиціи лишь весьма мало уклоняется отъ языка въ нашей Малороссіи. Между этими уклоненіями болѣе выдаются любовь къ сокращенной, сходной съ церковно-славянскою, формѣ мѣстоименія: *тя, ся, ю;* отдѣленія почти постоянныя *ся* отъ глагола, сходны съ церковно-славянскимъ и польскимъ; любовь къ вспомогательному глаголу, свойственная тоже упомянутымъ языкамъ напр. ходилисмо, читав-емъ, читав-есь и т. д., а также оригинальную форму творительнаго падежа на *овъ* вмѣсто *ою;* въ такомъ родѣ попадаются иногда въ великой Руси въ областныхъ нарѣчіяхъ отдѣльныя слова, въ родѣ *домовъ* вмѣсто *домой*.

Съ языкомъ пѣсень южной Руси сходенъ и языкъ нашихъ

украинскихъ писателей, какъ видно напр. изъ слѣдующаго отрывка изъ Шевченка:

По улыці по підъ *тынню* (плетнями)
Вдова *шкандибае* (хромая идетъ),
Підъ *дзвінницю*, сердешная,
Руки *простягати*
До тихъ самихъ, до богатыхъ,
Що сына въ солдаты
Позаторікъ (третьяго года) *заголили* (забрили)...
А думала жити,
Хочъ на старость у невістки
Въ добрі одпочити...
Не довелось... *Виблагала*
Тую копій*чину*
Та *Пречистій* поставила
Свічечку за сына.

Совершенно такимъ же языкомъ пишутъ и писали малороссійскіе прозаики, напр. Марко-Вовчокъ, Квітка и т. п. *).

Сравнивая образцы литературной рѣчи галицкой, украинской и языка народнаго въ Галиціи и Малороссіи, мы приходимъ къ тому вопросу, который особенно интересовалъ всегда какъ польскихъ, такъ и русскихъ писателей въ Галиціи, именно вопросу о томъ, что такое русскій языкъ въ Галиціи и Малороссіи? Какъ мы уже упоминали выше, вопросъ этотъ въ высшей степени запутанъ. Запутанность его происходитъ оттого, во-первыхъ, что споръ ведется надъ галицкимъ литературнымъ языкомъ, который представляетъ самъ по себѣ мѣшанину, а во-вторыхъ оттого, что въ средѣ самихъ грамматиковъ галицкихъ нѣтъ точныхъ научныхъ представленій о томъ, что такое русскій языкъ вообще, и южно-русскій и галицко-русскій въ частности. Галицкія грамматики по характеру сходны съ нашими до-ломоносовскими, когда не отличались формы и реченія церковно-

---

*) Во время разгара украинскаго движенія, въ нашей литературѣ сдѣланы были попытки педагогическихъ, публицистическихъ и даже ученыхъ статей на украинскомъ языкѣ. Эти попытки были слишкомъ малочисленны для того, чтобъ можно было составить особый родъ литературнаго языка. Можно замѣтить о нихъ слѣдующее: языкъ опыта популярнаго изложенія наукъ ничѣмъ почти не отличался отъ языка народныхъ пѣсень и писателей въ родѣ Шевченка и Вовчка. Языкъ же корреспонденцій, опытовъ критики и науки въ «Основѣ» лексически былъ народно-малорусскій, но по складу являлся переводомъ съ господствующаго литературнаго. Очевидно, что авторы думали на литературномъ языкѣ (какъ галицкіе публицисты по-польски или по-нѣмецки) а только усиливались писать по-малорусски.

славянскія, южно-русскія и великорусскія, вошедшія въ тогдашній языкъ литературный. Оттого сужденія галицкихъ грамматиковъ отличаются субъективностью и такъ измѣнчивы: они соединяютъ формы церковныя и народныя, то съуживаютъ понятія о русскомъ языкѣ до понятія о галицкомъ литературномъ, то расширяютъ до южно-русскаго, то отождествляютъ съ нашимъ господствующимъ литературнымъ языкомъ (такая же неопредѣленность понятій проявилась у членовъ Матицы галицкой, когда предполагалось написать исторію Руси). Путаница увеличивается тѣмъ, что галичане измѣняютъ понятія о русскомъ языкѣ сообразно политическимъ обстоятельствамъ. Оттого твердой основы для рѣшенія спора слѣдуетъ искать не въ Галиціи. Наши филологи, по слѣдамъ знаменитостей славянской филологіи, давно уже пришли къ твердому понятію о томъ, что такое должно разумѣть подъ словами *русскій языкъ*. На стр. 4-й грамматики Буслаева мы находимъ, что русскій языкъ должно понимать, какъ совокупность признаковъ трехъ нарѣчій его: великорусскаго, малорускаго и бѣлорусскаго. На стр. 5-й г. Буслаевъ говоритъ: „Въ исторіи языка то нарѣчіе выступаетъ передъ прочими, которое принадлежитъ средоточію государственной власти. Изъ нарѣчій русскаго языка преимущественно передъ прочими образовалось великорусское, которое и называется языкомъ русскимъ въ отличіе отъ малорусскаго и бѣлорусскаго.“ Изъ этихъ словъ видно, что филологія различаетъ понятія о русскомъ языкѣ — родовое и видовыя. *Народный языкъ въ великой, малой и бѣлой Руси одинаково русскій, и общее родовое понятіе о русскомъ языкѣ составляется изъ отвлеченія общихъ признаковъ всѣхъ этихъ языковъ.* Только съ такими точными, строго-научными понятіями и можно произнести не субъективный приговоръ надъ тѣми образчиками языка, какіе мы привели выше. Мы увидимъ, что языкъ народа и въ Галичѣ будетъ русскій, хотя въ немъ есть слова и обороты, отличные отъ литературнаго языка и сходные съ польскимъ. Сходство словъ и формъ въ родственныхъ языкахъ еще вовсе не есть заимствованіе. Сходство нѣсколькихъ формъ въ языкѣ родственныхъ народовъ, въ языкахъ народныхъ еще не говоритъ въ пользу тождества языковъ, ни даже въ пользу заимствованій. Противъ этого правила погрѣшаютъ больше всего польскіе писатели. Многіе польскіе ученые, замѣтивъ сходныя съ польскими слова и формы въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ (Вишневскій и

Мацѣевскій) и въ Несторѣ (Бартошевичъ), произвольно вывели, будто эти памятники или писаны на нарѣчіи польскаго языка, или будто польское вліяніе было очень сильно на тогдашнюю Русь *). Почти всѣ польскіе писатели, особенно публицисты, толкують о томъ, что южнорусскій и бѣлорусскій языки суть виды польскаго или по крайней мѣрѣ сильно полонизированы. Для того, чтобъ опредѣлить заимствованіе слова однимъ языкомъ изъ другаго, мало одного сходства словъ, надо сравнить эти слова въ цѣлой семьѣ языковъ, надо обратить вниманіе на корень слова: тогда окажется, быть можетъ, что сходство словъ происходитъ вовсе не отъ заимствованія, а отъ общаго происхожденія языковъ, отъ общаго древняго корня. Такъ напр., если *деревня* будетъ по-бѣлорусски *віось*, какъ и по-польски wieś, такъ она вѣдь будетъ и по церковно-славянски *весь*, а какъ церковно-славянскій языкъ не могъ очевидно занять этого слова у польскаго, то не долженъ былъ занять его и бѣлорусскій; если напр. *кузнецъ* будетъ по-малорусски и по-польски *коваль*, то вѣдь глаголъ ковать есть и въ великорусскомъ языкѣ, есть въ немъ и производственная форма на *аль* (враль); если въ малорусскомъ языкѣ есть, напримѣръ, сходная съ польскимъ форма глагола *маю идти*, то она есть и въ церковномъ языкѣ (имѣти имаши сокровище на небеси); наконецъ, удержаніе вспомогательнаго глагола въ малорусскомъ производитъ форму будущаго *робытиму* (робити иму), которой нѣтъ ни въ церковномъ, ни въ польскомъ языкѣ и т. д. Касательно отношенія южнорусскаго языка къ польскому, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на два обстоятельства. Языкъ, какимъ говорятъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, почти не отличается отъ языка правобережной Украйны и Галиціи; если правобережная Малороссія и подвергалась польскому вліянію, то вліяніе это на лѣвобережную малороссію было совершенно незначительно, ибо еще въ концѣ XVI вѣка тамошнее дворянство сохраняло русскую вѣру и языкъ, а уже въ половинѣ XVII вѣка оно было изгнано казацко-крестьянскимъ возстаніемъ, и край былъ присоединенъ къ Россіи; понятно, что въ какія нибудь 40—50 лѣтъ языкъ всего народа подъ вліяніемъ нѣсколькихъ аристократическихъ фамилій не могъ измѣниться

---

*) Вотъ нѣсколько примѣровъ, на которыхъ упомянутые писатели основываютъ свои выводы: *Земь*—земля, *лѣпо*, *слънце*, *дѣ(я)ти яко*, *чи*, *незнаемый*, *тридесять*, *писано есть*, *взялъ будетъ* и т. п.

сколько нибудь значительно. Во вторыхъ, изученіе обломковъ старо-новгородскаго нарѣчія показываетъ большое сходство его съ южно-русскимъ; такъ, напримѣръ, въ объяснительной статьѣ Даля къ его „Толковому словарю живаго великорусскаго языка" приведенъ длинный рядъ словъ изъ нарѣчій архангельскаго, вологодскаго, пермскаго, вятскаго и т. д., сходнымъ съ малорусскими,—и замѣчательно, что весьма многіе изъ этихъ словъ есть и въ польскомъ *), а какъ несомнѣнно, что польскій языкъ не могъ вліять на вологодскую напр. губернію, то и въ южнорусскомъ эти слова образовались помимо польскаго вліянія. Несомнѣнное заимствованіе малорусскимъ языкомъ изъ польскаго видно только въ словахъ случайныхъ, словахъ быта панско-лакейскаго, да еще заимствованы многія слова быта ремесленнаго и юридическаго, которыя въ свою очередь взяты польскимъ изъ нѣмецкаго или латинскаго, напр., *лыхтарь* (фонарь), *рада* (совѣтъ);—но такія слова по большей части заимствованы и въ русскомъ языкѣ, то изъ нѣмецкаго, то изъ греческаго и татарскаго, напр. *ратуша*, *фонарь*, *ямщикъ* и т. д.

Къ такому заключенію приводитъ серьезное, сравнительное изученіе южно-русскаго нарѣчія. Къ такому заключенію и пришли всѣ почти русскіе филологи, напр.: Максимовичъ, Даль, П. Лавровскій. Послѣдній, которому принадлежитъ самый полный „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго, сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями" (въ „Журналѣ Минист. Народ. Просв." 1859 г. № 6) говоритъ объ отношеніяхъ малорусскаго нарѣчія къ польскому: „было бы безуміемъ не признавать нарѣчіе малорусское, какъ самостоятельное нарѣчіе въ ряду остальныхъ славянскихъ, и притомъ *отстоящее отъ польскаго*, за исключеніемъ вдавленныхъ временнымъ и случайнымъ польскимъ господствомъ словъ, системою звуковъ и развитіемъ этимологическихъ формъ *также далеко, какъ каждое нарѣчіе юго-восточное отъ нарѣчій сѣверо-западныхъ*."

Такимъ образомъ, по приговору нашихъ лучшихъ филологовъ, *народный южно-русскій языкъ въ Украйнѣ и въ Галиціи есть языкъ*

---

*) Вотъ нѣсколько для примѣра: *новгор. почекать* (подождать), *черевики* (башмаки), *тверск. трохи* (немного), *сподобать* (полюбить), *досить* (довольно), *шкода* (порча), *ховать* (прятать), *сопсовать* (испортить), *олонецк. робить* (дѣлать), *вологод. бажи(а)ть* (ожидать), *добродій*, *смаковать*, *завсе* (всегда), *заразъ* (сейчасъ) и т. п.

русскій, совершенно отличный отъ польскаго. Этотъ критеріумъ приложимъ теперь къ приведеннымъ выше образчикамъ. За полонизмъ будемъ брать только тѣ сходства языка въ этихъ образчикахъ съ польскимъ, какихъ нѣтъ въ народномъ языкѣ. Образчикъ народной пѣсни галицкой—будетъ русскій; таковъ же будетъ образчикъ статьи изъ Додатка къ Слову, образчикъ языка Шевченки, Марка Вовчка и Квітки. Образчики стиховъ галицкихъ, по своимъ составнымъ частямъ, русскіе уже почти только на половину; но и эта половина языка искусственная, а не живая, ибо такимъ языкомъ (смѣсью ломоносовскаго съ малорусскимъ) никто нигдѣ въ русскомъ мірѣ не говоритъ. Наименѣе русскими будутъ образчики прозы галицкой. Изъ нихъ русскіе будутъ только отчасти фонетика и отчасти формы, складъ же рѣчи и множество словъ и формъ будутъ или церковно-славянско-латинскія или польскія. Въ послѣднее время въ Галиціи многіе стали приближать свой языкъ къ нашему литературному языку, не оставляя, впрочемъ, привычекъ того языка, котораго образцы мы привели. Такимъ образомъ явился еще одинъ мѣшанный языкъ, образцы котораго встрѣтитъ читатель ниже.

Волынецъ.

(Спб. Вѣд.)

ПОНИМАНІЕ РЕЛИГІИ И ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ НАРОДНОМУ РАЗВИТІЮ.

Религія, подобно живительному свѣтилу, ведетъ народы по пути ихъ развитія, и смотря потому, какъ они къ ней относятся, и какъ назначено имъ промысломъ въ исторіи судебъ, одни изъ нихъ исчезаютъ, не оставляя часто въ исторіи слѣда, другіе живутъ и перерождаются въ новую жизнь, для новой дѣятельности на поприщѣ міровыхъ событій.

Исторія XVIII столѣтій ясно доказываетъ, что только спокойная проповѣдь безъ насилія давала прочное христіанство народамъ, такъ что они при свѣтѣ его становились твердо на путь просвѣщенія и достигали нужнаго развитія. Примѣръ мучениковъ первыхъ временъ христіанства гораздо болѣе привлекалъ къ истинѣ, чѣмъ нескончаемый рядъ костровъ, заваливщихъ Европу, которыми *святая* инквизиція наложила кровавую печать на исторію среднихъ вѣковъ.

Папы римскіе, пользуясь духомъ времени, начали пріобрѣтать власть на западѣ не силою самоотверженія въ пользу человѣчества, а жаждою власти. Войны гвельфовъ и гибеллиновъ были не иное что, какъ усиліе папства высвободиться изъ подъ власти императоровъ. Первосвященникъ церкви вдругъ препоясывалъ мечъ, какъ король, вмѣсто всепрощенія подписывалъ неимовѣрныя казни—бросалъ изъ Ватикана на непокорныхъ громы проклятій,—и коронованныя главы принуждены были склонять смиренное чело, на которое, въ чувствѣ побѣды, папа наступалъ твердой ногою.

Но, для упроченія власти и для огражденія себя отъ суда будущихъ поколѣній, нужно же было составить извѣстный кодексъ, который бы оправдывалъ отношенія духовенства къ народу, очертилъ кругъ власти первыхъ и степень рабства послѣднихъ; особенно это было необходимо, когда короли перестали склонять головы къ стопамъ папъ, а народъ принималъ хладнокровнѣе воззванія къ низверженію государей посредствомъ экскомуникъ и проклятій. Изъ накопившейся вѣками тьмы буллъ, бреве, аллокуцій, проклятій и посланій составлялось вѣками изобрѣтательнымъ умомъ различныхъ орденовъ каноническое римское право, которое дѣйствительно сдѣлалось теперь камнемъ преткновенія и даже адскія силы съ трудомъ теперь могли бы преодолѣть его.

Главнымъ догматомъ каноновъ почитается то, что папа самъ собою составляетъ церковь: „nomine Ecclesiae intelligitur Papa.“ Пока общій составъ каноновъ не достигъ своихъ полныхъ размѣровъ, до тѣхъ поръ власть духовенства колебалась, папы были низвергаемы королями или возводимы вдругъ по три и по пяти одновременно, въ разныхъ пунктахъ, соотвѣтственно тому, кто изъ нихъ къ какой партіи принадлежалъ: Гвельфовъ ли или Гибеллиновъ. И въ этой продолжительной борьбѣ, народъ мало понимавшій событія, не зналъ, гдѣ его церковь и гдѣ религія. Наконецъ соборъ тридентскій наложилъ печать святости на каноны, вѣками составлявшіеся въ пользу папства, такъ что послѣ этого они получили санкцію божественныхъ законовъ.

Спрашивается затѣмъ: сколько во всѣхъ этихъ усиліяхъ умовъ іезуитскихъ принимаетъ участіе самая религія,—религія святая, которой законъ кротокъ, исполненъ милости и человѣ-

колюбія? Іисусъ Христосъ, апостолы и мученики собственною кровью запечатлѣли тѣ спасительныя истины, которы кроются въ догматахъ религіи. Мѣры, принятыя 1) католицизмомъ, имѣли въ виду не развитіе и просвѣщеніе народовъ, только усиленіе въ Римѣ владычества папъ, въ епархіяхъ епископовъ, въ приходахъ ксендзовъ. Люди со здравымъ умом и доброй волей, поставлявшіе свое чело на защиту правъ сво его народа, были признаваемы за еретиковъ, гнили въ замк св. Ангела и въ мавританскихъ башнахъ или сожигались н кострахъ или, наконецъ, успѣвши бѣжать въ свое отечество найдти единомысленниковъ, составляли на новыхъ началахъ независимую отъ папства церковь.

Взгляните на обширную сѣть латинства, тамъ всѣ безустанно работаютъ, но въ пользу ли счастья и просвѣщенія народовъ?—нѣтъ! Всѣ силы напряжены въ пользу папства. Сосчитайте монаховъ въ какомъ угодно католическомъ краѣ—эту папскую милицію,—и вы убѣдитесь, что ни одно правительство въ Европѣ не имѣетъ столь зоркихъ наблюдателей за образомъ мыслей міранъ и свѣтскаго духовенства. Спросите каждаго ксендза, какое назначеніе монаховъ? Они скажутъ, что это досмотръ за епископами. Само собою разумѣется, что это не въ Россіи, гдѣ папа считается только римскимъ патріархомъ, а глава церкви Самъ Іисусъ Христосъ—установитель христіанской религіи, а не римскаго каноническаго права.

Объемъ нашего письма не дозволяетъ намъ подробно объяснить сомнительныя заслуги папства для человѣчества. Въ церковной исторіи ничего болѣе не найдете, кромѣ исторіи усиленія владычества папы, которое оспаривали кровью частныя лица и цѣлыя государства—и кровавые споры эти развѣ были вызваны сомнѣніями въ догматахъ религіи? Нисколько! главную роль всегда играла безпредѣльная, всепоглощающая власть папы. Нынѣшнія событія показываютъ, какую блистательную роль принимаетъ на себя Италія въ судьбѣ народовъ; и можно напередъ гадать, какой благодарственный памятникъ воздвигнетъ человѣчество этой странѣ за борьбу ея съ папствомъ при распаденіи обветшалаго его зданія.

Ни одна корпорація не принесла столько услугъ папству, сколько орденъ іезуитовъ. Дѣятельность ужасающая; богатства

1] Вездѣ, гдѣ употребляется слово: католицизмъ, можно разумѣть римскій католицизмъ.

неисчерпаемыя, изобрѣтательность изумительная, ловкость неимовѣрная, настойчивость труда несломимая: нѣтъ задачи, предъ которой останавливался бы ученикъ Лойолы,—и все это для того, чтобъ упрочить владычество папы. Исторія ордена іезуитовъ сопряжена въ каждомъ народѣ, которымъ успѣлъ онъ завладѣть, съ ужасающими воспоминаніями, и акустическое устройство конфессіоналовъ, скважины во всѣхъ стѣнахъ, полахъ и потолкахъ храмовъ сами собою говорятъ о кротости и скромности іезуитовъ. Сойдите въ клашторныя сутерени,—вы тамъ увидите машины, какія могъ только адскій умъ устроить для изувѣченія невинныхъ страдальцевъ, найдете тамъ все то, что *святая* инквизиція оставила на память человѣчеству: колеса, иглы, щипцы, блоки, короны,—все, что можетъ привести въ ужасъ мысль человѣческую, приводилось въ дѣйствіе съ свирѣпымъ хладнокровіемъ, при общемъ совѣтѣ отцовъ ордена, особенно если жертва препятствовала обществу присвоить милліоны.

Ни одинъ народъ такъ больно не почувствовалъ вліянія іезуитовъ, какъ Польша. Польша должна стыдиться своего рабства папамъ и іезуитизму; для того она и покрываетъ молчаніемъ эту печальную сторону своей исторіи. Однакожъ нужно когда нибудь сказать себѣ правду. Какую пользу принесъ орденъ іезуитовъ вѣковому образованію молодаго поколѣнія Польши?—Правда, каждый зналъ отлично Альвара и языкъ латинскій; но за всѣмъ тѣмъ іезуиты привили Польшѣ, какъ оспу, ненависть къ Россіи и единоплеменнымъ народамъ славянскимъ и поставили ее во враждебныя отношенія къ нимъ, между тѣмъ какъ родственная связь ихъ могла бы послужить основаніемъ могущества, предъ которымъ трепетала бы Европа. Каждый дворъ магната былъ подъ надзоромъ капеллана іезуита, всѣми силами поддерживавшаго планы невидимаго государства, представляемаго генераломъ ордена. Отчего возникла унія, казацкія войны и вся эта кровавая исторія, окончившаяся совершеннымъ паденіемъ Польши? Отчего всѣ сеймы не привели къ благопріятнымъ странѣ результатамъ? Оттого, что программы сеймовъ диктовались съ той стороны, которой не было дѣла до интересовъ Польши. Іезуитизмъ тѣснилъ Польшу все на западъ, отклоняя ее отъ единства съ Россіею и прочими племенами славянскими, для того, чтобы сдѣлать изъ нея плотную стѣну противъ вторженія въ Европу турокъ. Такимъ об-

разомъ погибъ подъ Варною Владиславъ, такъ пролита бы
кровь подъ Вѣною—для защиты нѣмцевъ, которые сей часъ
вытѣснили своихъ освободителей голодомъ. Отчего не дано бы
устроиться Польшѣ у себя? Потому что папы постоянно гнал
народъ будто на защиту христіанства, провозглашая круціяты
обирая деньги и разсыпая вмѣсто ихъ щедрою рукою индул
генціи.— Царствованіе Сигизмунда III, Владислава IV, Ян
Казиміра, не было ли напряженнымъ движеніемъ народа в
вредъ самому себѣ? Племенное родство указывало Польш
слиться съ Россіею въ одно сильное государство: іезуиты ра
зорвали братскую связь двухъ кровныхъ народовъ; но неиз
мѣнная воля Провидѣнія наконецъ соединила ихъ въ вѣково
ихъ единство. Римскій папа до сего времени своими энцикли
ками воспламеняетъ умы поляковъ противъ Россіи; но нельзя
не видѣть, на сколько полезно для Польши вліяніе папы, и на
сколько силенъ кредитъ его въ католическихъ странахъ. Петръ
Скарга, ловкій дипломатъ, понимавшій отлично духъ своего
времени, предсказалъ раздѣлъ Польши въ нынѣшнихъ ея границахъ; поляки, слушая это, провозгласили его пророкомъ; почему жъ онъ не обратилъ взоръ своего народа въ ту сторону, куда его направляла самая судьба и племенная связь?

Совсѣмъ другой характеръ представляетъ намъ исторія Россіи. Самая обширная отрасль племени славянскаго сосредоточилась въ себѣ—и, отдѣлившись отъ схоластическаго образованія западныхъ державъ, разработывала у себя принципъ собственной національности. Христіанская православная вѣра, чуждая германизма, не стѣсняемая гибельнымъ вліяніемъ іезуитовъ и папскаго владычества, сливаясь съ понятіями народа охраняла русскій народъ отъ всѣхъ тѣхъ вѣковыхъ катаклизмовъ, которые, волнуя Польшу, приготовили наконецъ ея совершенное разложеніе.

Лучь христіанства въ одно почти время проникъ какъ въ Россію, такъ и въ Польшу. Громадное племя славянъ, которому, какъ видно по всему, суждено играть значительную роль на поприщѣ будущихъ вѣковъ, въ своемъ развитіи восходитъ къ одному началу. Преданія говорятъ, что св. Андрей апостолъ проповѣдывалъ христіанскую вѣру у славянъ. Моравскія новины за 1860 г. даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о заслугахъ для народовъ славянскихъ св. Павла апостола: самъ апостолъ въ посланіи къ римлянамъ говоритъ, что онъ пронесъ слово

вангелія отъ Іерусалима до Иллиріи. Извѣстно изъ исторіи, го Иллирія простиралась отъ Дуная до Адріатическаго моря, была первою осѣдлостью славянъ. Извѣстно и то, что мирые славяне, вытѣсненные отсюда кочующими племенами, поэлились при Карпатахъ, большая же часть ихъ возвратилась ь прежнее свое мѣстопребываніе и основала небольшія гоударства Славоніи, Хорватовъ, Далматовъ, Босніи, Сербіи, олгаріи и т. д. Кромѣ того св. апостолъ Павелъ выслалъ къ іавянамъ, то есть въ Далматію, ученика своего св. Тита. И св. итъ, какъ епископъ критскій, распространялъ христіанство ъ Далматіи, Иллиріи и Панноніи, откуда произошли св. Іеромъ стридонскій 330 года, папа Іоаннъ IV въ Сіаніи 639 г., мператоръ Юстиніанъ 527 г., Велизарій, и т. д. Наконецъ ристіанская церковь въ Ѳессалоникѣ или Солуни, основанная в. Павломъ, дала намъ въ послѣдствіи святыхъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія.

Все это относится и къ Польшѣ. По стариннымъ предаіямъ, св. Іоаннъ и Павелъ явились Пясту Коладзѣю или Конмковичу и окрестили его. Польша затѣмъ развивалась наравнѣ со всѣми славянскими племенами. Мечиславъ 1-й былъ крещенъ съ народомъ по обряду славянскому, принесенному чешскими апостолами. Но пропаганда св. Войцѣха и общая сила тяготѣнія на западъ заставили примкнуть Болеслава Храбраго къ германскому началу; коронація его Оттономъ III., блескъ королевскихъ почестей, услужливость папъ, распространеніе индульгенцій нѣмецкими ксендзами, измѣнили въ Польшѣ характеръ славянскій и вооружили ее противъ Россіи. Здѣсь первое начало борьбы между Россіею и Польшею, которая велась въ продолженіи вѣковъ,—борьбы, которой не въ силахъ были ослабить ни племенныя связи, ни обоесторонніе трактаты, ни безчисленныя жертвы, принесенныя съ той и другой стороны въ пролитой братней крови,—жертвы, которыя даже и въ настоящее время едва успѣваютъ убѣдить, что Польша и Россія связаны на вѣкъ самою судьбою, и что идти противъ нея, значитъ только тратить время и силы.

Кстати здѣсь спросить защитниковъ латинства, сколько Польша пріобрѣла на западѣ отъ германскаго элемента и что потеряла отъ разъединенія своего съ Россіею нетолько въ могуществѣ политическомъ, но и въ умственномъ народномъ развитіи? Когда всѣ единокровныя племена германскаго и рим-

скаго начала сосредоточивались для общей силы въ одно цѣлое, приводя къ очисткѣ и разработкѣ національный языкъ, Польша какъ нарочно стремилась къ чуждому принципу римскому, куда ее гнало схоластическое богословіе. Какая для ней польза, что ученые епископы, проживая въ Римѣ, писали латинскіе трактаты,—между тѣмъ какъ народъ въ грубомъ невѣжествѣ стоналъ подъ гнетомъ пановъ? Просвѣщенію народа не способствовало ни богослуженіе, ни обряды, исполняемые на чуждомъ, непонятномъ латинскомъ языкѣ, и народъ почти совсѣмъ лишенъ былъ христіанскаго образованія.

Самыя счастливыя времена для Польши были подъ скипетромъ Ягеллоновъ, потому что элементы русскій, польскій и литовскій равно преобладали во всѣхъ сферахъ общества; это, какъ нельзя больше, могло бы способствовать соединенію и всѣхъ остальныхъ племенъ въ одно могущественное государство, если бы не помѣшали тому неумѣстныя услуги папства и іезуитовъ, подготовившихъ ожесточенную войну въ XVII столѣтіи, откуда и начинается finis Poloniae.

Извѣстно, что польская аристократія родъ свой ведетъ отъ князей или литовскихъ, или русскихъ; это фактъ, не требующій доказательствъ. Что же касается прочихъ фамилій, то не угодно ли прослѣдить „Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich przez Stanisława Kossakowskiego—Tom 2 i"—Показано здѣсь болѣе ста фамилій происхожденія русскаго, какъ напримѣръ: фамиліи Бѣловоровъ, Бржостовскихъ, Бутлеровъ, Халецкихъ, Чацкихъ, Ходкевичей, Черскихъ, Четвертинскихъ, Чуриловъ, Юдицкихъ, Колаковскихъ, Красинскихъ, Ледоховскихъ, Любомирскихъ, Любенскихъ, Потоцкихъ, Монюшковъ, Олизаровъ, Тышкевичей, Тызенгаузовъ, Сѣмашковъ, Киселей, Паушовъ, Ельцовъ, Немировичовъ, Быковскихъ, Солтановъ, Князевъ, Капустовъ, Кмитовъ, Чернобыльскихъ, Волчкевичей, Суриновъ; нѣкоторыя изъ этихъ фамилій долгое время сохраняли обряды православной церкви, пока при Сигизмундѣ III не были іезуитами присоединены въ латинство. Что касается графскихъ титуловъ, то это изобрѣтеніе принадлежитъ дарственной хартіи австрійскихъ императоровъ въ XVII столѣтіи. И въ то время число ихъ было въ Польшѣ весьма ограниченное: Тарновскіе, Ходкевичи, Оссолинскіе, Фирлеи, не считая титуловъ конвертныхъ, полученныхъ въ Галиціи за 300 рублей.

Сообразивъ вышесказанное, видимъ, что стремленіе Поль-

къ западному устройству и образованію было противно на-
ному характеру,—и на сколько Польша отставала отъ Рос-
, на столько теряла свою автономію и дѣлалась страною ла-
ско-нѣмецкою, дѣйствуя въ ущербъ собственной силѣ и раз-
гію. Это, несвойственное духу народа, направленіе глав-
мъ образомъ дано было ему его польскимъ духовенствомъ.
Латинское духовенство въ Польшѣ мало заботилось о томъ,
обы всѣ формы нравственной жизни народа, его бытъ, его
разованіе и развитіе были таковы, чтобы выходили изъ его
иродпаго характера, и отражались бы какъ въ общественной
зни, такъ и въ частной каждаго семейства. Извѣстно изъ
оникъ, что до XVI столѣтія ксендзы польскіе были женаты;
ке встрѣчаемъ у Самуила Бандке такой крупный примѣръ,
о Гедеонъ, епископъ краковскій въ XIII столѣтіи, былъ же-
тый. Но іерархическое направленіе среднихъ вѣковъ дало
угой оборотъ дѣламъ церкви, хотя вообще осталась таже
стема двуличности: вошло въ правило дѣйствовать въ ущербъ
равительству, лишь бы не попасть въ его немилость. При
томъ нравственное развитіе народа было совершенно упущено
зъ виду. Епископы заняты рѣшеніемъ однихъ соціальныхъ
опросовъ, выдаютъ индульты на постъ, дозволяютъ пріоб-
ааться безъ исповѣди, разрѣшаютъ разводы и т. д. Въ пропо-
ѣдяхъ выдвигаютъ догматы и проклинаютъ ереси, о которыхъ
амять хранится только въ исторіи: манихеевъ, аріанъ, моно-
изитовъ и т. д. Народъ, между тѣмъ, жаждущій чистой Хри-
товой истины, выходитъ изъ костела, не понимая, о чемъ го-
орилъ ксендзъ на амвонѣ. Привыкши вѣрить безпрекослов-
ю, онъ смотритъ на обряды латинства, какъ глухой относится
къ звукамъ музыки, которая ему не можетъ быть понятна. Са-
мое положеніе ксендзовъ въ обществѣ такъ очерчено канонами,
что нѣтъ случая, въ которомъ бы ему нельзя было дѣйствовать
и pro и contra. Костелъ у нихъ стоитъ выше всѣхъ догматовъ,
и, какъ сказалъ одинъ писатель, „они для костела готовы от-
речься отъ самаго Бога.“

Извѣстный французскій журналъ давно уже обращался къ
латинскому духовенству, совѣтуя оставить игры и приняться
за образованіе народное, не по книгамъ, въ которыхъ напеча-
таны проповѣди на круглый годъ, а живымъ словомъ, чтобы
поднять въ народѣ человѣческое достоинство, указать ему путь
истины и его назначеніе въ мірѣ. Между тѣмъ одни изъ ксен-

дзовъ пишутъ повѣсти; тѣ, которые не умѣютъ писать, морочатъ умы каноническою кабалистикою, выдавая ее несвѣдущимъ за законъ Божій. Обыкновенно довольствуются тѣмъ, чтобы ксендзъ умѣлъ отслужить обѣдню и прочелъ проповѣди по листкамъ, выдернутымъ изъ книги,—такой будетъ глубоко почитаемъ, какъ ученый. Многіе думаютъ, что народъ, живущій на провинціи, до того простъ и теменъ, что не пойметъ значенія религіи и не перейдетъ къ исповѣданію, въ которомъ отчетливѣе указаны обязанности его къ религіи, къ государю и отечеству.

Государь Императоръ сдѣлалъ для духовенства латинскаго даже болѣе, чѣмъ для православнаго. Оставлена ему полная свобода дѣйствій въ границахъ своего исповѣданія. Требуется отъ духовныхъ только добросовѣстное исполненіе обязанностей, возложенныхъ на нихъ религіею. Чѣмъ же духовенство вообще отблагодарило Государя за эту свободу въ дѣйствіяхъ? Воплемъ на мнимое преслѣдованіе католицизма 1).

Да не подумаютъ, что вражда латинства къ Россіи возникла изъ правительственныхъ распоряженій послѣдняго времени и что бы мѣры принятыя русскимъ правительствомъ не были справедливы? Со стороны правительства ничего другаго не видно, кромѣ терпѣнія, снисхожденія и дѣйствій, имѣющихъ въ виду примиреніе. Въ чемъ же искать причинъ всѣхъ интригъ и неудовольствій? Не въ нарушеніи ли догматовъ и обрядовъ церкви? Ни чуть не бывало! Чтобы дать отвѣтъ на заданный вопросъ, намъ нужно было бы пуститься въ темный лабиринтъ свѣдѣній о лицахъ, недоброжелательныхъ всякому правительству, стремящемуся освободить народное развитіе отъ вредныхъ вліяній.

Если кто вспомнитъ безграничную власть іезуитовъ и громадныя богатства латинскихъ епископовъ,—сенаторовъ древней Польши, и вдругъ увидитъ духовенство въ границахъ чисто религіозной дѣятельности; если взглянетъ, какъ вредное вліяніе духовенства уменьшается и переходитъ въ руки свѣтской власти, тотъ пойметъ причину, почему ксендзы враждебно относятся къ влас ти, содѣйствующей всеобщему развитію на началахъ народныхъ.

Духовенство р. католическое ничего несдѣлало, чтобы пріоб-

---

1) Личнымъ уч астіемъ въ бунтахъ—тожъ. Ред.

вѣсть себѣ ту силу Духа Св., какою владѣли первые христіанскіе пастыри. Мало по малу ксендзы упустили всѣ жизненные вопросы, близкіе сердцу народа, не указали ему, въ чемъ состоитъ истинная религія, не подтвердили того собственнымъ чувствомъ и пониманіемъ религіи. Напротивъ, духовенство давало народу, вмѣсто религіи, безжизненные параграфы каноническіе, рожанцы и коронки вмѣсто молитвы—и бросаетъ теперь въ народъ гнѣвъ неба и проклятія Ватикана вмѣсто спокойнаго увѣщеванія къ добру, за то, что народъ инстинктомъ самъ стремится къ истинѣ. Исторія давно выставляетъ на видъ р. католическому духовенству, что его религія сдѣлалась абстракціей для народа.

Послѣ всего этого нечего удивляться, что благодать перешла въ мертвую букву, и что власть свѣтская подбираетъ жизненные вопросы народа. Потерявъ сами благотворное вліяніе на массы народа, ксендзы перешли въ блистательные салоны для бесѣдъ піетизма и идеологіи, а правительство, оплативъ кровью судьбу народа, приняло его подъ свою защиту. И оживленный взаимностью человѣкъ душою прилегаетъ къ той вѣрѣ, которая всегда готова подать ему слово утѣшенія, указывая въ религіи воспрещеніе. И чья же вина, что самяранинъ и нынѣ поднимаетъ страдальца и оказываетъ помощь ему, а ксендзы равнодушно проходятъ мимо!

Викентій Стройновскій.

ЕЩЕ ОДНО СРЕДСТВО КЪ ОБЪЕДИНЕНІЮ СЛАВЯНЪ.

Мысль о принятіи славянами одного научнаго языка, именно языка русскаго, не смотря на множество другихъ жгучихъ вопросовъ, волнующихъ, въ настоящее время, умы западныхъ и южныхъ славянъ, все таки не лишилась вниманія этихъ послѣднихъ.

Мы упоминали уже о возраженіи, какимъ отличилась по этому вопросу одна изъ сербскихъ газетъ. Конечно, возраженіе вышло въ отрицательномъ смыслѣ, но такъ-какъ не приведено къ свѣдѣнію ни одно доказательство, способное поддержать мысль о невозможности предполагаемаго нами *условнаго объединенія* славянъ, или же мысль о несовмѣстности этого послѣдняго съ даль-

нѣйшимъ развитіемъ славянскихъ нарѣчій, на основаніи которыхъ славянскія племена привыкли—разумѣется, несправедливо—считать себя совсѣмъ отдѣльными, самостоятельными народами, въ самомъ пространномъ значеніи этого слова,—то мы ни чуть не убѣдились въ несостоятельности нашей идеи, и отнюдь не перестали ожидать, что скажутъ о ней другіе славяне.

Мы не обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ. Предлагаемая нами идея національнаго объединенія славянъ посредствомъ одного языка, имѣющаго для всѣхъ славянъ не только междуплеменное, но вмѣстѣ и научно-литературное значеніе, нашла себѣ рьянаго защитника въ одномъ изъ многихъ дѣятельныхъ патріотовъ того славянскаго племени, которое, какъ прежде, такъ и въ настоящее время, отличалось предъ другими самымъ сочувственнымъ отношеніемъ къ общеславянскому дѣлу. Этимъ передовымъ бойцомъ между чехо-славянами, принявшимся защищать идею одного научнаго языка для всѣхъ славянъ, явился г. д-ръ Ф. К. Кампеликъ, отлично извѣстный своимъ землякамъ многочисленными сочиненіями, имѣющими цѣлью улучшеніе духовнаго и вещественнаго состоянія его роднаго племени, въ которыхъ *) онъ проповѣдываетъ славянскую взаимность во всякомъ направленіи.

Съ большимъ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ первый, для „Славянской Зари" предназначенный, трудъ почтительнаго чехо-славянскаго дѣятеля, именно, его „*Письма къ юго-западнымъ славянамъ*," въ которыхъ многоуважаемый авторъ совѣтуетъ послѣднимъ принять *одинъ научный языкъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *одни славянскія письмена* (кирилловскую азбуку) для всѣхъ юго-западныхъ славянскихъ нарѣчій.

Вопросъ о принятіи азбуки юго-западными славянами, употребляющими латинскія письмена въ своихъ литературахъ, стоитъ

*) Укажемъ нѣкоторыя сочиненія д-ра К. Ф. Кампелика, намъ извѣстныя: „Samovolnà germanisace ćeśtiny, moravŝtiny, slovenśtiny, kazi jeji lahodnou srozumitelnost, ćistotu, silu, ràznost, libozvućnost, a jakými opravami takové nesnàzi snadno vyhovéti lze." (1864); „Vśeobecnà assekurace proti ŝkodlivým źivlum, proti pàdu dobytka, po krajich zaridénà, výborné by u nàs napomhala orbé, prumyslu rolnickému." (1864) „Prostrédky proti zlým ćasum" (1865); „Jak si pomużeme k deśtum, hojné rose, chtice sobë uredu zemskou zvétśiti, a jak bychom e proti privalum a povodni chràniti mohli" (1865); „Z nedostatku penéz orba, obchod, prumysl, remeslav nynéjśi dobé klesaji! Jak si teda k penézum pomużeme, aby obżivy a blahobytu pribylo?" (1866).

въ тѣсной связи съ вопросомъ національнаго объединенія славянъ. Рѣшеніе перваго споспѣшествовало бы въ значительной мѣрѣ удовлетворительному рѣшенію втораго.

Принятіе кирилловской азбуки южно-западными славянами было бы самымъ удобнымъ средствомъ, во-первыхъ, къ устраненію этой двойственности, которая представляется не только въ Европѣ, но, къ сожалѣнію, и въ самомъ славянскомъ мірѣ, именно, противорѣчіе между западомъ и востокомъ. Западные славяне, принявъ письмена восточныхъ братій, какъ-разъ устранили бы эту двойственность въ славянскомъ мірѣ, существующую независимо отъ извѣстнаго раздробленія славянъ на многія племена. Мы признаемъ, что упомянутая двойственность основывается также и на различіи вѣроисповѣданія и условій общественнаго развитія; но устраненіе этихъ различій не представляетъ особенныхъ трудностей. Оно возможно и совершится непремѣнно въ слѣдствіе общечеловѣческаго прогресса, замѣтно стремящагося къ тому, чтобы вездѣ римско-католическая исключительность уступила мѣсто христіанской свободѣ, а остатки феодализма—демократическому началу. Въ этомъ отношеніи славяне едва ли останутся позади прочихъ европейскихъ народовъ; на счетъ этого можно быть спокойнымъ. Во-вторыхъ, принятіемъ кирилловской азбуки прекратилось бы гибельное дробленіе славянства на мелкія племена, неимѣющее иногда никакой достаточной причины. Кому, н. п., неизвѣстно, что различіе между литературами сербской и хорватской основывается на различіи письменъ? Если бы хорваты приняли кирилловскую азбуку, какъ они уже прежде приняли сербское нарѣчіе, тогда эти обѣ литературы слились бы въ одну, имѣющую болѣе задатковъ для удовлетворенія жизненнымъ потребностямъ сербо-хорватскаго племени, чѣмъ теперь каждая изъ нихъ.

Наконецъ, для славянъ, употребляющихъ кирилловскую азбуку въ своихъ племенныхъ литературахъ, значительно легче будетъ усвоивать себѣ то славянское нарѣчіе, которое повидимому должно сдѣлаться единительнымъ, т. е. междуплеменнымъ и научно-литературнымъ, слѣдовательно—*національнымъ* языкомъ всего славянскаго народа. Тогда этотъ національный языкъ будутъ усвоивать себѣ не только образованные слои славянскихъ племенъ, но онъ сдѣлается легче доступнымъ и для самыхъ массъ народа, съ огромною пользою для нихъ и при томъ безъ ущерба для родныхъ нарѣчій.

Сообразивъ все вышесказанное, нельзя не убѣдиться въ томъ что принятіе азбуки юго-западными славянами представляется какъ одно изъ самыхъ необходимыхъ условій для скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго осуществленія великой идеи національнаго единства славянъ Мы отъ души желаемъ, чтобы мысль д-ра Кампелика встрѣтилась съ сочувствіемъ между юго-западными славянами, отъ которыхъ единственно зависитъ рѣшеніе этого, для всего славянскаго міра столь важнаго, вопроса. Слѣдуетъ ожидать, что прежде всего чехи вполнѣ оцѣнятъ это предложеніе своего патріотическаго земляка, и, судя по обстоятельствамъ настоящаго времени, можно предполагать, что г. Кампеликъ встрѣтитъ болѣе сочувствія, чѣмъ его предшественникъ, г. Езбера. Изученіе русскаго языка, поступающее исполинскимъ шагомъ между чешскимъ народомъ, и познакомившее уже многихъ съ кирилловскою азбукою, будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на успѣхъ новаго защитника однихъ общеславянскихъ письменъ.

Впрочемъ, мы не предаемся слишкомъ сангвиническимъ надеждамъ, именно что касается времени, въ которомъ упомянутая идея осуществится. Мы сознаемъ вполнѣ, что принятіе кирилловской азбуки будетъ имѣть въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе трудностей, чѣмъ даже принятіе одного междуплеменнаго и научно-литературнаго языка. Но что сегодня еще представляется труднымъ, можетъ быть не покажется такимъ уже завтра. Въ жизни народовъ, по замѣчанію графа Бисмарка, днямъ соотвѣтствуютъ десятилѣтія. Пусть будетъ и такъ; выполняя задачу дня совѣстно и честно, мы славяне не должны отчаяваться о нашей великой будущности. Лишнею тороплиносгью обыкновенно портится дѣло. *К. Г. Климковичъ.*

ДРУЖЕСКІЯ ПИСЬМА КЪ ЮГО-ЗАПАДНЫМЪ СЛАВЯНАМЪ.

Письмо I.

БРАТЬЯ СЛАВЯНЕ, ПИШУЩІЕ ЛАТИНСКИМЪ АЛФАВИТОМЪ!

> Въ однихъ общихъ письменахъ является созвучіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій, ихъ родство, подлинность и точность
>
> *Ф. І. Езбера.*

Время течетъ рѣкой, дѣянія стремятся. Народы романскіе германскіе идутъ впередъ, движимые живою народностью и

чувствомъ неуступчиваго себялюбія. Намъ, славянамъ, нельзя колебаться или раздумывать долго, если желаемъ, чтобы въ славянскомъ мірѣ также явились дѣльные успѣхи.

За что намъ нужно нынѣ приняться, чтобъ чего либо не промедлить, это показываетъ намъ настоящее время и наше положеніе,—именно, за *дѣятельную взаимность*.

Пусть будетъ по этому въ дневномъ порядкѣ *между славянскими племенами на всѣхъ концахъ славянскаго міра взаимность*, усильно стремящаяся къ тому, чтобъ ни одна славянская вѣтвь не была угнетаема, терзаема, убиваема *чужою народностью*. Возбужденное дѣятельною взаимностью къ высшей жизни славянство, пусть усиленно заботится о томъ, чтобъ ни одинъ членъ, ни одна сила не были истрачены по-напрасну, и чтобъ оно окрестнымъ себялюбивымъ народамъ, какъ своимъ врагамъ, не дозволяло противъ него укрѣпляться. Такъ нѣмцы, мадьяры, итальянцы, турки всякими изворотами и насиліемъ отторгаютъ и убиваютъ общіе намъ члены, чтобъ самимъ укрѣпиться къ порабощенію насъ.

Да, угодно ли кому или нѣтъ, но эту *дѣятельную взаимность* влагаетъ на насъ сама природа и само положеніе. Взаимность— это для насъ славянъ законъ непреложный, а славянская церковь, вступившись за своихъ исповѣдниковъ, будетъ намъ заповѣдывать его непремѣнно.

Какія же требованія *дѣятельной взаимности*, за которыя нужно приняться безотлагательно? Прежде всего, и это безъ отсрочки и споровъ, *усильно позаботимся объ общихъ славянскихъ письменахъ и общей научной рѣчи*.

Какія же письмена и какую рѣчь мы должны избрать для этого?—Это, любезные, рѣшено уже природой, большинствомъ и дѣяніями, чтобъ мы юго-западные славяне, числомъ почти 25 милліоновъ, коимъ Римъ предписываетъ вѣру и латинскую литургію, не споря и не отлагая приняли *свято-кирилловскую азбуку* какъ общія письмена, *русскій* же *языкъ* какъ научную рѣчь. Почему?

Потому что священную кириллицу употребляютъ уже болѣе, чѣмъ 70 милліоновъ славянъ; отчего же и остальные двадцать пять милліоновъ славянъ не могли бы также принять эту азбуку, какъ свои письмена, если это имъ можетъ поспѣшествовать во всякомъ, духовномъ и вещественномъ отношеніи?

Въ чемъ и какъ бы поспѣшествовало это, каждый, чужбиной

и западомъ не предубѣжденный, славянинъ, руководящійся своимъ разумомъ, тотчасъ узнаетъ, коль скоро сообразитъ, что

а) письмена, св. Кирилломъ для славянъ столь мудро сочиненныя, будучи приняты какъ общія, были бы видимымъ доказательствомъ нашей великой народности, нашего духовнаго единства, неразлучной связи между всѣми племенами славянскаго, почти стомилліоннаго міра.

б) Донынѣ огромное большинство славянъ, именно, *русскіе, болгары, сербы*, больше чѣмъ 70 милліоновъ, употребляютъ эти священныя кирилловскія письмена. Думаю, это очень важная вещь, если каждый юго-западный славянинъ, изучивъ свято-кирилловскія письмена, будетъ по большей части легко знакомиться съ богатой литературой тѣхъ 70-ти милліоновъ, сдѣлается способнымъ къ обращенію съ ними и откроетъ живительный путь своему промыслу.

в) Славяне, пишущіе кириллицею, имѣютъ рѣшительный голосъ и вѣсъ въ европейской политикѣ, между тѣмъ какъ мы, латинскимъ алфавитомъ пишущіе и растерзанные сплоченнымъ западомъ славяне, не больше, какъ слуги романизма и германизма, которые отъ нашихъ трудовъ толстѣютъ и за наши деньги играютъ горделивыхъ господъ.

г) Желая съ Россіей, Болгаріей и Сербіей прямо сноситься— а безъ торговыхъ сношеній, безъ вещественной поддержки, будемъ только животѣть какъ бѣдняки и слуги,—мы крѣпко нуждаемся въ общихъ славянскихъ письменахъ. Посылаемые въ Россію грузы и товары, неимѣющіе надписей славянскихъ, не обезпечиваются въ вѣрной доставкѣ. Безъ кириллицы у насъ не можетъ быть торговли съ Россіей и юго-славянствомъ, т. е. съ Сербіей и Болгарами. Чехо-словацкая, хорватская, словинская, польская надпись, написанная кириллицей на товарѣ, покажется, въ Россіи, Сербіи и Болгаріи, вразумительною и пріятною.

д) Славянскія кирилловскія письмена красивѣе и удобнѣе для славянъ, нежели латинскій, черточками и кавычками испещренный алфавитъ. Запятыми и точками означаемыя письмена не годятся къ скорописанію, потому что рука останавливается у каждой буквы или же, написавши слово, снабжаетъ его буквы точками и запятыми, какъ будто загрязнили его мухи. Посмотримъ примѣры:

Чешское: sličnéjsi, véčsina, nejpovážlivéjsi, téžsi и пр.
сличнѣйши вѣчшина, нейповажливѣйши, тѣжши.

Всѣ разумные славяне сознаютъ, что только славянскими свято-кириловскими письменами, которыя употребляютъ братья русскіе, болгары и сербы, отлично передаются всѣ звуки нарѣчій. Напишемъ, напримѣръ, почешски

славянское zaśćiśćajuśćimi,
по-польски zaszcziszczajuszczimi,
по-нѣмецки saschtschischtschajuschtschimi,
по-кириловски *защищающими*. Развѣ это не просто, и какъ бы стенографически?

Европейскіе ученые желали уже давно, чтобъ кириллицу избрать какъ пазиграфію, т. е. какъ всеобщія повсюдныя письмена для всѣхъ языковъ, потому что онѣ очень просто передаютъ всѣ звуки человѣческой рѣчи.

Мы, славяне, всѣ должны бы радоваться тому, что славянскія письмена тысячу лѣтъ назадъ, св. Кирилломъ для всѣхъ славянъ такъ мудро сочиненныя и какъ святое наслѣдство, намъ завѣщанныя, отличаются такою сжатостью и удобностью, что могутъ передаваться ими, просто и опредѣлительно, всѣ звуки европейскихъ языковъ. Не-славянскіе, латинскимъ алфавитомъ пишущіе народы, принуждены читать иначе, нежели написано. Убѣдимся въ томъ явными примѣрами, именно на звукѣ *ч*.

Чехо-славяне	изображаютъ	его	č
Поляки	„	„	cz
Лужичане	„	„	cź
Мадьяры	„	„	cs
Нѣмцы	„	„	tsch
Итальянцы	„	„	ce, ci
Французы	„	„	tch
Ново-греки	„	„	τ̇
Русскіе, болгары, сербы			ч

Какой это неосновательный произволъ ученыхъ въ соединеніи письменъ; какая противная неопредѣленность! Подобное выходитъ также относительно согласныхъ *ж*, *ш*, *нь* и пр.

Разсмотримъ далѣе письмена латинщиковъ; какія тутъ разногласія, затрудненія!

j	у чеховъ, поляковъ	произносится	*й*,	какъ	jest jarzmo;
„	„ французовъ	„	*ж*,	„	jour (журъ);
„	„ итальянцевъ	„	*и*,	„	premj;
„	„ испанцевъ иногда	„	*х*,	„	Mejiko (Мехико).
ch	у чеховъ, поляковъ	произносится	*х*,	какъ	chyba (хыба);
„	„ Французовъ	„	*ш*,	„	cher (шеръ);
„	„ Итальянцевъ	„	*к*,	„	chitara (китара);
„	„ Англичанъ	„	*ч*,	„	church (чурчъ).

Если удержимъ латинскій алфавитъ, насильственно навязанный намъ поработительною политикою запада, тогда мы западные во вѣки не сблизимся съ другими славянами; мы бросаемъ колоды подъ ноги славянскимъ нарѣчіямъ; это нашему народу запутываетъ разумъ, дѣлаетъ омерзѣніе, потому что вся эта ученость, незнавшихъ взаимности вѣковъ, только убиваетъ буквами его драгоцѣнное время.

Октября, 1867.

Письмо II.

БРАТЬЯ СЛАВЯНЕ-ЛАТИНЩИКИ!

Нерадивый теряетъ и гибнетъ.

Еще разъ повторяю выразительно, что *азбука* или *кириллица*—это, для насъ юго-западныхъ славянъ, *священныя общеславянскія* письмена, сочиненныя премудро для насъ въ 855-мъ году просвѣщеннымъ славяниномъ изъ Солуня (Өессалоники), слывущимъ правдолюбивымъ философомъ *Константиномъ*, извѣстнымъ подъ монашескимъ именемъ Кирилла, какъ свидѣтельствуетъ славяно-болгарскій монахъ *Храбръ*, еще видѣвшій современниковъ нашихъ славянскихъ апостоловъ *Кирилла* и *Меѳодія*.

Вслѣдствіе этого событія, мы должны были уже въ 1855 году, на Велеградѣ, въ Моравіи, торжественно возвеличить снова это тысячелѣтнее наслѣдіе, препоручая всякимъ способомъ священную кириллицу всей нашей молодожи. То, что тогда не осуществилось и только отсрочено по случаю волненій и споровъ, должно все таки по временамъ, ради памяти, праздноваться на Велеградѣ моравскомъ.

Итакъ, мы, чехо-славяне, имѣли то удовольствіе, что св. Кириллъ сдалъ прямо на насъ свою мудро сочиненную азбуку въ переводѣ священнаго писанія, въ привлекательномъ славянскомъ богослуженіи. Вѣтви чехо-славянскаго народа ликовали и толпились къ нему, радуясь этому дару. Куда же дѣвались, столь возлюбленныя чехо-славянствомъ, его *азбука* и *славянское богослуженіе?* Кто отнялъ ихъ у юго-западныхъ славянъ?

Такъ какъ просвѣщенные благовѣстники, св. Кириллъ и св. Меѳодій, проповѣдывали плѣнительно, отъ сердца къ сердцу, и такъ какъ всѣ понимали ихъ отлично, то были имъ рады вездѣ, во всѣхъ странахъ. Это-то и возбудило злобу, зависть и ожесточеніе у сосѣдей—древнихъ нѣмцевъ, хищныхъ и властолюбивыхъ

завоевателей. Древніе нѣмцы, недавно крещенные и христіанствомъ замаскированные, были именно волками въ овечьей кожѣ. Естественно дѣялось такъ, что злоба, зависть, подстрекала нѣмецкихъ и итальянскихъ святителей, заботившихся болѣе о десяткахъ и о власти нежели о христіанскомъ вѣроученіи, противъ нашихъ святыхъ вѣроучителей, ковала противъ нихъ крамолы въ Римѣ,—отчего ихъ всячески дразнили и преслѣдовали. Да имъ нужно было постоянно расправляться и бороться съ этими зверскими крамольщиками и коноводами древняго завоевательнаго нѣмечества, даже до послѣднихъ дней своей жизни; а то и много позднѣе послѣ ихъ кончины, римско-іезуитское нѣмечество, въ своей ревности, несовѣстилось прозывать ихъ *лжевѣрами*, *раскольниками* и другими названіями, несмотря на то, что папы признавали ихъ православными и жаловали архіепископами въ земляхъ Велико-Моравскаго государства!

Что же, недавно крещенные, свирѣпые нѣмцы сообщали любознательнымъ, понятливымъ славянамъ?—и къ чему они вели ихъ?—Да, они учили ихъ дѣлать кресты, молиться по-латински, предписывали имъ извѣстные обряды и другія формальности, но болѣе того сообщить имъ не умѣли, не зная говорить по-славянски и христіанскими ученіями къ ихъ сердцу. Сколь умильно и вразумительно нѣмечество говорило къ славянамъ, доказываютъ чужестранныя слова въ церковной рѣчи, какъ birmovat (firmo, firmiren), kostel (castellum), bible (Bibel), zakristie (Sakristay), evangelium, almužna (alemosyna), cil, tanec. frej, klaśter (claustrum), krchov (Kirchhof), funus (похороны) и пр. Изъ этого видна неуклюжесть древнихъ, свирѣпыхъ германцевъ. Удивительно ли, что славяне съ омерзѣніемъ отвращались отъ такой безобразности? А древніе нѣмцы сердились, что нѣмецкое неразуміе и нѣмецкій способъ не нравились славянамъ!

Св. Прокопъ изъ Хотуня, игуменъ славянской обители на Сазавѣ, даже до послѣдняго вздоха († 23 марта 1053) своей дѣятельной жизни, питалъ и защищалъ священную кириллицу и славянское богослуженіе между чехо-славянами. Завоевательность, хищность, лукавство древнихъ нѣмцевъ, съ желѣзною настойчивостью, кротомъ подкапывались къ западнымъ славянамъ; изъ славянскихъ вельможъ, воеводъ, королей, нѣмечество надѣлало себѣ покорливыхъ слугъ и помощниковъ, ибо при дворѣ Премысдавичей, которые только на нѣмкиняхъ женились, владѣло нѣмечество; дворянство же, ихъ окружающее, разговаривало всегда

на жесткой нѣмеччинѣ. Только могущественные *Вершовцы*, численная дворянская семья, дѣльно и примѣрно защищали славянство, пока Премыславичъ Святополкъ ихъ всѣхъ, болѣе чѣмъ 3000 лицъ, во всѣхъ странахъ надъ Лабой и Волтавой, постыдно (1108 г.) изрубить велѣлъ.

Такъ тщеславные вельможи и начальники западнаго славянства, уподобляясь монголамъ, насупротивъ своего, дозволили нѣмечеству отнять у нихъ свято-кирилловскую азбуку и славянское богослуженіе, и, какъ униженные слуги, приняли неславянскій алфавитъ (латинку, угловатый *швабахъ*) и языкъ своихъ завоевателей и господъ, потому что они, въ своей надменной гордости, не поняли государственнаго, общественнаго и христіанскаго значенія, важности и будущности собственныхъ славянскихъ письменъ и не заботились дѣльно о самостоятельности своего славянскаго народа.

Нѣмцы перехитрили добросердечныхъ славянъ, именно же ихъ высшіе слои, потому что славяне подавали свои собственныя средства и силы для того, чтобы чужбина обезсилила ихъ и испортила имъ будущность. Но развѣ это не дѣлается и донынѣ? Посмотрите на дѣйствія нашихъ культуроносцевъ, какъ они торгуютъ своимъ лже-либерализмомъ!

Думаю, что всѣ разумные славяне на юго-западѣ соглашаются съ заслуженнымъ г-мъ Езберою, который говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ, что „принятіе азбуки (кириллицы) споспѣшествовало бы западнымъ славянамъ болѣе и доставило бы большее обезпеченіе для ихъ будущности, нежели ихъ историческія права, нежели все длинное глагольствованіе нѣкоторыхъ мнимыхъ предводителей, изъ коихъ многіе не смыслятъ языковаго согласія и народной славянской рѣчи.“

Что пользы намъ говорить, ораторствовать, когда между тѣмъ дѣлается то, что кому угодно? Хватимъ за голову, а не за хвостъ: кириллицею положимъ у насъ самый лучшій и вѣрный залогъ славянскаго успѣха. Хорошо бы это споспѣшествовало также другимъ народамъ, потому что, изучивъ одно славянское нарѣчіе, они легко научились бы и другому.

Каждый разумный славянинъ увидитъ вѣрно, что священная *кириллица*, эти *всеславянскія общія письмена*, самое превосходное средство къ прогрессу и самое сильное пособіе успѣха для насъ славянъ, желающихъ обезпечить себѣ вѣрное убѣжище въ пространномъ славянскомъ мірѣ.

Кто изъ ученыхъ и предводителей между юго-западными

лавянами пренебрегаетъ кириллицей и всякими предложеніями юддерживаетъ алфавитъ (латинскія письмена), тотъ гораздо ольшій врагъ славянства, нежели завоевательный нѣмецъ и кестокій турокъ. Защищать и заступатися за латинскій алфавитъ, того нашего подманителя, который терзалъ насъ убійственно и, бивая наше единство, перенародывалъ насъ на западѣ,—это южетъ дѣлать только ослѣпленіе, неразуміе или подкупленная змѣна. Каково латинщики и своенравные ученые, въ своей инимой безпогрѣшности, просты въ сей взаимности, раздѣляя насъ змѣннически, отчуждая племя отъ племени, составляли всякія правописанія, слѣдующій образецъ покажетъ намъ ясно:

По-чехо-словацки: zrno, srna, cena, žaba, šest, červ, štika, čas.
По-польски: ziarno, sarna, cena, żaba, sześć, czerw, szczuka, czas.
По-лужицки: sorno, szorna, zena, żaba, schescz, czerw, sczuka, ćžas.
По-краински: serno, serna, zéna, shaba, shest, zherv, shzhuka, zhas.
По-далматински: zarno, sarna, cjena, xabba, scest, csarv, sctuka, csas
По-хорватски: zerno, szerna, czena, saba, shest, cherv, schuka, chas и т. д.

Незнающая взаимности ученость въ Дубровникѣ (Рагуза), запутывая дѣло, писала: Kgniscnizi (книжници), oghgnjen (огненъ), gghgnjevno и т. д.

Можетъ ли что нибудь быть глупѣе или измѣннѣе этой учености, которая, раздробляя славянъ, работала на-руку нѣмцамъ и итальянцамъ?

Священная кириллица (азбука) устранила бы все неразуміе невзаимности и измѣнническую путанницу, ввела бы между нами милую вразумительность и духовное единство. Кириллица хорошо примирила бы многіе споры; литературную двойственность между родными братьями чехами и словаками, связала бы въ настоящее единство.

Народность и ея развитіе, благосостояніе и его успѣхъ, вѣра и богослуженіе,—это въ сущности различныя и, прямо, отдѣльныя понятія.

Исторія среднихъ вѣковъ, это—насильственная политика романизма и германизма, жестокій абсолютизмъ папъ и нѣмецкихъ императоровъ, которымъ Премыславичи и Пястовичи покорялись, какъ униженные слуги. Вѣра и латинское богослуженіе служили имъ только какъ средство, которымъ они терзали, подавливали, обезнародывали юго-западныхъ славянъ и прибалтійскихъ вендовъ, укрѣпляя такимъ образомъ и распространяя свою власть. Эта исторія всякаго рода насилія, германская

феодализма, грознаго безправія, кровожаднаго произвола, со свои ужасными темницами романской инквизиціи,—все это постыдный пасквиль на христіанскую науку и любовь, — принадлежитъ къ древнимъ разгуламъ. Выгребываніемъ изъ забвенія и знаніемъ всего этого, нашъ народъ не сохранится отъ обѣдненія, обезсиленія и гибели. Слава Богу, человѣчество пробралось уже сквозь всѣ эти препятствія, перевороты, грозы и противодѣйствія, и доказало міру, что въ *каждой вѣрѣ* могутъ быть *всѣ народности*, и въ *каждой народности—всѣ вѣры*. Новый вѣкъ доказалъ намъ, что *народность*, какъ *особенная личность* въ человѣчествѣ, имѣя святое право на существованіе, не должна быть чьимъ-либо щитомъ или игрушкой, какъ бы этого кто нибудь ни желалъ.

Если мы юго-западные славяне понимаемъ нашъ успѣхъ, нашу будущность, наше истинное благосостояніе, тогда намъ какъ латинщикамъ, нужно усильно домогаться свято-кирилловскаго наслѣдства, *священной кириллицы*. Безъ кириллицы не удастся объединеніе въ славянскомъ мірѣ, безъ азбуки не будетъ *всеславянства*. Кириллица единственно можетъ привести насъ къ общему спасенію, благобытію и славѣ.

Богъ истины, красоты и добра да укрѣпляетъ насъ въ томъ чтобъ мы благополучно водворили опять священную кириллицу въ нашихъ странахъ.

Д-ръ Фр. Кириллъ Кампеликъ.

Октября, 1867.

(Славян. Заря).

ТЕЛЕГРАММЫ СТРАХОПУДА.

Львовъ: Изданіе газеты „Русь" прекращено; капиталъ, который былъ назначенъ на ея изданіе, опредѣлилъ графъ Голуховскій для Редакціи „С.-Петербурскихъ Вѣдомостей *).

Краковъ: Изъ Константинополя присланы сюда останки католицизма (reliquia) изъ Лянгевича при его переходѣ изъ католицизма въ магометанство. Они предназначены для раздачи между тѣхъ pięknych Polek, которые носятъ медальоны съ портретомъ экс-диктатора.

---

*) Не ошибка ли? Вѣроятно—для «Вѣсти» и для «Новаго Времи.»
Ред. В. Зап. Р.

Ьвовѣ: „Школьна рада“ рѣшила, чтобъ на мѣсто русскаго языка преподавать во всѣхъ галицкихъ училищахъ — языкъ турецкій, а вмѣсто русскому Богочестію учить магометанскому корану.

КАБИНЕТНЫЯ ТАЙНЫ ЦАРСТВА ДІЯВОЛА.

(NB. Кто знаетъ, что „Страхопдуъ“ bierze ruble moskiewskie“, тотъ пойметъ, что страхопуду нетрудно узнать, что происходитъ даже въ кабинетѣ царства діавола. Вотъ отчетъ нашего чрезвычайнаго туда посланнаго агента.)

Порученіе Вашего Высокострахопудія мнѣ удалось выполнить вѣрно и точно. Въ приложеніи къ сему посылаю Вамъ извлеченіе изъ „Черной Книги“ Мефистофеля, предложенной державной думѣ. Тутъ позвольте мнѣ только коротко разсказать все происшедшее со мною.

Пріѣхавши на границу царства, я долженъ былъ подчиниться прежде всего чрезвычайно строгой ревизіи чортовскихъ чиновниковъ. Они обыскивали меня отъ головы даже до ногъ, неимѣю-ли я чего нибудь святого или посвященнаго съ собою. „Нѣтъ-ли у васъ какой нибудь запрещенной книги или газеты?“ спрашиваютъ меня. — Кромѣ одного нумера „Страхопуда“ ничего у меня печатаннаго нѣтъ — сказалъ я, поклонившись смиренно.— „Что? у васъ съ собою Страхопудъ!“ закричалъ начальникъ таможни—да развѣ вы не знаете, что Страхопудъ запрещенъ въ нашемъ государствѣ?“

— Я этого не зналъ, я полагалъ, что у васъ полная свобода... да развѣ Стахопудъ можетъ вамъ въ чемъ нибудь помѣшать, если его пропустите въ область вашего государства?

— Да, да! Мы его съ начала пропускали, потому что иногда онъ очень занимателенъ, но опытъ показалъ, что онъ въ области нашего чистилища много вреда намъ надѣлалъ.

— Какъ такъ?

— Да многіе, читая его, тутже разкаялись и послѣ нѣкотораго ихъ покаянія мы должны были отпустить ихъ въ царство свѣта. Съ этого времени „Страхопудъ“ запрещенъ у насъ строжайшимъ образомъ.“

Когда я услышалъ что Страхопудъ запрещенъ, то тутъже я и подумалъ себѣ, что вѣроятно напрасно я и трудился, потому что если не пропускаютъ газету Страхопуда, то тѣмъ менѣе пропустятъ живаго его агента. Оказалось, однако, что я невѣрно

заключалъ. Чтобъ не дать повода чертямъ горячиться надъ не пріятнымъ для нихъ Страхопудомъ, я скоро раздоралъ его въ их глазахъ и скоро свелъ рѣчь на другой предметъ:

— „Скажите, ради Велзвула,—точно-ли есть у васъ такъ наз ваемое чистилище? Вѣдь православные говорятъ, что чистил ще не существуетъ?

— Конечно, что для православныхъ нѣтъ—но для вѣрующи въ чистилище, его не можетъ не быть. Схизматики—идутъ пр мо въ царство мира, потому что умираютъ съ большою вѣрою в милосердіе Божее, и ихъ конечно нельзя уже ссылать въ чист лище, потому что писано: „вѣра твоя спасетъ тя.“ А вотъ р. като лики въ этомъ отношеніи—дураки, потому что, вѣруя въ чисти лище, сами заставили насъ устроить его для нихъ.

— Ну—а уніяты-то?

— Ну—ваши уніяты, это уже самые превесходные дураки.

— Отчего же?

— Ну, потому что они должны перебыть не одно, а два чистилища

— Какъ два?

— Ну первое у себя дома на земли, а второе здѣсь у насъ.

— Какъ на земли?

— Ну да! Вѣдь унія это чистилище на земли—уніятовъ пере чищиваютъ или въ настоящихъ католиковъ или въ православ ныхъ. А сколько такой уніятъ настрадается, пока его перечи стятъ въ латинство—это вы лучше знаете. Да къ сожалѣнію еще, большою частью они въ такой степени занечищены, что и самыя крѣпкія туши поруганій, пониженій и пр. не въ состояніи склонить ихъ принять католицизмъ. Да, бѣдные тѣ уніяты, мнѣ ихъ самому жаль. Вѣрьте, что когда невинный страдаетъ, то и нашъ братъ не можетъ несожалѣть ибо отъ такого рода страданій ни намъ проку (пользы), ни Ангеламъ.

— Какъ нѣтъ? Вѣдь всѣ страданія будутъ вознаграждены.

— Да награждать страданія терпимыя по глупости, а не по злой воли, не позваляетъ справедливость, равно какъ и мы не можемъ мучить преступниковъ, дѣлавшихъ свои преступленія по глупости и безъумію, потому что тогда слѣдовало бы намъ мучить за преступленія и безразумныя животныя.... Тутъ подошелъ къ мнѣ полицейскій чиновникъ съ жандармами.

— (Полицейскій:) Вы кто такой и откуду?

— (Я) Я бѣдный уніятъ посланъ по дѣламъ его высокостраопудія.

— Паспортъ у васъ есть?

— Нѣтъ—да развѣ нужно?

— Да вѣдь вы еще неумершій?

— Нѣтъ.

— Но, васъ исключили изъ церкви?

— Нѣтъ—меня никто не исключалъ.

— И на какомъ же основаніи вы имѣете право переступить границу нашего государства?

— Пославшій меня увѣрялъ меня, что мои заслуги даютъ мнѣ полное право требовать отъ вашего высокочортородія свободнаго пропуска.

— Чѣмъ же вы заслужились предъ нами.

— Я служу полякамъ противъ своего народа—а теперь тайно нанялся за большія деньги его высокострахопудію съѣхать въ адъ.

— Да, это дѣйствительно заслуга, которая дѣлаетъ васъ достойнымъ нашего снисхожденія. Ну ступайте—вы и безъ того нашъ будущій гражданинъ.

Поклонившись чиновнику, я пустился въ путь прямо къ столицѣ подземного царства — въ Гоморру. Подробное описаніе всего что я еще видѣлъ, замѣтилъ и испыталъ — предоставляю себѣ на другой разъ, а теперь позвольте мнѣ ваше высокострахопудіе сообщить вамъ тайны діявольской политики, которыя вы поручили мнѣ изслѣдовать. Думаю что всего лучше здѣлаю если сообщу вамъ содержаніе „Чорной книги", предложенной именно на дняхъ Мефистофелемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, собравшейся думѣ державной. Вотъ что говорится въ веденіи упомянутой „Чорной книги."

„Главная сила, которая пособствуетъ интересамъ нашего государства," говоритъ Мефистофель, „была, есть и будетъ человѣческій егоизмъ. Ослабить эту силу, было, есть и будетъ именно желаніемъ нашего врага—Христа и его апостоловъ. Все искуство нашей политики состоитъ затѣмъ въ томъ, чтобъ по возможности стараться поставить земскіе народы въ такія отношенія, которыя могли бы этотъ эгоизмъ если не усилить, то по крайней мѣрѣ постоянно поддерживать. Такого рода отношенія возможны только въ системѣ международнаго неравновѣсія, потому что только неравновѣсіе силъ производитъ ссору, борьбу,

гнетъ и вообще неправду и зло, т. е. элементы, которыми и питаемся. Не всѣ народы на землѣ нынѣ одинаково счастли счастливѣе же изъ нихъ тѣ, которымъ исторіи судила преж развиться и просвѣтиться. Просвѣщеніе и образованіе дало и именно возможность эксплоатировать темныхъ и непросвѣщенных Просвѣщеніе и образованность есть именно главнымъ условіе господства и потому главный интересъ каждаго народа і земли состоитъ съ одной стороны въ споспѣшествованіи свое собственному развитію, а съ другой стороны въ препятствова развитію всѣхъ другихъ народовъ. Къ просвѣщенію и къ ра витію они всѣ стремятся, но каждый старается препятствова другому. Имъ, конечно, стыдно въ этомъ сознаться, и они ст раются по возможности скрыть форму этихъ своихъ стремлені придавая имъ, всевозможный другій, болѣе благородный харак теръ, и называютъ это искуство международною политико Нашъ интересъ, повелѣваетъ намъ, разумѣется, поддерживат народы, пользующіеся уже супримаціею надъ другими, потому что они именно творятъ зло, эксплоатируя младшихъ братій (младшіе народы), и они именно и нуждаются въ помощи нашей На этомъ основаніи мы и стоимъ въ тѣсныхъ и дружественных отношеніяхъ съ западомъ, а именно съ англичанами, французами нѣмцами и мадярами. Главный нашъ противникъ—это народъ славянскій, и вообще весь востокъ. Главная же наша задача состоитъ въ томъ, чтобъ поощрять племенный егоизмъ у раздроб ленныхъ славянъ, чтобъ не могли сосредоточить свои силы, потому что только въ такомъ случаѣ, могутъ западные народы господ ствовать надъ славянами и угнетать ихъ. Мы впрочемъ под держиваемъ еще и поляковъ и турокъ, но этихъ уже не какъ самостоятельныхъ дѣятелей, но какъ орудіе въ рукахъ запада.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ПОСЛѢДНЕЙ ПАПСКОЙ АЛЛЮКУЦІИ.

Мольбы, приписанные папою за угнетаемую (!) католичкую вѣру въ Россіи, произвели чудные результаты: съ одной стороны онѣ успокоили совѣсть католичкой Европы до такой степени, что она уже совершенно равнодушно смотритъ на продолжающееся пролитіе христіанской крови въ Турціи—а съ другой стороны и притѣсненные католики до того утвердились въ своей католицкой вѣрѣ, что уже нѣсколько тысяцъ перешло въ магомеданизмъ, чтобъ рѣзать восточныхъ исповѣдниковъ Христа.

...РЖАНІЕ 2-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ" ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Содержаніе 2-ой кн. „Вѣстника Западной Россіи" за 1868 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.